

Письма леди Рондо,
жены английского резидента
при русском дворе
в царствование
императрицы Анны Ивановны

Государственная публичная
историческая библиотека России

**ЗАПИСКИ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ
В XVIII СТОЛЕТИИ**

Джейн Вигор (Рондо)

**ПИСЬМА
ЛЕДИ РОНДО**

жены английского резидента при русском дворе
в царствование императрицы Анны Ивановны

Перевод с английского

Редакция и примечания
С. Н. Шубинского

Москва
2016

Печатается по изданию: Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. С прил. портр. имп. Анны / пер. с англ. [Е. П. Карновича]; ред., примеч. С. Н. Шубинского.— СПб: Изд. Я.А.Исакова, 1874.— XXX, [2], 298 с., 1 л. фронт. (портр.) — (Записки иностранцев о России в XVIII столетии. Т.1).

Вигор (Рондо) Дж.

В 41 Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / пер. с англ. [Е.П.Карновича]; ред., примеч. С.Н.Шубинского; предисл., примеч. А.В.Сазанова; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2016.— 286 с.: ил.— (Записки иностранцев о России в XVIII столетии).

ISBN 978-5-85209-380-6

Леди Рондо (1699—1783), Джейн Уорд Рондо Вигор, урожденная Гудвин, супруга английского посланника при русском дворе в царствование Анны Иоанновны, жила в России с 1731 по 1739 год и письма адресовала подруге, оставшейся в Англии. Описывая свои впечатления от государства Российского и людей, приближенных ко двору, она рисует картины русской жизни второй четверти XVIII в.: придворные развлечения, церемонии, обычаи, бытовые подробности, приводит интересные факты о характерах императрицы, Бирона, Миниха, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны и др. В России письма Джейн Вигор впервые опубликованы в журнале «Сын Отечества» в 1822 г.

Издание включает документ XVIII века — записку английского резидента Клавдия Рондо (1695—1739) «Характеры некоторых русских вельмож» с подробными примечаниями историка Ю.В. Толстого и предисловие доктора исторических наук А.В. Сазанова, в котором автор приводит интересные биографические сведения об авторе писем.

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)46

ISBN 978-5-85209-380-6 © Государственная публичная историческая библиотека России, 2016

© Сазанов А. В., предисловие, примечания, 2016

© Музей Виктории и Альберта, Лондон,
«Портрет семьи Вигор» Д. Хаймонда, 2016

© ООО «Микрографтех», оформление, 2016

...и мы вдруг слышим пульс того, кто давно уже ушел из жизни, физически рассеявшись в биосфере, а духовно влившись каплей в поток культуры.

Ю.М.Лотман. «Сотворение Карамзина.
Роман-реконструкция»

Все люди всегда интересны, и их судьбы поучительны для нас, и в каждом историческом пейзаже есть красота и неповторимость, есть своя драма, сопереживая которой мы расширяем свой мир во времени — как бы живем несколько раз.

Е.А. Анисимов. «Россия без Петра»

ПОРТРЕТ С МЕНЯЮЩИМИСЯ ФИГУРАМИ*

23 ноября 1699 г. в Дарфилде (Darfield) был зарегистрирован брак Эдварда Гудвина (Edward Goodwin) из Ромарша (Rawmarsh Hall) и Джейн Уэйнрайт (Jane Wainwright)** из Мидлвуда (Middlewood Hall)***, и уже в следующем году, в назначенный час, на свет появилась крошка Джейн, Джейн Гудвин, героиня нашего повествования. К тому времени семья переехала из Южного Йоркшира в Западный и неподалеку от Лидса, в местечке Метли (Methley), преподобный Эдвард Гудвин (1666—1751) исполнял свой долг приходского священника в местной изысканно-красивой церкви Св. Освальда (1709—1751). Мистер Гудвин слыл состоятельным человеком, во всяком случае до того как, доверившись финансовой пирамиде, «Компании Южных морей», лишился 40 000 фунтов стерлингов (£). Однако он не потерял лица, и добрая репутация священника была

* Биографический очерк о Джейн Рондо содержит сведения, ранее не публиковавшиеся в российских изданиях.

** Katherine Turner, 'Vigor, Jane (1699—1783)', Oxford Dictionary of National Biography, Oxford University Press, 2004; online edn, Jan 2008 [<http://www.oxforddnb.com/view/article/59244>, accessed

*** DARFIELD: The Marriage Registers for Darfield, 1690—1699. <http://www.genuki.org.uk/big/eng/YKS/Misc/Transcriptions/WRY/DarfieldMarriages1690—1699.html>

известна далеко за пределами его прихода. Он вырастил замечательную дочь, умную, образованную, с превосходными манерами. Джейн почти 29 лет не покидала пределы Метли более чем на две недели, и ее привязанность к отцу сохранилась на долгие годы.

Достойная невеста с весьма приличным приданым в £14 000 была выдана замуж за достойного сэра Томаса Уорда (Варда) (Thomas Ward), получив как его жена титул леди. Судя по выпискам из приходских книг церкви Св. Данстана в Кентербери в графстве Кент, он был сыном сэра Эдварда Уорда (1638—1714)*, занимавшего в 1695 г. пост главного барона казначейства**. Эдвард Уорд прославился в мае 1701 г. как председатель суда на знаменитом процессе по делу о пиратстве и убийствах, совершенных командой капитана Уильяма Кидда, всемирно известного персонажа, чьи деяния до сих пор будоражат пытливые умы любителей детективов и приключений. Процесс сопровождался громким политическим скандалом, члены правительства тори были уверены, что капитан Кидд был в сговоре с высокопоставленными чиновниками из кабинета вигов. Несмотря на то, что Э.Уорд был вигом, Кидду и его поделщикам «лорд главный барон» вынес окончательный приговор — смертная казнь через повешение.

В 1728 г. указом короля Георга II Томас Уорд направляется в Санкт-Петербург в качестве министра-резидента***, что соответствовало статусу дипломатического агента между вторым и третьим классами****. Целью миссии Уорда,

* D'Elboux Manuscripts Indexed Abstracts. № 343. Эл. ресурс: shelwin.com/e/Thanet_Research/pk_delbo1.pdf

** Главный барон казначейства — первый «барон», т. е. судья английского Суда казначейства — высший пост в высшем судебном органе по финансовым и фискальным спорам.

*** Horn D. V. *British Diplomatic Representatives 1689—1789* (Camden 3rd Ser. 46, 1932).

**** В Европе с XVII в. люди, стремившиеся к освобождению от государственных тягот и к занятию высшего положения в обществе, могли купить титул резидента у мелких владетельных князей. Появились три класса дипломатических агентов, достаточно между собой разграниченные: 1) послы чрезвычайные и обычные, 2) чрезвычайные посланники-резиденты и 3) резиденты. Между вторым и третьим классами церемониальный этикет XVIII в. создал целый ряд представителей с различными титулами, значение которых не было выяснено: просто министров (ministre), ми-

представлявшего интересы Русской компании* и Фактории в Санкт-Петербурге, было содействие развитию торговли и возобновлению прерванных дипломатических отношений между двумя странами.

Следует вспомнить, что отношения между Россией и Великобританией выстраивались Петром I с учетом интересов Российского государства на Балтике и значительно ухудшились во время Северной войны, когда Англия вступила в открытый союз со Швецией и англо-шведская эскадра напала на русский флот в Балтийском море. Русско-английские отношения еще больше обострились в 1720 г. Тогда резидент России в Лондоне М.П. Бестужев-Рюмин**, по указанию царя, стараясь указать английскому прави-

нистров-резидентов (*ministre-résident*), полномочных министров (*ministre plénipotentiaire*), поверенных в делах (*chargé d'affaires*). Министр был общим названием дипломатического агента, без различия классов, в частности же, титул этот носили агенты третьего класса; министрами-резидентами назывались в XVIII в. все действительные резиденты, в отличие от титулярных. В 1744 г. появился «Церемониал для чужестранных послов при Имп. Всероссийском Дворе» (1-е Полное собрание законов, № 8908). В 1750 г. Варендорф, министр Фридриха II в СПб., уведомлял, что императрица, согласно обычаям Франции и Швеции, решила впредь допускать к аудиенции только послов (*ambassadeurs*), посланников (*envoyés*) и полномочных министров, простые же министры и резиденты должны будут представлять свои верительные грамоты Иностранной коллегии.

* Русская (Московская) компания — первая английская торговая компания для торговли с Русским государством и странами Востока. Образована в 1554 г. в результате успешных переговоров Марии Тюдор и Ивана IV Грозного. Англии предоставлялись льготные условия для торговли с Русью. Компания утратила свои монопольные привилегии в 1698 г. в ходе преобразований Петра I. Компания прекратила операции в 1808 г. В 1994 г. здание компании (Старый английский двор, ул. Варварка, 4) во время своего визита в Москву посетила королева Елизавета II.

** Бестужев-Рюмин Михаил Петрович [7(17).9.1688, Москва, 26.2(8.3).1760, Париж], русский дипломат, граф (1742). Брат канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Министр-резидент в Англии (1720); Швеции (1721—1726, 1731—1741), где в 1724 г. добился подписания договора о русско-шведском оборонительном союзе; в Польше (1726—1730, 1744), Пруссии (1730—1731), Франции (1756—1760). Был сторонником союза с Австрией и Англией против Турции и Пруссии.

тельству на противоречия между заключенным Англией в 1720 г. союзом со Швецией и англо-русской конвенцией 1715 г., осуждая враждебную позицию Георга I*, подал мемориал статс-секретарю Крэггсу** в отсутствие короля. Сочтя это нарушением протокола, через несколько дней после передачи мемориала, 14 ноября 1720 г., правительство Англии предложило Бестужеву-Рюмину в недельный срок покинуть страну. В свою очередь, английский дипломатический представитель также был отозван из России. Но, несмотря на разрыв дипломатических отношений, удалось достичь главного — избежать военного столкновения с Англией. Миссия Т.Уорда была пока еще только «первой ласточкой» возможно наступавшей оттепели отношений.

В Санкт-Петербург Томас Уорд прибыл в конце июля 1728 г. вместе с Джейн и в сопровождении секретаря, Клавдия Рондо. Наблюдая жизнь и нравы двора, узнавая о происходящих или готовившихся за кулисами событиях, Томас Уорд сообщал о своих впечатлениях в виде служебных донесений в Министерство иностранных дел — Форин-Офис. А Джейн рассказывала «о месте, в которое занесена» была своей «блуждающей звездой», в пространных письмах сестре Томаса, своей большой подруге. Наполненные впечатлениями от увиденного и услышанного, письма эти, многословные и эмоциональные, были, разумеется, весьма далеки от служебных записок и являли собой образец сугубо «дамского стиля» изложения.

На престоле тогда был третий император всероссийский, последний представитель дома Романовых по прямой мужской линии, 11-летний Петр II (1715—1730), внук Петра I, сын царевича Алексея и Софьи Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбютельской. По завещанию, оставленному Екатериной I, подросток-император должен был до 16 лет править не самостоятельно, а опираясь на

* Георг I (1665—1727) Король Великобритании из династии Ганноверов, правивший в 1714—1727.

** Известны два английских политических деятеля того времени: Джеймс Крэггс (Craggs) Старший (1657—1721) и Джеймс Крэггс Младший (1686—1721). Оба были приближены к Георгу I, оба были замешаны в крупном коррупционном скандале Компании Южных морей («Мыльные пузыри»). Разоблачение созданной финансовой пирамиды свершилось в 1721 г. Отец пережил сына на месяц, возможно, покончил с собой.

Верховный тайный совет, которым в то время манипулировал Александр Данилович Меншиков. Петр II отличался ленью, нежеланием учиться и, конечно, не был способен править самостоятельно.

«Царь думает исключительно о развлечениях и охоте, а сановники — о том, как бы сгубить один другого», — писал в своем донесении от 19 сентября 1728 г. Томас Уорд* лорду Чарльзу Таунсенду, председателю Тайного совета**, министру иностранных дел. Ему вторит жена в письме II: *«Императора Петра II редко видим; при его дворе не бывает собраний, и, кажется, он ничего не любит, кроме охоты»*. Практически неограниченная власть находилась какое-то время в руках Меншикова, ожидавшего женитьбы подрастающего императора на своей дочери Марии. Во-первых, согласие Екатерины I на этот брак было условием объявления наследником престола царевича Петра Алексеевича, во-вторых, 24 мая 1727 г. уже состоялось обручение Петра II с дочерью светлейшего князя. Однако в результате хитро закрученных интриг князей Голицыных, Долгоруких и герцога Голштинского, Меншиков был обвинен в государственной измене, хищениях из казны, попал в опалу и в сентябре 1727 г. сослан в Березов (нынешняя Тюменская область), где два года спустя умер.

Исполняя императорский указ, оглашенный в конце 1727 г., в январе 1728 г. императорский двор переезжает в Москву, якобы на период празднования коронации юного царя, на самом же деле исполняя волю противников петровских преобразований. Иностранная коллегия следует за двором. Дипломаты недовольны: воспринимая европеизированный Санкт-Петербург как столицу мощного Российского государства, способного поддерживать «баланс сил» на Балтике, они воспринимали переезд в Москву как возврат государства к старой допетровской

* Письмо № 27. К. Рондо лорду Таунсенду. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 г. по 1733 г. (Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Т. 66. СПб., 1889. С. 65).

** Тауншенд, Таунсенд, Товсенд (Townshend) Чарльз (1674—1738) — английский политический деятель, был фактически первым министром при Георге I. При Георге II — государственный секретарь, президент Тайного совета. В 1730 г. подал в отставку.

жизни. 7 августа 1728 г. секретарь Уорда Клавдий Рондо, например, доносил: *«Его Величество моря не любит, потому мало вероятия, чтобы он вернулся в Петербург. Если так, великие замыслы его деда вскоре обратятся в ничто»**. К тому же Москва попросту пугала их отсутствием хоть какой-то системы в застройке, представляя собой, как писал иностранный путешественник, совокупность *«многих деревень, беспорядочно размещенных и образующих собой огромный лабиринт, в котором чужестранцу нелегко опознаться»*. Попытки убедить Петра II через ближайшее его окружение изменить решение и вернуться в Северную столицу оказались тщетны. В мае 1729 г. французский дипломат сделал окончательный вывод: *«Надежда на возвращение в Петербург исчезла совершенно»*. Но в начале 1729 г. английские дипломаты еще находились в Северной столице. Как сообщает летопись Кунсткамеры, 16 января, *«Английский консул Т. Вард и г-н Рондау посетили Библиотеку и Кунсткамеру, им был подарен I том «Commentarii»***. Несомненно, по возвращении домой консул подробно описывал увиденные коллекции своей жене, и леди Уорд с любопытством подолгу рассматривала книгу.

Наконец, 5 марта 1729 г. английские дипломаты выезжают в Москву. Летом, как сообщал Т. Уорд 1 августа 1729 г., *«... ничего или почти ничего достойного внимания не происходит»*. Главным событием той осени было решение 14-летнего наследника престола вступить в брак со старшей дочерью князя Долгорукого, Екатериной. 30 ноября состоялось торжественное обручение, сопровождавшееся многодневными празднествами и многочисленными поздравлениями. Дж. Рондо, зная о несчастной любви Екатерины и графа Милезимо, шурина имперского посла Вратиславского, прерванной алчностью ее отца и желанием Петра II, с сочувствием относилась к невесте, называя

* Письмо № 2. Клавдий Рондо (без означения лица, которому письмо адресовано). Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 г. по 1733 г. // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Т. 66. СПб., 1889. С. 4.

** Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Academia Scientiarum Imperialis Petropolitana. 1726. Т. 1. С. 440. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978—5—88431—262—3/ © МАЭ РАН.

ее «прекрасной жертвой». Неприязнь к юному императору сквозит в словах, какими она дает его портрет: «...и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного». Чистота сердца и помыслов романтической молодой женщины, какой оставалась Джейн, чувствуется в ее возвышенных размышлениях: «я думаю, однако, что если б можно было заглянуть в ее сердце, то оказалось бы, что величие не может облегчить ее страданий от безнадежной любви; в самом деле, только крайнее малодушие в состоянии променять любовь или дружбу на владычество».

Статус Т. Уорда не давал возможности лично поздравить императора; чувствуя определенную ущербность положения резидента, он просит британское правительство о расширении своих полномочий: «Москва, 29 декабря 1729 г. <...> Чем более присматриваюсь к настоящему положению дел в России, тем более утверждаюсь во мнении, что в интересах его королевского величества было бы при данных обстоятельствах облечь меня определенным званием, дабы я мог иметь честь принести царю поздравление по случаю его бракосочетания, а также — следить за всем, что здесь предпримет венский двор. Может показаться, что я таким образом как бы ходатайствую за себя. Потому, пожалуйста, не откажитесь уверить лорда, что я не способен из личных выгод предложить ничего, что бы впоследствии могло оказаться неблагоприятным для Его величества»*.

Но «приносить поздравления» не пришлось. Петру II так и не суждено было жениться. В ночь с 18 на 19 января 1730 г., в тот самый день, когда назначена была свадьба, он умер от оспы в возрасте 14 лет и трех месяцев.

Не скорбели. Томас Уорд тотчас отправил не лишённое оптимизма донесение: «Москва, 19 января 1730 г. ... Не успели съехаться, как член Верховного совета, князь Дмитрий Михайлович Голицын, в длинной речи выразив печаль по утрате, понесенной со смертью Его величества, прибавил, что, по его мнению, наиболее правильно было бы передать престол Анне Иоанновне, герцогини-

* Письмо № 40. К. Рондо Дж. Тильсону. Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 г. по 1733 г. // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. СПб., 1889. Т. 66. С. 118.

не курляндской, второй дочери царя Иоанна, старшего брата Петра I. Весь Верховный совет присоединился к этому предложению и немедленно сообщил о своем решении генералитету, собравшемуся в передней комнате, приказав ему в то же время возвестить о совершившемся избрании солдатам и народу, что и было исполнено. Пока, кажется, будто все вполне довольны. <...> Вероятно, вскоре в состоянии буду прислать вашему превосходительству точное донесение о всех переменах, которые вызовет кончина царя. Они, надеюсь, к нашему ущербу клониться не будут, так как новая государыня всегда любила Великобританию и, проживая здесь, держала возле себя нескольких англичан»*.

Письмо Томаса Уорда о необходимости расширения его полномочий не осталось незамеченным, хотя дело двинулось только год спустя. Из Иностранной коллегии в Сенат поступает донесение: «Подал де в оную Коллегию Английский шляхтич Томас Вард копию с патента, <...>, в котором Его Королевское Величество определил его, Томаса Варда, Генеральным Консулом в разных странах Российской империи, где подданные Великобританские купечество и торг имеют, и позволено ему, Томасу Варду, определять и назначивать Депутатов или Вице-Консулов в таких портах и местах в Российской империи, в которых он за потребно рассудит, к прибыли торгу и коммерции; и просит Его Императорское Величество Королевское Величество Великобританское <...> его представлениям всякую благосклонность объявлять, <...> (содействовать) безопасности и умножению купечества и коммерции к общей пользе обеих стран подданных <...> Коллегия за благо рассудила оного Варда в чине Генерального Консула в Российской империи принять... (и поступать с ним, как с консулами) других иностранных обывателей обретающихся в России»**. Указ Правительствующего Сената об

* Письмо № 44. Рондо лорду Таунсенду. Донесения и другие бумаги английских послов... С. 129—130.

** Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. Т. 4, кн. 2. М., 1785. С. 483—484.

утверждении Уорда в новом чине был подписан 31 декабря 1730 г. Это была победа Уорда-дипломата! Он не ошибся в своих надеждах на правление Анны Иоанновны: дипломатические отношения между Россией и Англией были восстановлены в год торжественной коронации курляндской герцогини.

Но, не будучи подготовлена к той роли, какая выпала ей на долю в зрелом возрасте, Анна Ивановна оказалась вдали от забот правления. За нее думали и работали другие. Внешняя политика во все время ее царствования находилась в ведении А. И. Остермана; русские войска побеждали благодаря военным талантам Б. К. Миниха; во главе внутреннего управления сначала стоял тоже Остерман, а затем Э. И. Бирон. О развитии промышленности и торговли старался, хотя и не мог действовать совершенно самостоятельно, знаменитый дипломат эпохи Петра Великого барон П. П. Шафиров.

При дворе в окружении Анны сразу же оказалось немало иностранцев, что не могло не бросаться в глаза и не вызывать недовольства русских сановников и вельмож. Но примечательно то, что это недовольство было связано не с оскорбленным национальным чувством, а с тем, что их — каждого в отдельности и всех вместе — оттеснили от престола новые «любимцы». 11 мая 1730 г. помощник Томаса Уорда, Клавдий Рондо, писал в Лондон: *«Дворянство, по-видимому, очень недовольно, что Ея величество окружает себя иноземцами. Бирон, курляндец, прибывший с нею из Митавы, назначен обер-камергером, многие другие курляндцы также пользуются большей милостью, что очень не по сердцу русским, которые надеялись, что им будет отдано предпочтение»*. В начале 1731 г. Рондо вернулся к этой теме. Отмечая, что «старорусская партия» не пользуется доверием со стороны императрицы и что ее первыми советниками являются иноземцы — Бирон, братья Левенвольде, Остерман, он пишет: *«Ни одна ее милость не дается помимо них, что бесит русских, даже ближайшие родственники едва ли имеют значение. Два старых гвардейских полка довольно громко ропщут на то, что царица и некоторые из ее приближенных, по-видимому, более доверяют третьему — Измайловскому*

гвардейскому полку, чем им, хотя в состав их входят представители лучших русских фамилий»*.

Джейн Уорд в течение года, прошедшего со дня восшествия на престол Анны Иоанновны, хранит молчание «относительно личности и характера <...> новой государыни», находя объяснение в том, что видеть ее можно на многочисленных балах, маскарадах, официальных приемах. Избегая делиться своими впечатлениями от императрицы, которую видела только на церемонии коронации, она пишет в 1731 г., что нигде не бывала : «Бедный В. очень болен и мое сердце испытывает самые жестокие мучения,— у меня есть печальные предчувствия относительно исхода его болезни». Исполнив достойно свою миссию в должности министра-резидента и агента Русской компании, он так и не успел представиться ко двору в новом чине Ее Величества Генерального Консула. В январе 1731 г. на центральных улицах Москвы появились первые фонари — лампадки на конопляном масле, а светоч жизни Томаса Уорда в ночь на 5 февраля (25 января по старому стилю) того года угас навсегда. « В этом месяце мы получили сообщение о смерти Томаса Уорда, нашего консула в Московии», — одной строкой сообщило лондонское издание «The Political State of Great Britain»**.

Вдовствующая леди Уорд утешалась слезами и приятной надеждой «вернуться в Англию следующим летом». Но мечты о родине тогда остались мечтами. Провидению было угодно, чтобы книга ее жизни заполнялась новыми страницами в России. Осенью 1731 г. Джейн Уорд, после некоторых раздумий и колебаний, выходит замуж за бывшего секретаря своего мужа Клавдия (Клодиуса) Рондо (Claudius Rondeau), который к тому времени занял пост Уорда.

Сдержанно, деловито К. Рондо дает объяснение своей женитьбы в письме в Форин-Офис Джорджу Тилсону***:

* Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725—1740. СПб.: Лениздат, 1994. Эл.ресурс <http://fanread.ru/book/5943804/?page=56>.

** The Political State of Great Britain. London, 1731. Vol. 16. P. 213.

*** Джордж Тилсон (1672—1738) — эсквайр, государственный служащий в правительстве Великобритании. С 1703 по 1706 г. был секретарем британского посла в Пруссии. С 1710 г. он занимал должность подсекретаря Северного департамента в Foreign

«Москва, 29-го ноября 1731 г. ... Я, как Вы знаете, много обязан покойному консулу Уарду, с которым во все время пребывания здесь всегда жил дружно, как с родным братом. Мне кажется, я не мог сделать ничего лучшего, как жениться на его вдове, женщине очень достойной. Брак наш совершился 23-го ноября в присутствии графа Остермана; мы бы не поторопились так, если бы Ея Величество не выразила желанья, чтобы представители иностранных государств все собрались в Петербург к 19-му января. Я счел за лучшее покончить с свадьбой до выезда в это длительное путешествие. Вы, надеюсь, одобрите сделанный мной шаг: в этом крае очень тяжело жить одинокому человеку, желающему душевно отнестись к своему делу»*. Был ли он прагматичен в своем решении? Пожалуй. Он был очень увлечен карьерой, а в тот период буквально «вершил судьбы» двух стран.

Клавдий Рондо родился 28 марта 1695 г. в семье французского беженца-протестанта, поселившегося в Кентербери; носил почетный титул «эсквайр»**. Находясь в России вместе с Т. Уордом с 1728 г. и проживая в одном доме, он был в самых дружеских с ним отношениях. «Человек этот имеет достоинства, ум, природную доброту и много ровности. Он очень уважаем мужчинами», —

Office, служил под руководством меняющихся госсекретарей тори и вигов. Член Королевского общества (1735).

* Письмо № 160. К. Рондо Джорджу Тильсону. Донесения и другие бумаги английских послов... С. 401.

** Реляции кн. А. Д. Кантемира из Лондона (1732—1733). Т. 1. М., 1892. Эл. ресурс: <http://oldvostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVIII/1720—40/Kantemir/>. Эсквайр, сквайр (от лат. scutarius — щитоносец) — в раннее Средневековье оруженосец рыцаря, необходимая ступень перед посвящением в рыцари. Э. — это лицо, имевшее право на рыцарское звание, но еще не получившее его. Должность не передавалась по наследству. Э. называли и держателя рыцарского феода, не имевшего достоинства рыцаря. В позднее Средневековье и Новое время титул э. присваивался младшим сыновьям пэров и старшим сыновьям младших сыновей пэров, старшим сыновьям рыцарей и старшим внукам последних от их старших сыновей; кроме того — должностным лицам королев, двора, мировым судьям, шерифам и др. Со временем титул распространился на всех джентльменов и стал употребляться как равнозначный термину «джентльмен». Сокращенная форма — сквайр.

сообщала Джейн, хорошо знавшая его. Она, как и раньше, слушает, что говорит ее «сердце, этот нежный советник, (который) помогает выбору лица, (делающего) <...> честь своим предложением». «Этот господин имеет титул, ленту, великолепный экипаж и большое состояние», — так охарактеризовал его один из друзей четы Уордов. «Он взял на себя труд убедить меня в своей привязанности, чего я никогда не ожидала от его соотечественников», — без особой симпатии к французам, но с симпатией к «предмету обсуждения» писала Джейн. Через некоторое время добавляла: «Признаюсь, что чувствую к нему большое уважение и почтение». И вскоре уже сообщила, что «переменила фамилию».

Традиционно, если вдова снова выходила замуж, то ее положение определялось положением ее нового мужа. Для обращения к представителю нетитулованного дворянства, эсквайру, было принято использовать титул вежливости «мистер», а в отношении женщин «мисс» или «миссис». Теперь Джейн — миссис Рондо.

К. Рондо был весьма активным сторонником сближения России и Великобритании и немало сил приложил для развития торговых и восстановления дипломатических отношений между двумя странами. В 1730 г. он выступил с инициативой заключить контракт на поставку английского сукна в обмен на русские товары. Выгодное предложение англичан было воспринято с одобрением: благодаря бартерной торговле из страны не уходило золото. 10 июля 1730 г. Т. Уорд в служебном письме просил, чтобы Рондо был назначен резидентом, а он по-прежнему оставался бы в качестве генерального консула. Лондонский кабинет принял решение назначить консула К. Рондо своим резидентом в России. По мнению Лондона, такое назначение должно было служить лучшим доказательством искреннего желания «поддержать дружественные отношения с Е.И.В.». В инструкциях К. Рондо от 31 августа 1731 г., подписанных королем Георгом, говорилось, что кредитив на звание резидента ему надлежало вручить лишь в том случае, если он убедится в намерении русского двора назначить своего представителя в Англию. Дипломатическим резидентом России в Лондоне стал 23-летний князь Антиох Дмитриевич Кантемир. Рондо был должным образом назначен 11 сентября 1731 г. 27 декабря 1731 г. в инструкции

ему отмечалось, что «е.к.в. аглинской бывшего здесь до-
ныне секретаря Рондо при дворе е.в. резидентом своим
акредитовал»*.

Теперь, после соблюдения всех формальностей, впер-
вые состоялось официальное представление миссис Джейн
Рондо пред очи Ее Императорского Величества. В янва-
ре 1732 г. она может дать государыне императрице свою
первую характеристику, бесстрастную, соответствующую
рамкам светских правил : *«Когда же она говорит, то на
губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она
много разговаривает со всеми и в обращении так при-
ветлива, что, кажется, будто говоришь с равной себе;
однако же она ни на минуту не теряет достоинства
государыни. Она, по-видимому, очень кротка, и если бы
была частным лицом, то, как я думаю, считалась бы
чрезвычайно приятной женщиной».*

В последующей переписке она не единожды будет
добавлять все новые и новые штрихи к портрету Анны
Иоанновны, и все они будут исполнены остроты взгляда
и безупречной деликатности.

Но повседневная жизнь супругов не была безоблачной.
Джейн Рондо — истинная леди, как бы ни придирались
историки к ее титулу — в своих письмах к подруге вовсе
не касается личных проблем. Проблемы были серьезные.
Дипломатическая служба К. Рондо требовала постоянных
больших материальных затрат. Придворные являлись
на приемы в роскошных нарядах, на балах сияла золо-
том и серебром парча, искрились бриллиантами ордена
и украшения, застолья проводились с необычайным раз-
махом. Таковы были традиции российского двора. «Здесь
все намного дороже, чем в Англии», — сообщал К. Рондо
в Форин-Офис. Содержание дома обходилось 400 рублей
в год, что составляло около 1 тыс. фунтов; деньги нужны
были на представительские расходы, на перевоз багажа во
время очередного переезда двора, теперь уже из Москвы
в Петербург, да и предшественник его, Т. Уорд, оставил
после себя «значительные дела». Из раза в раз К. Рондо
просил денег в служебных письмах. Наконец, в 1732 г. ему

* Цит. по: Дипломатия России: от Посольского приказа до на-
ших дней: информ.-справ. материалы. Англия. Эл.ресурс: [http://
www.idd.mid.ru/inf/inf_51.html](http://www.idd.mid.ru/inf/inf_51.html).

было увеличено жалованье до 300 фунтов «на обзаведение» как резидента, выделены средства «на покрытие почтовых и других необычайных расходов», оплачен счет на переезд. Ее величество через графа Остермана известила, что ему отводится дом, который она будет оплачивать, и надеется, что двор короля сделает то же для князя Кантемира, российского резидента в Лондоне.

Другая тяжелая проблема нависла над дипломатом: по существовавшим законам, представителем Великобритании при дворе должно быть лицо знатное, с высшим положением, нежели было у К. Рондо. Он должен был быть отозван. Рондо был обескуражен. Волнение его усугублялось изумлением известных ему высших лиц, лестными словами в его адрес тех, с кем он вел служебные дела. Близкое знакомство с влиятельными деятелями двора придавало ему уверенность в своих силах. Он активно пытался сохранить свое положение. *«Они — я уверен — расположены ко мне, иначе мне не удалось бы склонить русское правительство на заказ в Англии такого значительного количества солдатского сукна, какое заказано в настоящем году, и устранить неблагоприятные условия, при которых английские купцы торговали здесь многие годы. Ввиду этих соображений,— пишет он лорду, статс-секретарю короля Георга II Вильяму Гаррингтону 27 мая 1732 г.,— льщу себя надеждой, что ваше превосходительство изыщет средства удержать меня здесь,— и добавляет,— женившись на вдове консула Уарда, оставившего здесь значительные дела, я разорюсь, если меня отзовут прежде, чем они будут окончены»**. В нескольких последующих письмах он повторяет свою просьбу, подкрепляя ее серьезными аргументами, главный из которых — целесообразность его оставления в должности для организации торговли англичан в России. Он сообщает: *«Убежден в особенном расположении ко мне графа Бирона и в том, что ему очень приятно было бы видеть меня почтенным званием посланника»***.

* Письмо № 190. К. Рондо лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 27 мая 1732 г. (7 июня н. ст.) //Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 г. по 1733 г. С. 463.

** Письмо № 222. К. Рондо лорду Гаррингтону. С.-Петербург, 11 ноября 1732 г. (22 ноября н. ст.) //Донесения и другие бумаги

К осени 1732 г. для короля Георга II К. Рондо подготовил доклад о положении дел в торговле между Великобританией и Россией, который представлял собой глубокий анализ всех проблем, критические замечания и предложения по реорганизации. Отчет подписали Клавдий Рондо и крупные успешные предприниматели — Джеймс Гарднер, Бенджамин Вигор, Томас Нисбет.

В этих обстоятельствах, помимо данных о торговле, К. Рондо в своих многочисленных донесениях сообщал о политических интригах при дворе, о численности и составе российской армии, флота, вспомогательных служб и госпиталей, о взаимодействии России с другими государствами и даже о состоянии здоровья не только царственных персон, но и придворной знати. Георг II высоко ценил способности и был доволен службой Рондо в России, но, учитывая желание «царицы видеть при своем дворе лицо именитое», в феврале 1733 г. назначил чрезвычайным представителем Великобритании и полномочным министром лорда Форбеса, который прибыл в Петербург 8 июня 1733 г. Джордж Форбес, успешный флотоводец и политик, при содействии К. Рондо заключил в России договор о регламенте пошлин на английскую шерсть, а уже 7 мая 1734 г. покинул свой пост и вернулся в Англию, отвергнув предложение Анны Иоанновны принять командование российским флотом.

К. Рондо продолжал свою службу, несомненно, получая поддержку от Джейн. Их отношения строятся на все более набирающих силу чувствах, взаимном доверии и понимании. Джейн рада тому, что может оказать некоторое содействие делам мужа: посещая жену Бирона для совместных занятий вышиванием, где часто можно было общаться и с государыней, Джейн не забывает, что «г. Рондо, занимая настоящий пост, может извлечь из этого выгоды». Она не скрывает, что любовь помогает ее «решимости следовать за г. Рондо в армию, если он будет принужден отправиться туда», и разделить с ним все опасности: «уверенность моя, что присутствие мое будет ему приятно, заставила бы меня решиться на все».

Речь шла о войне за польское наследство (1733—1735) между двумя коалициями: России, Австрии, Саксонии, с

английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 г. по 1733 г. С. 530.

одной стороны, и Франции, Испании, Сардинского королевства, с другой. «Надевать ранец и следовать за армией» не пришлось. Правительство Великобритании, руководимое Уолполом, в войну не вступило, а К. Рондо не пришлось оставлять свою консульскую работу в Петербурге. В 1734 г. супруги жили в двухэтажном деревянном доме в живописном месте на берегу залива, в окружении лесов и лугов. Дом наполнили книгами, географическими картами, нехитрой утварью, разместили непрременные пальцы для вышивания и с удовольствием отдыхали там от напряжения и суеты двора. Уже через год описание семейной жизни Джейн напоминает идиллическую пастораль: «Мы здесь проводим три дня в неделю. Г. Рондо читает вслух в то время, когда я занимаюсь рукоделием; наши коровы, бараны и домашние птицы приручены до такой степени, что пасутся под нашими окнами. Если бы подобное убежище было вблизи вас и я могла бы наслаждаться беседой моей подруги так же, как наслаждаюсь теперь беседой двух друзей, то как презирала бы я всякое величие! Но пока это осуществится, я нахожу в г. Рондо доверчивую дружбу и нежную любовь, и до тех пор, пока небо сохранит мне этого друга, я буду счастлива, при всех превратностях судьбы».

Джейн могла гордиться своим мужем: его действия на дипломатическом поприще были весьма активными и успешными для блага их страны. В 1734 г., 13 (2) декабря, резидент К. Рондо «со стороны Его Величества Короля Великобританского» подписал «Трактат о дружбе и коммерции, между Российской империей и короною Великобританскою». Это большой англо-русский торговый договор, обеспечивавший Англии статус «наиболее благоприятствуемой нации». Со стороны России договор подписали А. И. Остерман, А. М. Черкасский, П. П. Шафиров. Благодаря протекционистской политике Бирона, это был только торговый, а не союзный договор — Лондон не брал на себя гарантий обезопасить балтийские владения России от возможного шведского реванша. Английские купцы, в отличие от купцов других стран, получили по договору право платить пошлину русскими деньгами, и притом по выгодному курсу (1 руб. 25 коп. за ефимок); снижены были на $\frac{1}{3}$ пошлины с английских сукон и других тканей; английские купцы получили ряд привилегий в самом

Петербурге — право строить и снимать дома с освобождением их от постоев; подсудными они становились только Коммерц-коллегии и т. д. Договор был основан на принципе наибольшего благоприятствования и формального равенства сторон, но Россия, имевшая незначительный коммерческий флот, не могла использовать многих преимуществ и льгот этого договора. Фактически все преимущества доставались английским купцам. Договор был подписан на 15 лет, а в 1742 г. продлен на такой же срок. Договор этот был своего рода венцом усилий К. Рондо и его предшественника Т. Уорда. В награду за него Рондо получил от английской Московской компании 150 золотых гиней. В целом же заключение торгового соглашения с Россией обошлось англичанам в 32 тыс. фунтов. Рондо становится желанным гостем Бирона и Остермана — информативность его донесений резко возрастает.

В 1734 г. в делах английскому резиденту помогает *Джон Белл* (1691—1780), секретарь, со временем ставший большим другом Клавдия и Джейн*. Пройдет несколько лет, и сестра его жены будет состоять в некотором родстве с Джейн Рондо. Врач, приехавший в Санкт-Петербург с рекомендательным письмом к лекарю Петра I, он был принят на службу в Коллегию иностранных дел, включен в состав русского посольства в Китай, участвовал в Персидском походе Петра I. Он написал: «Путешествия из Петербурга в различных частях Азии». В 1737—1738 гг., во время Русско-турецкой войны, он находился с дипломатической миссией в Константинополе. По предложению К. Рондо и российского канцлера А. И. Остермана ему было поручено передать турецкому правительству предложения о примирении России с Портой**.

Рондо так рьяно исполнял свою миссию по сближению двух стран в период Русско-турецкой войны 1735—1739 гг., что, спустя почти 125 лет после описываемых со-

* Джон Белл в 1746 г. женился на Мэри Питерс, поселился в Antermony, где и умер. Сводная сестра Марии Питерс — Джейн, дочь Бенджамина Vigor из Фулхэма, вышла замуж за Джона Кармайкла, 3-го графа Hyndford; умерла в 1802 г., в возрасте восьмидесяти шести лет.

** «Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь». Ч. 1—3. СПб., 1776. Ч.3. С. 197.

бытий, создатель системы мысли, называемой марксизмом, Карл Маркс, обвинил его в русофильстве. Поводом послужило письмо Горацио Уолполу* из коллекции английского историка У. Кокса, хранящейся в Британском музее, в котором Клавдий Рондо ясно дает понять, на чьей стороне выступает Англия в конфликте России с Портой (1735—1739). В работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркс негодует: «Может ли быть что-нибудь глупее сообщения г-на Рондо Горацио Уолполу о том, что он выдал русским министрам адресованные английскому королю письма турецкого великого визиря, но заявил *«в то же время этим джентльменам, что, поскольку в письмах содержится ряд резких суждений о русском дворе, он не передал бы эти письма, если бы они сами не жаждали так увидеть их»*, а затем просил их превосходительства не сообщать Порте, что они их (эти письма) видели! Уже с первого взгляда видно, что гнусность поступка тонет в глупости этого человека».

Общеизвестно, что видимая, лежащая на поверхности работа дипломата никогда не отражает глубины истинного положения вещей. Резкая нелицеприятная характеристика, данная Марксом К. Рондо, не может быть объективной оценкой деятельности дипломата. Компромиссы и лавирования в дипломатических играх объяснялись необходимостью поддержания баланса сил на Балтике и в Европе. Известные слова Пальмерстона** «У Англии нет ни друзей, ни врагов, есть только национальные интересы» — можно отнести и к описываемым событиям XVIII столетия.

Рондо, подготовивший торговый договор 1734 г., «показал себя последовательным и изобретательным проводником британских интересов, как правительственных, так и интересов Фактории, в терпеливом взаимодействии с рус-

* Горацио Уолпол (Horatio Walpole), 1-й барон Уолпол (8 декабря 1678 — 5 февраля 1757) — английский дипломат. Был сыном Роберта Уолпола из Houghton, Норфолк, и младший брат премьер-министра Великобритании сэра Роберта Уолпола. Будучи послом в Париже (1723—1730), всячески способствовал развитию дружественных отношений между Англией и Францией. В 1730—1740 — посол в Гааге; использовал все свое влияние в деле установления европейского мира.

** Пальмерстон, Генри Джон Темпл (Palmerston, Henry John Temple) (1784—1865) — британский государственный деятель.

скими», — такая характеристика дана английскому резиденту профессором Кембриджского университета Антони Кроссом, известным своими работами по истории России XVIII века*. Исполняя службу при дворе, К. Рондо записывал свои впечатления о российских государственных деятелях и оставил после себя много деловых бумаг, касающихся торговых интересов России и Англии и других политических отношений. Позже его материалы были изданы как «Записки о некоторых вельможах русского двора в 1730 г.» и «Донесения» (1728—1733).

Восторженные впечатления о супругах Рондо оставила в своих воспоминаниях англичанка Элизабет Джастис, работавшая в Петербурге гувернанткой в семье английского купца м-ра Эванса в 1734—1737 гг.

*«Там находится благородный мистер Рондо, который является английским резидентом. Этот джентльмен уважаем всеми, кто имеет честь знать его; он человек, честнейший по отношению ко всем. У него есть супруга (Джейн Рондо — А.С.), украшенная всеми совершенствами, какими только может обладать существо ее пола. Она настолько разумна, что в этом с нею можно разве сравняться, но не превзойти, и это известно тем, кто имел удовольствие беседовать с нею, но, кажется, неизвестно ей самой. Благовоспитанность, любезность и добродушие — вот ее проявляющиеся постоянно качества, и во всем обхождении даже и с низшими [по положению] она выказывает величайшую снисходительность и добродетельность. Внешне она прекрасна, очень высока ростом и обладает превосходными манерами. В день рождения короля (Георга II — А.С.) у мистера Рондо ежегодно бывает богатый прием и бал, куда приглашают англичан»**.*

Джейн во втором браке восемь лет чувствовала себя счастливой женой успешного человека, но ей так и не пришлось испытать по-настоящему радость материнства. В

* Cross A. By the Banks of the Neva. Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth Century Russia. Cambridge. 1997. P. 54.

** Джастис Э. Три года в Петербурге/пер. Ю.Н.Беспярых// Беспярых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 104—105.

браке с К. Рондо Джейн в 1733 г. впервые испытала «муки Евы» при рождении ребенка. Упомянув об этом событии и рассказав о получении по такому поводу «от русского дворянина» золотого дуката (такова традиция!), она больше никогда не возвращалась к этой теме; вероятно, ребенок не выжил. Возможно, в 1735 г. ситуация повторилась; она не участвовала в зимних развлечениях придворных, скачивании с наклонной обледеневшей доски, объяснив это в письме подруге: «...ее величество сказала, что настоящее мое положение делает меня к этому неспособной». Когда Рондо умер 5 октября 1739 г., Джейн снова ждала ребенка. Ее дочь, Клаудиа, родилась уже в Англии 8 мая 1740 г., но, к горю матери, прожила только двадцать два дня и была похоронена, как и ее отец, К. Рондо, в церкви Санкт-Дунстана, Кентербери.

Осенью 1739 г. Джон Белл организовал отправление Джейн в столь любимую Англию в сопровождении Вильяма Вигора (William Vigor). Джейн отправилась на родину с рекомендательными письмами от Анны Иоанновны к Георгу II. По дороге домой с ней приключилась удивительная история. Джейн и Вильям на санях добрались в Мемель, в польской Пруссии. Гостиница была полна солдат. Вигор навел справки о частном жилье, и добрый незнакомец по имени Мейер пригласил их разместиться в просторном доме, который, к их удивлению, оказался его собственным. Когда Джейн поблагодарила его за благосклонность, он объяснил, что в прошлом году его сын был в Англии, когда заболел оспой в северном городке. Когда он лежал при смерти в грязной пивной, некий господин, услышав о его бедственном положении, взял его к себе домой. Г-н Мейер заявил, что его сын был обязан жизнью доброте этого господина. Джейн спросила его сына, где это произошло, и он ответил, что это было в Метли, недалеко от Лидса, в Йоркшире, и имя джентльмена было Гудвин. «Сэр,— сказала Джейн,— это был мой собственный отец!» *

Теперь, когда Джейн была на родине, казалось, позади не только печали, но и радости, ведь ей 41 год... Однако то ли Провидению было угодно, то ли Джон Белл правильно расставил фигуры шахматной партии ее жизни, но Вильям Вигор становится ее третьим мужем.

* Extract from the book «The History of Methley» : http://www.methley-village.com/html/jane_vigor.html.

Вероятно, знакомы они были с 1734 г., когда Джейн писала, что по соседству с ними живут два брата, наделяя их превосходными характеристиками: *«Здесь живет одно английское семейство, с которым г. Рондо дружески сошелся; оно состоит из двух братьев, умная беседа которых была бы находкой даже в Англии. Они часто навещают нас в нашем уединении»*. Поскольку в доме соседей не проживали дамы, прерогатива первого знакомства принадлежала исключительно г-ну Рондо, а не его жене — так было принято между соседями одного круга. Насколько широкой и успешной была коммерческая деятельность братьев в то время, нам неизвестно, но сохранились свидетельства, что Вильям Вигор участвовал в торговле металлом, организованной одной из шведских компаний в России*. В письме от 4 января 1735 г. из Санкт-Петербурга У. Вигор пишет своему другу Дж. Байрому, что у него очень мало свободного времени и много дел, связанных с татарами, персами, китайцами, якутами, камчадалами и проч.**. О деятельности его брата, Джозефа Вигора, нам ничего не известно, как и не ясна степень их родства с упоминавшимся ранее Бенджамином Вигором, деловым партнером К. Рондо.

Братья Вигоры были квакерами и, судя по сведениям Линкольнширского архива***, входили в число семей рода Джорджа Фокса****, основателя религиозного Общества дру-

* Chris Evans, Göran Rydén *Baltic Iron in the Atlantic World in the Eighteenth Century*. https://books.google.ru/books?id=GEh9PKIZl_4C&lpg=PA201&dq=William%20Vigor&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q=William%20Vigor&f=false.

** THE PRIVATE JOURNAL LITERARY REMAINS John Byrom. http://archive.org/stream/chethammiscellan34chet/chethammiscellan34chet_djvu.txt

*** LINCOLNSHIRE ARCHIVES.VIGOR FOX. Deposited on 28 November 2007. (Acc 2008/144). Vigor_Fox.pdf <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBwQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.lincolnshire.gov.uk%2Fdownload%2F304&ei=PE7vVJ6bHMP7UOvOgpAN&usq=AFQjCNHPhVXmSJAdZSKwkVzqhB0G6iuYLQ&bvm=bv.86956481,d.d24&cad=rjt>.

**** Джордж Фокс (1624 — 1691) — англ. сапожник, основатель протестантского «Общества друзей» (квакеров). В 1647 г. объявил, что обрел опору во «внутреннем свете живого Христа», стал путешествовать по Англии с проповедями, утверждая, что истину следует искать прежде всего не в Священном Писании или Символе веры, а в «озарении Святым Духом». В 1652 г. возникла

зей (квакеров). Приверженцы Общества друзей, или просто Друзья, считали, что слово Бога можно услышать в тишине, в своей душе, и нет необходимости следовать церковным лидерам, главное — ощутить мистическое единение одинокого человека с Богом. Люди должны найти Бога в своих сердцах и служить другим. По мнению квакеров, каждый молящийся наделен особым даром, и все присутствующие на их собраниях играют особую роль. Это убеждение привело их к вере в равенство полов. Женщины равны в правах с мужчинами и на собраниях для молитвы. Новые идеи были интересны пытливому уму миссис Джейн. В 1740 г. она снова «меняет имя», оставшись жить в Лондоне в одном доме вместе с Вильямом. Теперь она миссис Вигор. Пышной церемонии бракосочетания не было: квакеры не допускают никаких обрядов и не признают таинств. Вильям Вигор и Джейн Вигор в присутствии членов Общества друзей совершили брак через простое обещание сожития и верности, поочередно произнеся следующие слова: «Друзья, я беру своего друга/свою подругу (названо полное имя) в мужья/жены и обещаю с помощью Божией быть ему/ей любящей женой/любящим мужем, покуда мы будем живы».

Ее жизнь, как и прежде, была наполнена разнообразными занятиями. В течение многих лет она снабжала русскую цесаревну и императрицу Елизавету Петровну, взошедшую на престол (1741) после своей двоюродной сестры Анны Иоанновны, лучшими сортами британского пива, продолжая дело, начатое еще К. Рондо, понимавшим толк в эале. Когда после смерти К. Рондо поставщик на время сменился, британский купец Я. С. Вульф в письме кабинет-секретарю императрицы И. А. Черкасову в октябре 1744 г. каялся : « Я [по]читаю за немалое злобство себе, что пиво

группа его последователей, именовавших себя «друзьями истины». Слово «квакер», Quaker (англ.) — трясущийся, впервые использовалось в насмешку. Когда в 1650 г. Джордж Фокс предстал перед судом по обвинению в богохульстве, он заявил судье, что тот должен «трепетать при слове Господа». Этот судья и назвал Фокса и его последователей «трепещущими», или «трясущимися». Имя прижилось, но среди самих квакеров часто используется имя «друзья» (происходит от первоначального самоназвания Друзья правды).

аглинское, которое про Ея Императорского Величества от лутчих пивоваров в Англии выписывал, не так хорошо, как то, которое Ея Императорское Величество от господина Ронды (которое также чрез меня выписывано было) брать соизволила, являетца. И того ради я нынешняя вновь приказанная 3000 бутылок трем лутчим пивоваром варить прикажу. И надеюсь, что столь добротю пиво получу, как оному быть возможно. И то пиво будет на первых караблях выслано*». Джейн сама контролирует поставки из Лондона.

Она познакомилась с друзьями и родственниками мужа, составившими ближний круг семьи. В этот круг входит доктор Джон Байром (1692—1763), поэт, автор первой современной системы стенографии, запатентованной королевой Елизаветой, хранитель большой коллекции эзотерических манускриптов. Байром сделал свое изобретение в концерте. Для привлечения к стенографии большего интереса создал «тайное общество» из своих учеников, которые называли его Великим мастером. Он изучал медицину в университете Монпелье во Франции, но никогда не практиковал. «Доктором» его называли только друзья. Байром провел некоторое время во Франции, но в основном жил в Манчестере. В письме Вигору от 1 марта 1745 г. он писал, что *«испытывает большую радость с тех пор, как узнал, что попутчики решили жить в одном доме»*. Он довольно часто называет имена братьев Вигоров, Вильяма и Джо, в своих дневниках и переписке. Его жена и кузина Элизабет Байром, с которой Джейн сблизилась и иногда проводила время, в своих записках упоминает совместные прогулки с мисс Вигор. А сам Вильям Вигор называет себя *«искренним другом и самым послушным слугой»* доктора Байрома.

В число друзей В. Вигора входили члены семьи знаменитого Уильяма Пенна, основателя Пенсильвании. Особенно часто в воспоминаниях Байрома о совместном времяпрепровождении друзей встречается имя Уильяма Пенна III /

* РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61591. Л. 58—59. Цит. по: Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альм. /ред.: Г. И. Вздорнов, В. М. Гуминский, А. Л. Налепин и др.; сост. Т. В. Померанская. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. арх., 2009. — (Новая серия). [Т. XVIII]. 616 с. Ссылка: http://gnpbu.ru/text/rosarc_18_2009.

William Penn III (1702/1703—1746/1747), племянника «знаменитости». Мужчины много времени проводили в кофейнях, посещали паб «Белый лев», бывали в «Весеннем саду». Ветчина, смородиновый пирог, легкое вино или пиво — и беседы о религии, и споры о нравах, и чтение стихов Байроном, которые потом записывались в альбом Вильяма Вигора. Красноречиво говорит о настроениях этой дружной компании блестящая эпиграмма Байрома «Тост за двоих»:

Да здравствует король —
Храни его, о Боже.
И дерзкий претендент
Да процветает тоже!

Я пью за них двоих,
Не зная, кто ж на троне:
Законный ли король
Иль претендент в короне.

В 1744 г. Джозеф Хаймор /Joseph Highmore (1692—1780) написал групповой портрет семьи Вигоров, который сейчас хранится в Музее Виктории и Альберта и до сих пор очень медленно раскрывает свои загадки*. Аннотация гласит, что на картине изображены братья Вигоры с женами и, возможно, их друг Джон Пенн. Джейн Vigor, «прекрасная женщина, очень высокая и в высшей степени благородная», сидит слева, держит одну из вышивок, которыми она по праву гордится. Другая леди, вероятно, Энн Вигор (1698—1760), жена Джозефа, связывает шелковую нить с челнока. На столе рядом с клубком ниток маленькая сумка, закрепленная на запястье лентой. Все трое мужчин изображены с атрибутами, традиционными в портретах XVIII века, — книгами, картой и глобусом. В сюжете картины предметы имеют особое значение, они о многом говорят. На карте четко обозначена Россия как страна, в которой Джейн впервые встретила ее мужа и где Уильям и его брат Джозеф Вигор имели деловые интересы. Глобус относится к их более широким амбициям меркантильных интересов как купцов. Возможно, что сидящий человек — Джон Пенн (1700—1746), сын основателя Пенсильвании, с которым братья Вигоры были на короткой ноге.

* <http://collections.vam.ac.uk/item/O1135992/a-portrait-of-the-vigor-oil-painting-highmore-joseph>.

Справедливости ради отметим, что существуют самые разнообразные варианты трактовки персонажей. Возможно, на наш взгляд, что третья мужская фигура — не Джон Пенн, а Уильям Пенн III. Высказываемое предположение, что на картине — Уильям Пенн, сын знаменитого Пенна, неверно, так как ко времени написания портрета его уже не было в живых*. Не исключено также и то, что один из троих — Джон Байром (1692—1763): кроме того, что названные мужчины были дружны между собой, Энн Вигор была двоюродной сестрой профессора Байрома.

На наш взгляд, есть еще вариант интерпретации группового портрета, который может быть интересен специалистам. Упомянутый нами купец с именем Бенджамин Вигор (умер 1764)** известен в Петербурге еще и в 60-е годы***. Его дочь была сводной сестрой жены Джона Белла, секретаря К. Рондо. Бенджамин Вигор также входит в число семей рода Вигор-Фокс. На картине могут быть: Джейн Вигор и ее муж Вильям Вигор, Бенджамин Вигор, его дочь Джейн Вигор (с 22 декабря 1756 г. ее фамилия по мужу стала Кармайкл, графиня Hyndford) и ее муж Джон Кармайкл, 3-й граф Hyndford (John Carmichael, 3rd Earl of Hyndford).

Портрет John Carmichael, 3rd Earl of Hyndford by Cosmo Alexander, 1750, очень похож на фигуру сидящего мужчины на картине****. Однако подчеркнем, это только наше предположение. Ответ может дать английская генеалогия. Отметим еще одну важную деталь картины, поразившую британских искусствоведов. Миссис Джейн держит в руках обрамленную вышивку, похожую на чехол для сту-

* Уильям Пенн-мл. (1679—1720) — английский религиозный и колониальный деятель, лидер квакеров.

** Thomas Faulkner. History and antiquities of Kensington. 1886. P292 https://books.google.ru/books?id=V6MHAQAAJ&pg=PA292&lpg=PA292&dq=benjamin+vigor+1740&source=bl&ots=2VnO-jYe9k&sig=wSnti_itA7Pfd8nJqRW2qM1Zio8&hl=ru&sa=X&ei=F4n0VIWBL4z3UIrDg_AN&ved=0CBwQ6AEwAA#v=snippet&q=vigor&f=false.

*** Copy Will of Benjamin Vigor of St Peterburg, Russia, merchant. Reference Name VIGOR FOX/7/1/5. Date: (6 Nov 1763). Repository: Lincolnshire Archives [057] <http://www.lincstothepast.com/Copy-Will-of-Benjamin-Vigor-of-St-Peterburg--Russia--merchant/593926.record?pt=S>.

**** Портрет: <http://www.thepeerage.com/p2858.htm#c28573.2>.

ла. Не о ней ли писала она когда-то подруге в своем 6-м письме: «Благодарю вас за вышивки к стульям, которые вы мне прислали; они очень красивы, и я готова их работать». Вышивка удивительным образом имеет сходство с двадцатью двумя вышитыми чехлами для дивана и стульев XVIII века, приобретенными Музеем Виктории и Альберта. Связь этих предметов с Джейн Вигор существенно увеличивает ценность всей коллекции. Как знать, возможно, в далеком Петербурге Джейн Вигор, тогда еще Рондо, разрабатывала эти украшения интерьера, адаптируя свои иглы и популярные тогда мотивы вышивок — цветы и переплетающиеся растения — к местным камвольным тканям*.

После нескольких лет жизни в Лондоне супруги Вигоры поселились в собственном поместье. В 1749 г. Байром писал жене: «Я провел вечер с г-ном Vigor, который покинул Лондон и принял или купил дом рядом с Maidenhead». («I passed an evening with Mr Vigor, who has left London, and taken or bought a house near Maidenhead.»)** Это был Taplow House, в Берри Хилл, построенный в 1740-х годах после того, как первоначальное здание сгорело в 1660 г. Здесь, в Таплоу, было немалое хозяйство с конюшней, садами, лугами и несколькими акрами пахотной земли. Гостиную нового дома Джейн украшал портрет отца, преподобного Джорджа Гудвина. Многие известные квакеры поселились тогда в этой области графства Бакингемшир. Неподдалеку, в местечке Джорданс, находился один из старейших установленных квакерами молельных домов; Уильям Пенн, основатель Пенсильвании, и другие ранние квакеры были похоронены там же. Вильям Вигор, будучи большим другом Пенна, назван был душеприказчиком завещаний сыновей Уильяма Пенна, Ричарда (умер 1771)

* Камвольное прядение (от нем. Kammwolle — чесаная, гребенная шерсть) — гребенное прядение шерсти. По своей выработке, строению и внешнему виду камвольные ткани существенно отличаются от суконных. Камвольные ткани вырабатываются из длинной, малоизвитой шерсти, подвергающейся в прядении гребенному прочесу. Камвольная пряжа значительно тоньше суконной пряжи, она не пушиста и применяется обычно скрученной в два конца.

** Материалы сайта «Taplow House Hotel». Эл. ресурс: <http://www.taplowhouse.com/history-en.html>.

и Джона (1700—1746), которые оба были совладельцами Пенсильвании.

В 1756 г. миссис Джейн получила печальное известие о смерти своего брата Ричарда Гудвина. По завещанию, составленному еще в 1740 г.^{*}, она унаследовала и его усадьбу Heyshott, и средства, доставшиеся ему после смерти их отца. Продав дом в 1761 г.^{**}, Джейн и Вильям Вигоры жили в Taplow всю оставшуюся часть их супружеской жизни. В. Вигор умер 1 августа 1767 г. Миссис Джейн оставалась одна в Таплоу до 1774 г., пока не сдала дом, а сама переехала в Виндзор. Имеющиеся у нее средства позволяли ей находить радость в благотворительности среди тех, кто в этом нуждался.

Теперь, оставшись одна, она нередко вспоминала события своей жизни. Жива ли была тогда ее подруга, которой когда-то предназначались письма из России, бог весть. Если же она к тому времени и покинула мир, миссис Вигор не могла не получить связку своих писем, да и у нее самой наверняка хранились черновики, ведь в них было и ее жизнеописание. Так или иначе, она решает поделиться с читателями своими впечатлениями о далекой «снежной стране», издав на свои средства письма, написанные много лет назад. В то время в английских городах распространение чтения способствовало росту активности женщин, в том числе и на литературном поприще. Жена английского посла в Турции Мэри-Уортли Монтегю (1689—1762) издает «Турецкие письма». Свое большое состояние использует на развитие литературы Элизабет Монтегю (1718—1800). Выступающая за равенство прав женщин с мужчинами Мэри Уолстонкрафт (1759—1797) пишет романы и детские книги, работы, посвященные воспитанию детей и истории Великой французской революции. Миссис Вигор не отстает от своих современниц. Ее желание исполняется — книга выходит в 1775 г. и имеет большой успех. Это было время, когда активными читателями стали женщины. Один из из-

^{*} Heyshott. Full text of “A history of the castles, mansions, and manors of western Sussex” http://archive.org/stream/ahistorycastles00elwegoog/ahistorycastles00elwegoog_djvu.txt.

^{**} A History of the County of Sussex: Volume 4, the Rape of Chichester. Originally published by Victoria County History, London, 1953. Pages 60—63 <http://www.british-history.ac.uk/vch/sussex/vol4/p.60-63>.

дателей писал: «Дамы читают не только романы, среди которых много превосходных произведений, способствующих совершенству ума и сердца, но и лучшие сочинения, написанные на английском языке, многие даже читают лучших авторов на иностранных языках; среди постоянных посетителей моего магазина несколько тысяч женщин, которые не хуже мужчин разбираются в книгах... не говоря уже о том, что они подшучивают над читателями романов...». Необходимо упомянуть известный феномен культурной жизни Англии 70-х годов XVIII века — кружок так называемых «синих чулков» (Blue Stockings), в который входили женщины, «одинаково хорошо умеющие приготовить пудинг и перевести Эпиктета с греческого»*.

Миссис Вигор никогда не декларировала своих взглядов, но, высказывая их в письмах много лет назад до наступивших времен, она чуть опережала свое время, всегда имея собственное мнение о самых разных, порой неожиданных вещах. Касалось ли это целесообразности ношения женщинами брюк, суждений о личных отношениях или о коллизиях исторических событий, происходящих при дворе,— она имела взвешенное, четко сформулированное собственное мнение, которое часто высказывала с присущим ей чувством юмора. Могла ли она участвовать в женском движении, развернувшемся тогда, например, в защиту образования и открытия школ? Посещала ли она появившиеся библиотеки и книжные клубы? Наверное, могла бы ... Но возраст был таков, что появляющиеся новации общественной жизни она оценивала уже несколько отстраненно.

Долгую дорогу жизни миссис Джейн Вигор завершила 12 сентября 1783 г.** и свой последний приют нашла в Виндзоре. Завещание, подтвержденное решением суда Кентербери***, она составила в пользу своей служанки,

* Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI—XIX веках. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 143.

** John Nichols. *Eleven additional letters from Russia, in the reign of Peter II*. The Gentleman's Magazine and Historical Review. V. 57.P. 371.

*** Описание: Завещание Джейн Vigor, вдовы, приход Нью-Виндзор, графство Беркшир. Дата: 23 сентября 1783. (Description: Will of Jane Vigor, Widow of New Windsor, Berkshire. Date: 23 September 1783.) PCC Abstracts

которая, исполнив волю госпожи, установила памятник, вид которого был заранее ими обговорен.

Рассказ о том, как «Письма дамы» вышли в свет

Джеймс Додсли* (1724—1797), известный и очень состоятельный книготорговец, в 1775 г. осуществил первое издание под названием «*Письма леди, которая проживала несколько лет в России, к ее подруге в Англию, с историческими примечаниями*»**. Через год Дж. Додсли издает еще 11 ранее не опубликованных писем, дополняя первое издание. Книга получила большую известность, была переведена на немецкий*** и французский**** языки.

Традиционно считается, что в России впервые письма опубликовали в 1836 г. Однако стараниями А. О. Корниловича читающая российская публика познакомилась с ними намного раньше. Александр Осипович Корнилович (1800—1834), участник восстания 14 декабря 1825 г., был единственным специалистом-историком среди декабристов****. Его труды по истории времени Петра I привлекли внимание А.С. Пушкина и использованы им при работе над «Арапом Петра Великого», поэмой «Полтава», «Песнями о Стеньке Разине» и др. Арест, каторга в Сибири, последующее четырехлетнее тюремное заключение, дальнейшая

of Wills: Wills Proved at Prerogative Court of Canterbury. Sources for London Lives. http://www.londonlives.org/browse.jsp?foo=bar&path=canterbury/wills_1780_1789_2531662.xml&div=wills_1780_1789_2531662_411608.

* Джеймс Додсли (1724—1797) — лондонский издатель и книготорговец. Именно Додсли осуществил первое издание первых двух томов романа Л. Стерна «Тристрам Шенди» в декабре 1759 г. Ему и его брату Роберту Додсли принадлежала лондонская книжная лавка «Голова Туллия» на Пэлл-Мэлл.

** Letters from a lady, who resided some years in Russia, to her friend in England, with historical notes. London: J. Dodsley, 1775. 207 p.

*** Rondeau J. Briefe über Rußland von einem Frauenzimmer, das sich einige Zeit daselbst aufgehalten hat, an ihre Freundin in England. Mit historischen Anmerkungen / Aus dem Englischen. Leipzig, 1775.

**** Lettres d'une dame anglaise, résidente en Kussie, à son amie en Angleterre. Rotterdam. 1776.

***** Лотман Ю. Неизвестные и утраченные исторические труды А. О. Корниловича // Рус. лит. №2. Л., 1961. С. 121.

ссылка нижним чином на Кавказ, наконец, ранняя смерть помешали ему полностью развернуть свои разносторонние дарования. Он впервые представил российскому читателю «г-жу Рондо» в 1822 г., поместив в № XXIV журнала «Сын Отечества»* небольшую статью *«Отрывок из опыта путешествий по России, составляемого А. О. Корниловичем»* с подзаголовком *«Госпожа Рондо, в первом замужестве Вард, урожденная Корс»*. Ошибочно назвав ее Корс, он ссылается на Иоганна Бернулли**. Корнилович приводит характеристику госпожи Рондо современниками, извлеченную из 45-го тома журнала «Gentleman's Magazine» («Джентльменский журнал») за 1775 г.: *«женщина умная, ловкая, соединявшая с красотой отличное воспитание»*. Предоставив читателям обзор писем с большим количеством цитат и перечислением важных государственных событий и персон, описанных госпожой Рондо *«со всею верностию, какой можно ожидать от женщины-наблюдателя»*, А. О. Корнилович не без удовольствия отмечает, что она *«перемешивает рассказ свой любопытными анекдотами и остроумными замечаниями»****.

* «Сын Отечества» — один из старейших русских журналов, сыгравших важную роль в развитии общественной мысли начала XIX в. Был основан в 1812 Н. И. Гречем.

** Bernoulli J. Sammlung kurzer Reisebeschreibungen und anderer zur Erweiterung der Länder- und Menschenkenntniss dienender Nachrichten [Собрание кратких путевых описаний и прочих известий, служащих к распространению знаний о странах и людях (нем.)]. Jahrg. 1781. Berlin, 1781. S. 278. Бернулли Иоганн III, Бернулли Иван (1744—1807) — внук Иоганна Бернулли, математик, астроном и путешественник. Три поколения Бернулли дали 8 крупных математиков и физиков. Астроном Иоганн (Иван или Жан) работал в Санкт-Петербурге. Летом 1777 г. он писал: «...Прибыл в “царскую резиденцию”. Я тотчас же отыскал на Васильевском острове дом Эйлера. С какою нежностью был я принят всем его семейством и особенно самим великим человеком...» (Эйлер (Euler) Леонард (1707—1783) — швейцарский и российский математик, ученик Даниила Бернулли). В своих воспоминаниях Жан Бернулли оставил красочные записки о столице и ее предместьях, о встречах с императрицей, князем Потемкиным, Григорием Орловым, Иваном Шуваловым и др. Опубликовано в журнале «Рус. арх.». 1902. Кн. 1, вып. 1.

*** «Отрывок из опыта путешествий по России, составляемого А. О. Корниловичем» // Сын Отечества. № XXIV. СПб., 1822. С. 167.

Отдавая дань способностям миссис Вигор в эпистолярном жанре, не следует забывать о мастерстве переводчиков с английского языка — от них зависело адекватное восприятие событий истории, характеров персонажей и даже личности самой Джейн.

В 1836 г. типография III Отделения собственной е. и. в. канцелярии печатает «Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование Анны Иоанновны» в переводе М. И. Касторского. Н. В. Гоголь с одобрением восклицает: *«Книжка замечательная. Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах, о том, что занимательно для нее одной, но мимоходом задевает и историю. Несколько беглых слов о Петре II, об императрице Анне Ивановне, о Бироне прибавляют новые черты к их портретам»*. Михаил Иванович Касторский (1809—1866), будущий профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре древней русской истории, сделал этот перевод еще в бытность слушателем Главного Педагогического института. Специалистами перевод был признан несколько поверхностным и неточным. Об этом деликатно писал спустя около сорока лет редактор журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский (1837—1892), кстати, ученик Касторского: *«Изложение перевода довольно гладкое, но самый перевод не отличается большой верностью»*. Тогда М. И. Семевский поместил обзор этих писем с биографическими заметками о леди Рондо в «Русской старине» (издание 1873 г. Т. VIII, с. 28—50).

Через год после этого обзора, в 1874 г., вышел полный перевод «Писем леди Рондо», сделанный *Евгением Петровичем Карновичем* (1824—1885) с печатного лондонского издания 1775 г., находившегося в Императорской Публичной библиотеке. Издание было снабжено портретом императрицы Анны (рисунок В. Крюкова** с гравированно-

* Гоголь Н. В. Письма леди Рондо // ПСС в 14 т. М.; Л., 1937—1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 195.

** Крюков Валериан Степанович (1838—1916) — художник. В 1869 г. окончил Академию художеств. Иллюстрировал многочисленные издания русских писателей и поэтов, сказки братьев Гримм, учебники и книги для детей и др. Писал иконы, делал росписи храмов. Известна также его серия рисунков «Картины для наглядного преподавания Священной истории, Ветхого и Нового

го портрета 1740 г. работы И.Соколова*), обширными приложениями и справочным аппаратом, занимающим около половины объема книги : Предисловие К. Н. Бестужева-Рюмина**, Примечания С. Шубинского, Записка английского резидента Рондо о некоторых вельможах русского двора в 1730 г., Примечание к записке Ю.В. Толстого***, Алфавитный указатель.

Завета» и «Картины для начального курса Закона Божия», хранящиеся в отделе эстампов Российской национальной библиотеки.

* Соколов Иван Алексеевич (ок. 1717—1757) — мастер резцовой гравюры, руководитель Гравировальной палаты Академии наук. Участвовал во многих коллективных работах Гравировальной палаты. С 1735 по 1757 обучал рисованию и гравированию почти всех учеников гравировального дела в Академии наук.

** Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897) — российский историк, академик Петербургской АН (1890). В 1864—1879 читал русскую историю будущему императору Александру III и другим членам императорской фамилии, в т.ч. вел. кн. Константину Константиновичу — К.Р. В 1865—1884 профессор русской истории Петербургского университета. В 1878—1882 возглавлял петербургские Высшие женские курсы (названные его именем). Докторская диссертация «О составе русских летописей до конца XIV в.» — первая попытка изучения памятника древнерусской литературы «Повесть временных лет» в связи с южнорусским летописным сводом. Главный обобщающий труд Бестужева-Рюмина «Русская история» (т. 1—2. СПб., 1872—1885) представлял собой свод источников и их позднейших интерпретаций.

*** Толстой Юрий Васильевич (1824—1878) — государственный деятель и историк. Окончил курс в Императорском Царскосельском лицее; служил в министерствах военном, внутренних дел и государственном контроле, был тверским вице-губернатором, с 1866 г. — товарищем обер-прокурора Святейшего Синода. Святейший Синод возложил на него осмотр в архивах московских ставропигиальных монастырей всех актов по принадлежащей им недвижимости, территории, доходах и капиталах. Почетную известность в ученой литературе Толстой приобрел как издатель исторических документов и комментариев к ним. Он изучил историю отношений Англии с Россией по данным Лондонского королевского архива и московского Главного архива Министерства иностранных дел. Его труд «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593» (СПб., 1875) увенчан Академией наук Уваровской премией. Автор многих статей и справочного издания «Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии всероссийской со времени учреждения Святейшего правительствующего Синода» (СПб., 1872).

Редактором книги был историк и журналист *Сергей Николаевич Шубинский* (1834—1913). Выпускник Московского дворянского института, С. Н. Шубинский более тридцати лет отдал военной службе (1854—1887), которую закончил в чине генерал-майора. Как и М.И.Семевский, он не имел систематического исторического образования, но тем не менее оба они были известными в то время историками. Шубинский основал и редактировал журнал «Исторический вестник», соиздателем которого был А. С. Суворин, был редактором журнала «Древняя и новая Россия» (1875—1879). С. Н. Шубинский придерживался консервативно-монархических взглядов, и его журнал был особенно востребован единомышленниками.

Издание было осуществлено санкт-петербургским книготорговцем и издателем *Яковом Алексеевичем Исаковым* (1811—1881), который внес большой вклад в историю русского книжного дела как издатель произведений Пушкина и книг о жизни и деятельности поэта. Важнейшая заслуга Я.А.Исакова перед русской книжной торговлей состоит в том, что он резко понизил цены на иностранные книги в России.

В 1878 г. в февральском номере «Русской старины» «с благосклонного разрешения Его Императорского Высочества, Великого Князя Константина Николаевича», появляется публикация, которая вновь всколыхнула интерес читателей к книге англичанки — «Императрица Анна Иоанновна и ее современники. Пояснения и примечания к «Письмам леди Рондо». Редактор М.И.Семевский писал: *«Ныне, мы напоминаем читателям о «Письмах леди Рондо» по поводу печатаемого перевода вполне любопытных к ним критических примечаний, написанных неизвестным лицом во второй половине прошлого столетия, около 1776-го или 1777 г. Подлинная рукопись этих примечаний состоит из золотообрезной тетради в 100 страниц, в 8-ю долю листа писчей бумаги, переплетенной в красный сафьян, с оттиснутым на верхней части двуглавым орлом, на груди которого соединение гербов российского и виртембергского; немецкий почерк четкий и довольно крупный; подпись автора — J. J.—. остается загадочною, при всем нашем старании доискаться — кто он именно. Эти весьма любопытные примечания служат существеннейшим дополнением «Писем», придавая неко-*

торым из них колорит и значение большее нежели им, собственно, принадлежит». Рукопись эта хранилась «в прекрасной библиотеке дворца в городе Павловске».

До недавнего времени сохранялась интрига вокруг автора примечаний, лично знавшего Джейн Рондо. Завесу тайны снял один из лучших знатоков отечественной истории XVIII века, доктор исторических наук Ю.Н. Беспятых^{**}. Автором примечаний на немецкий перевод книги Дж. Рондо он считает известного сторонника норманнской теории академика Петербургской академии наук Г. Ф. Миллера^{***}. Примечания были опубликованы членом Берлинской академии наук и путешественником И. Бернулли по немецкой рукописи Г. Ф. Миллера: *Sendschreiben die Briefe über Russland von einem Frauenzimmer betreffend: (Aus einer Handschrift)* [Послание относительно писем некоей дамы о России: (Из одной рукописи) (нем.)]. И. Бернулли отказался назвать имя автора примечаний, однако М. К. Поссельту^{****}

* Императрица Анна Иоанновна и ее современники. Пояснения и примечания к «Письмам леди Рондо» // Рус. старина. 1878. Т. 21. № 2. С. 325—326.

** Беспятых Юрий Николаевич — доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Отдела источниковедения СПб. ИИ РАН; член Союза писателей Санкт-Петербурга; лауреат Анциферовской премии 1998 г. за лучший научный труд о Петербурге — «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии» (СПб., 1997); автор свыше полутора сотен научных работ.

*** Миллер Герард-Фридрих, Миллер Федор Иванович (1705—1783) — российский историк, сторонник норманнской теории, академик (1725), профессор (с 1730) Петербургской АН. По происхождению немец. В России с 1725. В 1733—1743 в экспедиции по изучению Сибири. Труды: «Степенная книга», «История Сибири» и др. В настоящее время основная часть коллекции хранится в личных фондах историка в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 2664) и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН. Ф. 21. Ед. хр. 1051).

**** Поссельт Мориц Федорович (Мориц Конрад) (1805—1875) — историк. С 1834 г. преподавал философию в Дерптском университете, потом немецкий язык в московских и петербургских учебных заведениях; с 1851 г. состоял библиотекарем Императорской Публичной библиотеки. Перевел записки генерала Патрика Гордона (в 3 т., получил за это награду от императора и баварский орден Св. Михаила), составил биографию Ф. Я. Лефорта.

оно было достоверно известно (см.: Posselt M.C. Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Frankfurt am Main. 1866 Bd I. Beilagen. V. S. 553—554)*.

С тех пор «Письма» Дж. Рондо не переиздавались вплоть до 1991 г., когда был выполнен и новый перевод**. Трудно не согласиться с мнением петербургского историка, доктора исторических наук Е. В. Анисимова, высказанным в работе «Россия без Петра: 1725—1740»: «Печальный опыт марксистской науки в СССР показывает, что, игнорируя живого, сложного, противоречивого человека прошлого, уделяя внимание только движению масс, развитию классовой борьбы или только экономики, такая наука была обречена на непонимание и неприятие читателей — живых людей, которым всегда, во все времена, интересны прежде всего живые люди, их черты, их проявления, страсти, чудачества».

Миссис Рондо настолько ярко и подробно описала события, в ее окружении происходящие, что многие российские романисты не смогли оставить вне поля зрения самих супругов Рондо. Литературными героями они вышли в мир из-под пера Е. П. Карновича («Любовь и корона»), В. Пикуля («Слово и дело. Царица пристрашного зраку»), Л. Раковского («Изумленный капитан»), Е. Арсеньевой («Нелюбимая фаворитка (Екатерина Долгорукая — Император Петр II)»), А. Говорова («Санкт-Петербургские кунсткамеры») и других авторов исторических романов. Лишенные историзма, эти художественные произведения ни в коей мере не являются источниками серьезной информации для специалиста, но могут доставить удовольствие читателю, разбудив его воображение и погрузив в круговорот событий иных времен.

* Ю.Н.Беспярых «Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. Санкт-Петербург, 2004. Эл. ресурс http://fond-menshikova.spb.ru/CD/book/b05/b05_3.htm

** Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию / Леди Рондо // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е—1760-е годы) / сост., вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л. : Худож. лит., 1991. Перевод сделал кандидат филологических наук Н.Г.Беспярых с первого издания писем, вышедшего в Лондоне в 1775 г.

Как писал В. О. Ключевский, «иностранец не мог верно объяснить многих явлений русской жизни, но описать их он мог лучше людей приглядевшихся»*. Джейн Рондо во все годы пребывания в России оставалась сторонним наблюдателем, светской дамой, смотрящей на жизнь вне своего круга как на театральное действие. Острый взгляд «театрального критика» и несомненные литературные способности сделали свое дело — книга жива уже три столетия.

«Выбранные места из переписки» леди Р, или образ аннинской эпохи**

Переписка двух англичанок дает представление о том, что было интересно им в российской действительности как носителям иной культуры. Джейн Рондо описывает свои впечатления от увиденного в чужой стране, но, в основном, эпизоды жизни двора российской императрицы Анны Иоанновны. Взятые вместе они составляют образ эпохи, в центре которой неизбежно оказывается сама императрица. Отсюда весьма важным представляется оценка правления Анны Иоанновны исследователями. Суммируя достаточно внушительную историографию аннинского правления, нельзя не заметить, что она, в основном, группируется вокруг двух проблем. Первая связана с отношением к наследию Петра I и сводится к вопросу: была ли политика Анны Иоанновны продолжением политической линии Петра I, преемственна ли аннинская эпоха петровской? Вторая проблема может быть определена одним устоявшимся термином — «бироновщина»: можно ли говорить о засилье иностранцев и правлении т.н. «немецкой партии»?

Начнем с первой. Историография аннинского правления проанализирована достаточно подробно в диссертации А. В. Донникова. Для нас важен современный, или постсоветский, этап изучения правления Анны Иоанновны. По мнению А. В. Донникова, осмысление аннинского царствования при снятых идеологических установках привело к поливариантности трактовок аннинского правления.

* Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / послесл. и коммент. А. Н. Медушевского. Пг., 1918. С. 8.

** Отсыл к названию публицистического сборника Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Подвергся пересмотру ряд традиционных оценок. Попытки комплексного монографического осмысления царствования Анны Иоанновны были предприняты Е. В. Анисимовым, Н. И. Павленко, А. Б. Каменским, Н. Н. Петрухинцевым. Преобладающей стала точка зрения о том, что правление Анны Иоанновны не являлось принципиально отличным периодом в истории XVIII века, а представляло собой органическое звено в общем направлении исторического развития России. Оно оценивалось в качестве логического продолжения реформаторской деятельности Петра I. Трансформация оценок применительно к аннинскому царствованию во многом была связана с инверсией в интерпретации Петровских реформ. Ряд негативных аспектов аннинской политики выводился из общего курса развития государства, заданного Петром*.

Последнее фундаментальное исследование внутренней политики Анны Иоанновны принадлежит Н. Н. Петрухинцеву. Исследователь отмечает, что, в целом, анализируя аннинский внутривластный курс на всем протяжении царствования, в конечном итоге нельзя не прийти к выводу, что аннинское правительство не показало себя способным к ярким и решительным шагам во внутренней политике. Попытка проведения самостоятельного целостного курса, рассчитанного на заметное улучшение социально-экономической ситуации, была сделана лишь в самом начале 1730-х гг. Однако тогдашний курс был плодом коллективных усилий не собственно аннинского правительства, а еще не сошедшей к этому времени с политической арены послепетровской бюрократической элиты России, пришедшей к руководству страной фактически еще на финальном этапе реформ Петра I. Более того, этот курс был лишь логическим развитием оформившегося в 1726—1727 гг. курса на умеренную коррекцию Петровских реформ в интересах основной массы податного населения России, отвечающего и насущным потребностям российского дворянства. Но, в конечном счете, в своих клю-

* Донников А. В. Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии: дис.... канд. ист. наук : 07.00.09— историография, источниковедение и методы исторических исследований. М., 2003. Заключение.

чевых мероприятиях этот курс так и не был реализован на практике*.

В итоге бюрократическая верхушка аннинской России не только не сумела реализовать на практике весьма умеренные «корректирующие» реформы, но и так и не предложила никаких новых оригинальных решений, меняющих ситуацию во внутренней политике.

Однако попытка реализации курса 1726—1732 гг. отнюдь не прошла бесследно.

Во-первых, она, вероятно, привела к заметному улучшению экономического положения российского крестьянства. Во-вторых, она определила тенденцию к стабилизации социально-экономического положения основной массы населения страны.

По аргументированному выводу исследователя, основным результатом аннинского царствования стала прежде всего стабилизация и упрочение основ политико-административной и социально-экономической системы, созданной Петром I**. Как мы видим, преемственность аннинского правления курса Петра I не вызывает сомнений.

Проблема «бироновщины» восходит к историографии второй половины XVIII в., когда время правления Анны Иоанновны преподносилось как мрачная эпоха, характеризующаяся различными социальными катаклизмами и подменой правильной монархической власти рецидивами тирании. Непосредственным виновником всех обрушившихся на страну бедствий оценивался фаворит Анны Э. И. Бирон, что должно было несколько обелить образ представительницы царской фамилии. Благодаря усилиям литераторов стереотип «бироновщины» оказался прочно внедрен в массовое сознание. Особо значительное влияние на характер общественного восприятия царствования Анны Иоанновны имел роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». Такая оценка сохранялась в советской историографии 1930-х гг., когда Бирон наделялся инфернально-гротескными чертами и представлялся криминальной личностью***. Однако более

* Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730—1740). М.: РОССПЭН, 2014. С. 1003, 1004.

** Там же. С. 1005.

*** Донников А. В. Правление Анны Иоанновны в отечественной историографии. Заключение.

внимательное изучение деятельности Бирона и т.н. «немецкого засилья» привело к иным выводам.

Последнее исследование роли иностранцев, входивших в состав правящей верхушки в период правления Анны Иоанновны, было проведено О. Д. Столяровым. Исследователь пришел к следующим хорошо обоснованным выводам.

1. В численном отношении эта группа значительно выросла по сравнению с первым тридцатилетием XVIII в. в целом и второй половиной 1720-х гг. в частности, причем это был не только количественный, но и «качественный» рост — «ядро» правящей верхушки этого периода было укомплектовано преимущественно иноземцами. Этот процесс проявился, в том числе, и в незначительных и сугубо формальных частностях, например, в том, что высшими орденами империи в это десятилетие награждались преимущественно иноземцы. Таким образом, налицо весьма существенный рост влияния иностранцев в данный период.

2. Вместе с тем даже в конце 1730-х гг., когда процесс роста количества иностранцев в правящей верхушке достиг своего пика, они отнюдь не составляли большую часть этой группы (36% к моменту смерти Анны Иоанновны)*. Иноземцы не стали доминирующей группой в гражданской управленческой элите. Как отметил Н. Н. Петрухинцев, правительственный аппарат эпохи Анны Иоанновны оставался по преимуществу русским, и текущее управление страной осуществлялось главным образом русскими администраторами. В большинстве своем, исключая четырех, назначенных в высшие местные и центральные органы управления «немцев», они принадлежали к сформировавшемуся еще при Петре I слою военных и гражданских специалистов. Вхождение их во власть было во многом обусловлено естественными процессами развития российской элиты и, в частности, следствием процесса постепенной интернационализации российской элиты**.

* Столяров О. Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII в.: проблема интеграции: дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: 07.00.02 //Отеч. история. Самара, 2014. С. 124.

** Петрухинцев Н. Н. Военные структуры и кадровая политика аннинского царствования в отношении губернаторского корпуса в 1730—1740-е гг. // Война и оружие: новые исслед. и материалы:

3. В 1730-е гг. продолжался процесс, начавшийся в предыдущее пятилетие,— иностранцы, входившие в состав правящей элиты, становились все более обособленной от русской ее части, в социальном плане, группой. Интеграционные процессы, более или менее активно протекавшие в Петровскую эпоху и по инерции продолжавшиеся при Екатерине I и Петре II, в аннинское царствование фактически остановились.

Помимо всего прочего, это обстоятельство вызывало, по всей видимости, раздражение русских вельмож, что объясняет популярность поднятого впоследствии Елизаветой Петровной на щит тезиса о необходимости борьбы с «иностраным засильем».

4. Иностранцы, представляя собой довольно обособленную группу, чему в числе прочего способствовало то обстоятельство, что многие из новых представителей правящей верхушки были выходцами из Курляндии и митавского окружения Анны Иоанновны, не составили, тем не менее, какой-либо общности в политическом смысле или, по крайней мере, в плане придворных конъюнктур. Напротив, изменившаяся в их пользу ситуация способствовала их разобщению, и, если применительно к царствованию Петра II можно, правда, с серьезными оговорками, говорить о каком-то подобии «немецкой партии», то в течение первых же месяцев правления новой императрицы ситуация коренным образом изменилась, что особенно ярко проявилось сразу же после смерти Анны Иоанновны.

5. Продолжился еще один процесс, начавшийся в царствование Екатерины Алексеевны,— в комплектовании правящей элиты резко усилилась роль фактора личных отношений (дружба, родство и т.д.) с государыней и ее ближайшими сотрудниками, что шло вразрез с меритократическими принципами петровского времени. Это, однако, парадоксальным образом сочеталось с тем обстоятельством, что для приобретения настоящего политического веса фаворитам было необходимо всерьез заниматься государственными делами и находить свои места как в официальных, так и в неформальных управленческих структурах.

тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф., 14—16 мая 2014 г.: М., 2014. Ч. 3: Война и оружие: новые исслед. и материалы. С. 487.

6. В слоях, непосредственно примыкавших к правящей элите, в частности, в военном и особенно военно-морском генералитете, мы наблюдаем совершенно иную картину: продолжался начавшийся еще при Петре I процесс уменьшения численности иностранцев и, соответственно, увеличения количества русских. Мало того, в военно-морском флоте произошел своего рода перелом, связанный с резким уменьшением количества иноземцев среди адмиралов и их влияния*.

Таким образом, несмотря на несомненное увеличение числа иностранцев и возрастание их роли в российском обществе аннинского времени, концепцию правления «немецкой партии» и иностранного засилья следует признать историографическим мифом. Безусловно, широко известная оценка В. О. Ключевского, согласно которой — «Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов: «каналы курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа», — не соответствует исторической действительности**.

Многие из писем неоднократно цитировались и комментировались историками, поэтому остановимся лишь на сюжетах, не столь часто упоминаемых, но добавляющих небольшие яркие штрихи к образу эпохи «дворцовых переворотов».

* Столяров О.Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII в.: проблема интеграции. С. 124, 125.

** Ключевский В. О. Курс русской истории. Первая половина XVIII в. (до 1762 г. включительно). Ч. 4. Лекции. М., 1989. Лекция LXXI.

«Зимний дворецъ малъ, выстроенъ вокругъ двора и весьма некрасивъ; въ немъ большое число маленькихъ комнатъ, дурно расположенныхъ, и нѣтъ ничего замѣчательнаго въ отношеніи архитектуры, живописи или мебелировки» (I) *.

Впечатления Джейн Рондо 1730 г. относятся к строению, ничем не напоминающему известный ныне всему миру памятник архитектуры на Дворцовой площади.

Место для строительства личных апартаментов напротив Петропавловской крепости выбрал Петр I, а поскольку строительство на этой территории было разрешено только военным чинам, он получил разрешение на постройку в качестве корабельного мастера Петра Алексея. Был выстроен жилой «маленький домик голландской архитектуры». Этот «дворец», возведенный на участке между Невой, Зимней канавкой и Миллионной улицей, перестраивался трижды. Сейчас на его месте находится Эрмитажный театр. В третьем Зимнем дворце, построенном в 1716—1727 гг. по проекту архитектора И.-Г. Г. Маттарнови, Петр I умер 25 января 1725 г. Короткое время в нем жила и царствовала его супруга Екатерина I, но после ее смерти в 1727 г. этот дворец потерял значение царской резиденции.

Внук Петра I — Петр II перебрался с двором в Москву, где вскоре скончался. Получившая власть от Верховного тайного совета племянница Петра Великого — Анна Иоанновна, вернувшись из Москвы после коронации, в 1732 г. обосновалась во дворце сподвижника Петра I адмирала Ф. М. Апраксина, который находился на берегу Невы.

К 1735 г. архитектор Ф. Б. Растрелли расширил его, присоединив три ближайших здания. Это был четвертый Зимний дворец, в котором прошло царствование Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны с малолетним Иваном Антоновичем и с 1741 по 1753 г. — Елизаветы Петровны.

При дочери Петра I в городе и его пригородах появились роскошные дворцы и величественные храмы в стиле барокко. Главную роль в их создании играл ее любимый архитектор Бартоломео Франческо Растрелли. Именно ему она поручила работу по сооружению на берегу Невы новой

* Далее полужирным курсивом будут даваться фрагменты из писем. Номер письма обозначен после конца цитаты римской цифрой в скобках.

зимней резиденции российских императоров, ставшей символом великой империи на последующие полтора столетия.

На судьбе Зимнего дворца отразились и грандиозный пожар 1837 г., и революционные потрясения 1917 г., и бомбардировки Ленинграда в период Великой Отечественной войны. Однако усилиями специалистов удалось сохранить здания Зимнего дворца, Малого, Большого и Нового Эрмитажей и Эрмитажного театра, образующие единый дворцовый комплекс, которому мало равных в мировой архитектуре. Ныне все залы этого дворцового ансамбля, возводившегося на протяжении множества лет, занимает Государственный Эрмитаж, крупнейший музей мира, обладающий огромными коллекциями произведений искусства*.

«Въ первый день мы съѣхали около 20 миль, чтобы видѣть нѣсколько мельницъ для приготовления бумаги (paper-mills)... (I)».

Для леди Уорд это была прогулка, знакомство с окрестностями, а вот для посланников английского короля во всем был интерес коммерческий: что можем взять, что можем предложить? Для России бумага хорошего качества очень желанна...

Изобретенная в Китае еще во II веке н.э., бумага очень-очень медленно «двигалась» на Запад. Первые бумажные мельницы появились в Испании в X веке, в Италии в XIII, во Франции в XIV, а дальше бумажное производство двинулось в Англию, Голландию и на восток — в Германию, Польшу, Московскую Русь. Само же слово «бумага» на Руси было известно и раньше, со времен монгольского нашествия, правда, значение имело иное — «вата». «Бумуг» — так со времен татарского нашествия называли хлопок. В этом значении слово вошло в обиходную и книжную речь XV—XVII веков в выражениях «кафтан стеган на бумаге», т.е. на вате, «аще будеть свиная шерсть мягче бумаги», «в бумажнице оден». Вероятно, что впервые знакомство народа Руси с бумагой как писчим материалом произошло в середине XIII века, когда хан Батый для сбора дани произвел первую всенародную перепись населения Руси на бумаге, которая в то время употреблялась в завоеванном монголо-татарами Северном Китае, а также в Туркестане

* Тарасова Н. И., Тарасова Э. А. Зимний дворец // Русская история. Российская империя. 2013. № 1. С. 9—15.

и Персии, с которыми они находились в торговых отношениях.

Собственную бумагу в России стали делать в XVI веке : в 1564 г. итальянский путешественник Рафаэль Барберини советовал европейским купцам везти в Россию бумагу, так как, по его словам, москвичи бумагу уже изготавливают, но должного качества им достичь не удастся; 1576-м годом помечена купчая, в которой упомянута бумажная мельница на реке Уче в 30 верстах от Москвы. Особенно стремительно стали развиваться бумажные мануфактуры в эпоху Петра I, чему благоприятствовала проводимая правительством политика. Так, при Петре I на привозную бумагу были увеличены пошлины, а государственным учреждениям предписывалось покупать бумагу только русских мануфактур. Сподвижник Петра Федор Салтыков представил на имя царя специальное «изъявление» о бумажных заводах: *«Повелеть во всем государстве, во всякой губернии учинить бумажные заводы и под те заводы выбрать места на реках, где сыщутся какие к тому подобные, а на тех заводах велеть бумагу делать разных рук и величеств, сиречь александрийская, пищая, почтовые, картузные, серья и синия»*. Это были те виды бумаги, в которых государство испытывало наибольшую потребность. В 1704 г., по указу Петра I, построили бумажную мельницу в Московском уезде под селом Богородицким, на реке Яузе. Строительство производилось на средства Монастырского приказа. Эта мельница получила название Богородицкого бумажного завода. Есть данные, что с 1708 по 1714 год Богородицкий завод произвел 4000 стоп бумаги, в том числе 1134 стопы бумаги низкого качества (« картузной и ракетной »).

В первые годы существования Петербурга в его окрестностях, в Красном Селе на речке Дудоровке, была построена бумажная мельница, которая сначала называлась Дудоровской, а потом Красносельской. В 1720 г. в Петербурге построена еще одна казенная мельница, на берегу Невы за Галерным мостом, она получила название Петербургской. С 1718 г. — Красносельская, а с 1720 г. и Петербургская мельницы производили бумагу для военноморских целей. Вследствие этого на мельницах работали в основном лица, призванные для военной службы на флоте.

За 7 лет пребывания в морском ведомстве Красносельская мельница увеличила производство от 5000 до 20000 стоп в год. В 1720 г. Петр I издал указ о сборе тряпья у населения Петербурга и Москвы «на дело бумаги». Известно, какое сырье поступало на петербургские мельницы от флота: крашенные и смоляные брезенты, парусные обрезки, мешки, паруса с лодок, матросские койки, обрезки пергамена. Некоторые виды сырья браковались, «понеже портят инструмент». Документы бумагоделательных фабрик донесли до нас и наименования рабочих, трудившихся на этих фабриках. По ним, а также по другим данным можно достаточно подробно восстановить организацию производства бумаги в России: после того как тряпье разрезалось на небольшие лоскутки и перемалывалось в единую массу, «черпальщик» зачерпывал массу формой, «валилщик» снимал с черпальной формы лист бумаги, «прессовщик» снятые полусырые листы прессовал, «выметчик» вывешивал листы для просушки, «сдувальщик» эти листы снимал и прессовал для устранения короблений, «клеильщик» окунал их в клей, «прессовщик» отжимал избыток клея, «вешальщик» вывешивал проклеенные листы сушиться, «сдувальщик» снимал их с веревок после просушки.

В XVIII веке в производстве бумаги применяли всякие новшества. Так, в 1710 г. в Невьянске при изготовлении бумаги использовали асбест. С 1718 г. на петербургских мельницах для изготовления маркировочного знака на сетке стали применять не медную, а серебряную проволоку, что позволило достичь в рисунке филиграни большей сложности и изящества. В 1798 г. известный русский просветитель Н. А. Львов изобрел специальный «каменный» картон, изготавливаемый с добавлением каменного угля, который можно было использовать при строительстве фортификационных сооружений. В конце XVIII — начале XIX века в бумажную массу добавляли медный купорос, отчего бумага приобретала характерный голубоватый или зеленоватый оттенок. Такую бумагу называли «сахарной». Она встречается в рукописях и печатных изданиях с 80-х годов XVIII века до 10-х годов XIX века*.

* Сиренов А. В. Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги: учеб. пособие к курсу «Русская палеография». Опубл.: Рогулин Н. Г., Назаренко К. Б., Сиренов А. В. Специаль-

«Онъ (Петр I — А.С.) имѣлъ сильную страсть къ дочери одного офицера, по имени Монсъ, и чтобы склонить ее, употреблялъ исканія, болѣе настойчивыя, чѣмъ тѣ, какія требуются отъ государей» (II).

Личная жизнь Петра Первого характеризует царя-реформатора не в его пользу. Женившись в 17 лет (в 1689 г.) по совету своей матери, царицы Натальи Кирилловны, на Евдокии Лопухиной, он быстро охладел к ней и с 1692 г. сблизился с Анной Монс, с которой его свел Франц Лефорт. Брак еще несколько лет формально сохранялся, но откровенное унижительное пренебрежение женой, растившей царевича Алексея, одного выжившего из троих их общих детей, не могло длиться долго. В сентябре 1698 г. *«...за некоторые ее противности и подозрения»* Евдокия была сослана своим «свет-Петрушенькой» в Суздаль, в Покровский монастырь, и пострижена под именем Елены. Обвиненную участницей заговора о передаче власти царевичу Алексею, инокиню Елену отправили в 1718 г. в дальний Ладожский Успенский монастырь, а царевича Алексея задушили в каземате. Пережив и Петра, и вторую его жену Екатерину, Евдокия Лопухина была возвращена в Москву внуком своим Петром II.

Дочь виноторговца из Немецкой слободы Анна Монс всерьез овладела сердцем русского монарха на целых 10 лет. Для неразборчивого в связях Петра она стала предметом страстного обожания. Для нее же он был просто забавой и «бездонным кошельком». Как ни велик был император, но его любовь была слепа. Или нет? Ведь имя этой подруги царя остается в российской истории, наверное, неспроста. Иногда Анну Монс называют «знаковой фигурой» русской истории.

Воспитанная в иной вере и в иной культуре, Анна, по всей вероятности, была равнодушна к России и ее судьбам. Зато она восхищалась Западом, и, конечно, немалая доля симпатий к западному миру была вложена в Петра не только Лефортом, но и Анной Монс. По словам историка, чистенькая, по-европейски аккуратная Немецкая слобода стала как бы моделью будущей России для царя-преобразователя, а Анна Монс — идеалом женщины. Как остроумно заметил писатель Д. Л. Мордовцев, из

ные курсы по источниковедению истории России / отв. ред. С. Г. Кащенко. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 28—33.

любви к Анхен «Петр особенно усердно поворачивал старую Русь лицом к Западу и поворачивал так круто, что Россия доселе остается немножко кривошейкою». Конечно, мы далеки от вывода, над которым в свое время иронизировал Ф.М.Достоевский, что Петр, единственно, чтобы понравиться Анне Монс, совершил свою великую реформу. Разумеется, это не так. Тем не менее роль этой женщины в истории не стоит и умалять*.

В порывах нежных страстей Петр, обычно не склонный к транжирству, дарит ей свой портрет, усыпанный бриллиантами, назначает ей пансион в 708 руб., строит для нее великолепный двухэтажный дворец в восемь окон, но «кукуйской царице» все было мало, и она писала: *«Умилостивись, государь царь Петр Алексеевич!.. свой милостивый приказ учини — выписать мне из дворцовых сел волость»*. Исследователи отмечают отсутствие в ее письмах изъявления чувств, которые принято называть любовью.

По словам Ф. Вильбуа**, Петр непременно женился бы на Анне, если бы она «искренне ответила на ту сильную любовь, которую питал к ней царь». В марте 1697 г. он на полтора года в составе Великого посольства отправился в Европу и за это время не написал ни единого письма своей возлюбленной Анхен. Она, почувствовав себя свободной от каких-либо обязательств по отношению к царю (смутные обещания женитьбы не в счет), завела себе любовника — саксонского посланника Кенигсека. Возвратившись в Москву из чужих краев, Петр тотчас же побывал у Анны Монс. Австрийский посол Гвариент замечает по этому поводу, что царь был одержим прежней неугасимой страстью***.

* Бердников Л. Несостоявшаяся царица: ист. очерк // Новый Берег. 2007. № 16. <http://magazines.russ.ru/bereg/2007/16>. Дата обращения 15.09.2015.

** Франц Вильбуа, Никита Петрович Вильбоа, фр. François Guillemot de Villebois (1681—1760) — русский вице-адмирал французского происхождения. С именем этого француза на русской службе связаны «Записки Вильбуа» (иначе «Анекдоты о российском дворе»).

*** Бердников Л. Несостоявшаяся царица: ист. очерк // Новый Берег. 2007. № 16. <http://magazines.russ.ru/bereg/2007/16>. Дата обращения 15.09.2015.

Находясь в неведении, Петр даровал Анхен 295 дворов в селе Дудино Козельского уезда. Неверность открылась только через пять лет благодаря роковому стечению обстоятельств. 11 апреля 1703 г., в день пиршества Петра в Шлиссельбурге по случаю отремонтированной яхты, саксонский посланник Кенигсек утонул в Неве. Тело было найдено только осенью, а среди бумаг обнаружены адресованные ему любовные письма Анны Монс, изобличающие ее в неверности Петру, а также ее медальон. Не более чем легенда сведения, сообщенные во втором письме Джейн, что, упрекая Анну, Петр «самъ залился слезами и сказалъ, что прощаетъ ее, потому что съ горестью сознаетъ, какъ трудно челоуьку преодолывать свои страсти». На самом деле все было совсем не так. С конца 1703 г. по приказанию Петра Анна и ее сестра Матрена находятся под домашним арестом. Им запрещено ездить даже в церковь. А в Преображенском приказе до 30 человек сидят по «делу Монсихи» и дают показания о том, как Анна злоупотребляла доверием царя. У Монсов были отобраны палаццо и деревни в Немецкой слободе; движимое же имущество и драгоценности были им оставлены. В заточении отчаявшаяся Анна, стремившаяся вернуть Петра, занимается гаданием и приворотом. На нее доносят. Однако царь прекратил процесс, который, как говорил панегирист Петра Гюйсен, в других государствах повлек бы за собой жесточайшее наказание.

Дом арестантки Анны Монс посещает приятель Кенигсека прусский посланник Георг Иоганн Кайзерлинг, сначала на правах друга, а затем пленяется ею и заручается ее согласием выйти за него замуж. Брак Монс с Кайзерлингом был очень недолгим. После смерти мужа в том же 1711 г. Анна Монс сближается с пленным шведским офицером Миллером. Теперь уже не прежняя «хохотушка и резвушка», а увядшая женщина, она сама одаривает жениха дорогостоящими подарками. Среди пожитков, дарованных шведцу, были «камзол штофовой, золотом и серебром шитый; кувшинец да блюдо, что бороды бреют, серебряные». Был назначен и день свадьбы, но незадолго до него, 15 августа 1714 г., Анна скончалась, завещав жениху почти все свое состояние*.

* Бердников Л. Несостоявшаяся царица: ист. очерк // Новый Берег. 2007. № 16. <http://magazines.russ.ru/bereg/2007/16>. Дата обращения 15.09.2015.

Пройдет 10 лет, и брат Анны, Виллим Монс*, по приказу Петра будет казнен за взятки и любовную связь с его женой-императрицей Екатериной. Ирония судьбы.

«Когда балъ начался, то ввели французскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плънь подъ Данцигомъ.<> Начальникъ ихъ, графъ де-ла-Моттъ, красивый мужчина около пятидесяти лтъ; вся фигура его выражала бодрость и мужество» (XIX).

Две противоборствующие коалиции, Австрия, Саксония, Россия против Франции, Испании, Сардинии, Баварии, вели боевые действия в войне за польское наследство. В марте 1735 г. русские войска осадили Данциг (Гданьск), в мае нанесли поражение французскому десанту и овладели городом в конце июня. По такому случаю Анна Иоанновна давала пышный бал в Летнем саду. Неожиданным для всех было появление группы пленных французских офицеров, возглавлял которую, как пишет Дж. Рондо, «граф де-ла-Мотт». Возможно, читателю покажется знакомым это имя, вспомнится небезызвестная Жанна де Ла Мотт, она же «леди Винтер», «миледи» и «графиня де ла Фер», французская авантюристка XVIII века, нашедшая свой покой в Старом Крыму. Не стоит искать родственные узы, связывающие этих персонажей. «Наш герой» — маркиз Ламотт де ла Перуз — был неверно назван в письме англичанки. Именно с ним связан эпизод высадки французского десанта.

12 (1) мая 1734 г. в Данцигской бухте показались французские корабли. Размещавшиеся на них батальоны пехотных полков составляли отряд бригадира** Ламотта де ла Перуза, который насчитывал около 2446 человек. В городе царил ликование — поляки приняли выгружающиеся войска за авангард главных сил Людовика XV. Французские

* Виллим Монс, подписывался де Монс (1688, Герцогство Вестфалия—1724, Санкт-Петербург) — адъютант императора Петра Первого, камер-юнкер, камергер императорского двора.

** Бригадир — военный чин выше полковника и ниже генерал-майора. В некоторых вооруженных силах ему соответствует чин бригадного генерала. Нередко чин бригадира подразумевает командование бригадой. Так как во Франции слово brigadier имело множество самых различных значений, то начальников бригад, для отличия от прочих, называли brigadier des armées du roi («бригадир армий короля»).

солдаты высадились на пляже Вестерплатте, командир десанта — маркиз Ламотт де ла Перуз — приказал сразу же приступить к рытью окопов и строительству ретраншементов*. Русские не препятствовали высадке. Говорят, что Миних, узнав о высадке французов, изрек: «Благодарю Бога. Россия нуждается в руках для извлечения руд».

После схода пехоты на сушу военные корабли Ламотт хотел отослать к Пиллау, чтобы препятствовать подвозу оружия и провианта осаждающим, однако моряки сочли этот план слишком рискованным, поскольку опасались русского флота. Французы не знали, что Балтийский флот только выходит из Кронштадта. 16 (3) мая французские войска, высаженные в Вестерплатте, попытались пробиться в город. В этом бою десант потерял 160 человек, в том числе графа Плело, участвовавшего в бою. Его опознали среди убитых по оливковому камзолу, расшитому серебром (на остальных убитых были обычные солдатские мундиры). Атака была отбита, французы вернулись к своему лагерю на песчаном островке в устье Вислы. Отплытие французов вызвало в Данциге настоящую панику — Лещинский и Монти (представитель французского короля при польском претенденте) судорожно посылали гонцов в Копенгаген к Плело и писали письма Людовику XV. Из рапорта Монти Людовику: *«Вся Европа уверилась, что Ваше Величество выслал войска только для видимости, собираясь пожертвовать Данцигом и его бедными горожанами»***.

26 июня (7 июля) 1734 г. была подписана безоговорочная капитуляция Данцига, через два дня гарнизон открыл ворота. Французский корпус капитулировал на условии высадки пленных в одном из нейтральных портов, но вместо этого французов доставили в Кронштадт. Предстоял обмен пленными. Кроме того, русское правительство хотело постараться найти среди пленных «мастеровых людей» и уговорить их остаться в России. Солдат разместили в селе Копорье под Петербургом в специально оборудованном

* Ретраншемент — внутренняя оборонительная ограда, располагаемая (иногда импровизируемая в минуту надобности подручными средствами) позади и параллельно главной.

** Махов С., Созаев Э. Флот Людовика XV. 2011. Гл. 4. Электронный ресурс : http://www.e-reading.club/chapter.php/1023787/11/Mahov_-_Flot_Lyudovika_XV.html Дата обращения 15.09.2015.

лагере, а одиннадцать французских офицеров с бригадиром Ламоттом на императорской яхте были доставлены в Петербург*. На балу Анны Иоанновны с ними обращались учтиво. Ламотт *«имѣлъ видѣ челоуѣка, который въ душѣ чувствуетъ злобу, но презираетъ оскорбленія»*, но, выказывая *«умъ, вежливость и много живости»*, произвел на Дж. Рондо благоприятное впечатление и был приглашен ею на домашний обед. В декабре 1734 г. французы были отпущены в Данию, а весной 1735 г. они отплыли на родину.

«Нѣскольکو дней тому назадъ, я познакомила съ одной шведкой, которая была въ плѣну у татаръ, прожила между ними восемнадцать лѣтъ и недавно вернулась оттуда» (XX).

Дж. Рондо не называет имя своей новой знакомой. Теперь оно известно — Бригитта-Кристина Шерзенфельд, в замужестве Бернов, Линдстрем, Цимс, Ренат. О своем необыкновенном 17-летнем пребывании в Джунгарии шведка оставила мемуары. Родилась она в 1684 г. в поместье Беккасуг датской провинции Сконе в семье лейтенанта Кнута Шерзенфельда и Бригитты Транандер. В 1699 г. вышла замуж за военного Матса Бернова и в 1700 г. последовала за ним на войну** : проживала главным образом в Риге, которая тогда была в сфере влияния Швеции. После гибели мужа в 1703 г. вторично вышла замуж за офицера Юхана Линдстрема, но через год, при взятии Нарвы русскими войсками, они оба попали в плен и были переправлены в Москву. В 1711 г. вновь овдовела, однако через год ей опять удалось выйти замуж за пленного лейтенанта шведской армии, немца по происхождению, Михаэля Цимса. Вскоре вместе с мужем была переправлена в Тобольск.

В мае 1714 г. в Тобольск прибывает Бухольц с приказом Петра 1 собрать там отряд и двигаться вверх по Иртышу к Ямыш-озеру, где надлежало остановиться на зимовку, построить крепость, оставить в ней гарнизон, а затем продолжать путь дальше, к городу Еркету

* Черкасов П. П. Яблоко раздора: Первая военная стычка России и Франции // Родина. 2004. № 4. С. 45.

** Северная война (Великая Северная война, Двадцатилетняя война) — война, длившаяся с 1700 по 1721 г. между Шведской империей и коалицией североевропейских государств за обладание прибалтийскими землями и закончившаяся поражением Швеции.

(Яркенду), где якобы имелись россыпи песочного золота. 27 июля 1715 г. отряд Бухольца, снаряженный губернатором Сибири князем Гагариным и состоявший почти из 3000 человек, с пушками и запасами, на 60 судах отправился вверх по Иртышу, по направлению к Ямышеву озеру, которого и достиг 1 октября. Здесь Бухольц приступил к постройке Ямышевской крепости.

Появлением русских войск был крайне недоволен джунгарский* хунтайджи** Цэван-Рабдан***. Послав Бухольцу

* Джунгарское ханство — ойратское государство, существовавшее в XVII—XVIII вв. на территории, которая ныне относится к Казахстану, Киргизии, Китаю, России, Монголии, и занимавшее земли от Тибета и Китая на юге до Сибири на севере и от оазисов Сырдарьи на западе до Халха-Монголии на востоке, включая в себя озеро Балхаш, Семиречье, озеро Кукунор, горы Тянь-Шань, Алтай, долины рек Иртыш, Или, верховья реки Енисея и проч. Доныне на указанной территории расположены руины ойратских (зюнгарских, калмыцких) буддистских монастырей и крепостей (Семипалатинск, Зайсан), наскальные изображения Будды (под Алма-Атой, около Иссык-Куля) и проч.

Ойраты — «западномонгольский народ». Они назывались и называются калмыками, или зюнгарами (зенгорами, джунгарами — в переводе с калмыцкого «зюн гар» — «левая рука», когда-то — левое крыло монгольского войска, которое составляли при Чингис-хане и его потомках — ойраты). «Ойр» — в переводе с монгольского языка означает — «союзный, близкий, союзник».

** Хунтайджи, также хунтайчжи, контайша, контайчи — титул крупных феодалов в Монголии с XIV в.

*** Цэван-Рабдан (1663—1727) — ойратский хан из аристократ. рода Чорос, глава Ойратского (Джунгарского) ханства в 1697—1727. Продолжая политику отца — хана Сенге (1665—1671) и гл. обр. дяди — Галдана (Галдан-Бошокту-хан) (1671—1697), укреплял центр. власть и экономику ханства, поощрял земледелие и развитие ремесел, промыслов и торговли. Стремился расширить границы ханства, для чего вел ряд успешных войн с казах. феодалами, а в 1716—1717 временно захватил Тибет. Поддерживал оживленные посольские и торговые связи с Россией, которые, однако, были осложнены конфликтом 1714—1715. Но осн. внешнеполитич. усилия Ц.-Р. были направлены на противоборство завоеват. политике императоров династии Цин (1644—1911), с которыми он вел ряд войн в 1715—1721. Годы правления Ц.-Р. ознаменовались ростом могущества Ойратского ханства, достигшего наибольшего подъема в царствование его старшего сына Галдан-Цэрэна (1727—1745).

требование удалиться и не получив согласия, он ночью 10 февраля 1716 г. напал на крепость со своим 10-тысячным войском. Бухольц был вынужден уйти из крепости. Крепостные укрепления были разрушены, а остатки экспедиции направились вниз по Иртышу в Тобольск. Среди убитых был поступивший на русскую службу год назад муж Бригитты-Кристины Михаэль Цимс. Сама она оказалась в джунгарском плену. Она отчаянно сопротивлялась захватившему ее насильнику-ойрату и даже покалечила его. Закованную в кандалы ее, вместе с остальными пленными, доставили в ханскую ставку в Кульдже и представили лично Цэван-Рабдану. Тот с любопытством расспросил ее, почему она так сопротивлялась. Она объяснила ему, что у шведов так делать не принято, и после этого Цэван-Рабдан приказал оградить ее от подобных посягательств в будущем и отдал ее в служанки собственной жене Сэтэржав, дочери калмыцкого хана Аюки. Вскоре после этого ее назначили учительницей ткацкого дела и шитья и приставили в этом качестве к одной из дочерей Цэван-Рабдана Цэцэн. В течение двух лет Бригитта-Кристина ведала закупками княжны Цэцэн в Яркенде и так «пришлась ко двору», что Цэцэн, выходя замуж и готовясь к переезду в Калмыцкое ханство, пожелала забрать ее с собой. Однако Бригитта-Кристина, опасаясь, что такой переезд еще больше отдалит ее от возвращения на родину, заключила фиктивный брак со шведским сержантом Ренатом, который изготовил ткацкие станки для ее мастерской. Этого человека не раз миловала судьба, оставляя живым в плену у неприятеля. *Юхан Густав Ренат* (1682—1744), потомок голландских евреев, служил в армии Карла XII и впервые попал в плен после Полтавской битвы. В числе 20 тысяч пленных шведов был отправлен в Москву и оттуда в 1711 г. — в Тобольск. «Скучая в Тобольске от бездействия, он пожелал принять участие в известной экспедиции Бухгольца и с этою целью пристроился к транспорту, который отправлялся к экспедиционному отряду, проводившему зиму 1715—1716 года на Иртыше, около Ямышева озера. В 52 верстах не доходя Ямышева, у Корякова Яра на Иртыше, транспорт, состоявший из военного конвоя, шведских пленных, желавших принять участие в экспедиции, купцов и промышленников, всего около семисот человек, был окружен калмыками и после упорного сопротивления, продолжавшегося

целый день, взят в плен и проведен затем мимо отряда Бухгольца. «Между сиими пленными,— говорит Миллер в «Известиях о песочном золоте в Бухарии»,— находился и шведский штык-юнкер Иоганн Ренат, который после научил калмыков железную руду плавить, пушки и бомбы выливал, и был главным над калмыцким войском противу китайцев предводителем, и напоследок, нажив неизчетное сокровище золота, серебра и других каменьев, в 1733 г. чрез Сибирь и Россию в отечество свое возвратился». К известию этому Байер прибавляет, что Ренат «научил калмыков также искусству книгопечатания и завел им типографию, по образцу европейских»*.

В 1733 г. Бригитта-Кристина и Густав Ренат, освобожденные за свои заслуги, покинули Джунгарию в сопровождении российского посла Леонтия Угрюмова**, а также подаренных им двадцати слуг-калмыков. Шестерых из них удержало посольство, еще несколько погибло до прибытия в Москву.

В Москве Бригитта-Кристина рассказала свою историю Джейн Рондо. В российской столице они наконец обвенчались с Ренатом и были отпущены российскими властями для посещения Швеции, однако, прибыв в Стокгольм в 1734 г., так после этого и не вернулись в Российскую империю. Три оставшиеся с ними калмычки, Алтан, Ламакис и Зара, крестились под именами Анна-Катарина, Мария-Стина и Сара-Грета и стали служанками при чете Ренатов. Через два года, 4 апреля, Бригитта-Кристина скончалась; муж пережил ее на 8 лет.

Ее джунгарский костюм из красного шелка до сих пор демонстрируется в стокгольмском музее Ливрускаммарен***.

Нельзя не упомянуть о том, что через 135 лет после смерти Густава Рената имя его зазвучало в научных кру-

* Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время плена его у калмыков с 1716 по 1733 г. СПб., 1881. Эл. ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Karta_Renat_1716_33/text.phtml?id=4434.

** Угрюмов Леонтий Дмитриевич (1700—?) — в 1731—1734 гг. посланник к джунгарскому хану Галдан-Цэрэну для переговоров о заключении торгового договора между Россией и Джунгарским ханством, обмене пленными и по другим вопросам.

*** Использованы материалы с сайта Академик <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1682114>.

гах России. Произошло это,— внимание, театралы и любители скандинавской литературы,— благодаря известному шведскому писателю Августу Стриндбергу*. Работая в молодые годы помощником библиотекаря Стокгольмской королевской библиотеки и изучая культурные взаимоотношения Швеции с Китаем и Россией, летом 1879 г. он обнаружил в одном из архивов карту, составленную шведским этнографом XVIII в. Ренатом. Сопроводив карту «обширным текстом» на французском языке, шведский автор, по его собственному признанию, переслал находку «знающему и симпатизирующему шведам Его Превосходительству академику Я. К. Гроту». В 1881 г. в статье «Новооткрытый памятник русской истории на шведском языке» Я. К. Грот сообщал: «Нельзя также умолчать о старинной карте Зюнгари (Джунгарии — А.С.), найденной в линчепингском архиве г. Стриндбергом и присланной им в Русское географическое общество с предоставлением нам права первого издания этой карты». В том же году карта Рената с комментариями Стриндберга вышла в Петербурге отдельным изданием, а сам комментатор был награжден большой серебряной медалью за заслуги в области изучения истории старинной русской географии. Хотя позднее Стриндберг в одной из своих статей и жаловался, что издатели якобы исказили его текст, тем не менее он весьма гордился единственным в его жизни официальным отличием. В 1888 г. состоялась новая русская публикация карты с приложением описания, составленного А. Макшеевым**. В предисловии к описанию русский автор называл находку Стриндберга замечательной и любопытной, но имя шведского исследователя исказил, именуя его Стриндсбергом. А. Макшеев многое почерпнул из пояснительной записки Стриндберга и неоднократно на нее ссылался***.

* Август Стриндберг (Юхан Август Стриндберг, швед. Johan August Strindberg, 22 января 1849 г., Стокгольм — 14 мая 1912 г., там же) — шведский писатель, драматург, основоположник современной шведской литературы и театра.

** Макшеев А. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Зап. Рус. геогр. о-ва. Т. 11. СПб., 1888.

*** Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. М.: Наука, 1980, <http://ulfdalir.ru/literature/1921>. Дата обращения 01.09.2015.

Въ одномъ изъ моихъ предшествовавшихъ писемъ, я сообщила вамъ объ одномъ татарскомъ князь, прїѣхавшемъ сюда искать покровительства; онъ и его семейство были обращены въ христіанскую религію и крещены публично (XXI).

Частью государственной политики правительства Анны Ивановны было распространение христіанской веры среди татар и башкир. Хороши были любые методы. «Еще Петр I повелевал отбирать поместья у татарских мурз, не хотевших креститься. 6 марта 1730 г. Анна Ивановна подтвердила этот указ своего дяди, указавши при этом — «отобранные уже прежде у татарских мурз поместья передавать тем из их родственников, которые согласятся креститься, или же самим прежним владельцам, если они перестанут упорствовать и примут крещение»*. Прежние единовѣрцы вряд ли могли сохранять дружеские отношенія с новокрещеными. Вот такой татарский князь, собиравшийся принять новую веру, как писала леди Рондо, спасаясь, прибыл в Петербург с женой и детьми, чтобы отдаться «под защиту ея величества, чтобы оградить себя от притеснений некоторых своих соседей». Крещение населения Волго-Уральского региона должно было приобрести массовый характер: и льготы податные были предусмотрены, и освобождение от рекрутского набора, и подарки разной цены. Однако среди крестившихся было много тех, кто, пройдя через крещение, продолжали жить, соблюдая традиции предков.

11 сентября 1740 г. Анна Иоанновна подписала указ «Об отправлении архимандрита с некоторым числом священнослужителей в разные губернии для обучения новокрещеных христіанскому закону и о преимуществах, новокрещеным дарованных». 6 октября 1740 г. Святейшій Правительствующій Синод направил копии указа для его исполненія в Московское Синодальное правленіе, казанскому, вятскому, астраханскому, нижегородскому, рязанскому, воронежскому архиереям и архимандриту Свияжского Богородицкого монастыря Димитрію Сеченову. Это было начало реализаціи плана массовой насильственной христіанизации мусульман и язычников.

* Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаніях ея главнейших деятелей. Гл. 21 Эл.ресурс <http://www.magister.msk.ru/library/history/kostomar/kostom52.htm#I>.

Как координирующий центр специально создана была Контора новокрещенских дел. Особо в указе отмечалось, что миссионеры должны были действовать «*по образу апостольской проповеди со всяким смирением, тихостию и кротостию и без всякого кичения*». Таким образом, предложенные меры исключали насилие.

Через месяц после подписания указа Анна Иоанновна умерла, и воплощение его положений в жизнь происходило уже во время двадцатилетнего правления Елизаветы Петровны. Массовая христианизация проходила не так безболезненно для населения, как планировалось. И насильственное переселение, и обеспечение хлебом голодающих в обмен на детей и жен с последующим их крещением, и присвоение денег из государственной казны чиновниками, осуществлявшими христианизацию, — стали причиной приостановления миссионерской деятельности и закрытия Новокрещенской конторы в 1764 г.

«Что касается любопытства господина М., была ли я въ русской бань, то онъ заслуживаетъ не отвѣта, а презрѣнїя, которымъ отвѣчаютъ людямъ его закала, воображающимъ, что они остроумны, тогда какъ они говорятъ только непристойности» (XXIV).

Негодование Джейн Рондо по поводу вопроса, содержащего непристойную двусмысленность («the bagnio» значит и баня, и публичный дом), было совершенно справедливо по отношению к некоему остроуму. Однако по сути вопрос вполне мог быть задан безо всякого подвоха, ибо для западноевропейских путешественников XVII—XVIII вв. было в диковинку широкое распространение бань в русских землях, а впечатления от них поражали воображение иноземцев. К тому времени уже почти позабылось, что в самой Западной Европе на протяжении многих веков существовала высокая банная культура, исчезнувшая лишь в XVI веке, чему в постренессансные времена способствовали и природные, и религиозно-политические условия. «Малый ледниковый период», длившийся до XVIII века, привел к массовой вырубке лесов и чудовищному дефициту топлива — заменить его смогли только в Новое время каменным углем. И, конечно, огромное влияние оказала Реформация — если католическое духовенство Средневековья к баням относилось сравнительно нейтрально (и мылось само — есть упоминания о посещении

бань даже римскими папами), лишь запретив совместное мытье мужчин и женщин, то протестанты запретили вообще «по моральным соображениям». Когда эпидемии чумы и холеры унесли больше жизней, чем многочисленные войны, постепенно пришло осознание того, что чистое белье и тщательное мытье тела — лучшие предохранительные средства от повальных болезней. В 1526 г. Эразм Роттердамский констатирует: *«Двадцать пять лет тому назад ничто не было так популярно в Брабанте, как общественные бани: сегодня их уже нет — чума научила нас обходиться без них»*. В Париже бани практически исчезли при Людовике XIV. Английский парламент даже издал в XVII в. специальный билль о постройке бань, прачечных и об удешевлении стоимости воды. Но человек не мог уединиться для принятия водных процедур под страхом обвинения в колдовстве, а такие обвинения чреватые были костром. И вот как раз в Новое время европейцы начинают удивляться русским публичным баням и парным, которые в XVII веке уже заметно отличают Восточную Европу от Западной. Культура была утрачена.

Вообще слово «баня» в письменных источниках встречается с XI века. Другие названия: мыльня, мыленка, мовница. О русских банях можно прочесть еще в «Повести временных лет». Если верить летописцу, то Андрей Первозванный удивлялся сумасшедшим русичам, которые хлестали себя прутьями почти до бесчувствия: *«Диво видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят омовенье себе, а не мученье»*. В старину строилось множество частных бань. В тех, где печи имели дымоходы, парились «по-белому», где труб не было — «по-черному», а где баньку не успели сложить, парились прямо в печи, в которую помощник задвигал «чистюлю» на деревянной доске или на лопате и закрывал дверцей. В XVII веке после принятия Соборного уложения во времена царя Алексея Михайловича банные строения начали отдавать на откуп частным лицам и всячески поощрять строительство новых

бань. Не только в богатых боярских или купеческих дворах, но и во дворах посадских можно было встретить «баню с передбаньем», «в огороде баню с сенми». Но, помимо частных, были и торговые (общественные) бани, которых со временем становилось все больше и больше. Так, в 1787 г. казенных и торговых бань, например, в Москве насчитывалось уже около 70. Реформатор Петр Великий поощрял строительство бань. «Эликсиры хорошо, а баня лучше», — говорил он. Баня в России была почти при каждом дворе. В 1704 г. был издан царский указ о введении денежной пошлины на все домашние и общественные бани. К указу прилагался «Устав о банном сборе», в котором устанавливался размер пошлины. Бояре, окольниковые, думные люди и гости должны были платить за бани по 3 рубля в год, а казаки и стрельцы — по 15 копеек. Впоследствии было установлено, что обеспеченные люди должны платить за баню по рублю в год, а бедняки — по 15 копеек. В итоге в казну в огромном количестве стали поступать деньги за бани. Платил практически каждый. Даже если человек имел личную баню у себя во дворе, каждый член семьи и слуга обязаны были раз в году оплатить банную пошлину. И хотя в XVIII веке большинство русских бань были построены из дерева, уже начиналось и строительство каменных бань в различных городах. Каменные бани имели важное преимущество — они были менее пожароопасными, поэтому их можно было строить гораздо ближе к жилым домам, чем деревянные.

В XVIII веке в Петербурге появились специальные лечебные бани, получившие название «бадерские»; считается, что первым бадером в России был лекарь Христофор Паульсон, привезенный Петром I из Риги в 1720 г. После смерти царя должность придворного бадера была упразднена. Прошло 8 лет, и в 1728 г. в Москве объявился некто Якоб Кэнттер, который заявил, что намерен возродить бадерское искусство. Предложенные Кэнттером образцы лечебных бань предназначались «для лечения наружных болезней мануальным художеством», иначе говоря, в них практиковалось разминание частей тела, жильное кровопускание, приставление пиявок и «кровососных» банок, «ставление» клистиров и ванн разных составов и температур. В Москве Кэнттеру бадерскую баню построить не удалось, и 26.2.1735 он подал прошение о дозволении возвести

таковую в Петербурге. Спустя месяц, 26 марта, дозволение было дано. К 1745 г. Кэнтер имел и дом в Петербурге, и баню при нем, которой пользовались все желающие.

Еще одним нововведением Петра I стала активная борьба за нравственность. Еще в 1551 г. «банный вопрос» обсуждался на церковном соборе, который осудил, что «в банях мужи и жены и чернцы и черницы в одном месте моются без зазору», и строго запретил этот «разврат». Однако запрет почти никто не соблюдал. Чтобы изменить ситуацию, в 1743 г. Сенат издал указ о недопущении «смешения полов» в общественных банях. За нарушение данного указа установили серьезный денежный штраф, но и это не помогло. Указ о недопустимости совместного мытья мужчин и женщин так активно игнорировался повсеместно, что в 1782 г. государство было вынуждено издать новый документ — Устав благочиния. В нем запрещалось совместное мытье в бане с женщинами для мужчин старше 7 лет. Чтобы хоть как-то исполнять это государственное установление, в некоторых общественных банях начали строить перегородки, в некоторых составили расписания, установив мужские и женские дни. Отдельные бани для мужчин и для женщин стали появляться на Руси значительно позже. Несмотря на то что большинство иностранцев выказывали изумление банными традициями русских, были и такие, кто видел в них только человеческую естественность в гармонии с природой. Служивший в России в конце XVIII века Шарль Массон де Бламон*, посетив петербургские бани, отмечал, что «девушки в банях застенчивы и скромны. В них от природы заложены задатки глубоких и нежных чувств». Венесуэлец Франциско де Миранда, посетивший Россию в

* Массон (Массон де Бламон) Шарль Франсуа Филибер (1762—1807) в 1786 г. приехал в Россию, где находился на службе его старший брат, составивший ему протекцию у П.И. Мелиссино, директора Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. Массон-младший был определен преподавателем в корпус, где и состоялось его знакомство с А.А. Аракчеевым. С 1789 г. находился при Н.И. Салтыкове, вел его иностранную корреспонденцию и был гувернером его сыновей; получил чин капитана и назначение в адъютанты Салтыкова. С 1795 г. секретарь великого князя Александра, премьер-майор Екатеринославского гренадерского полка. Вскоре по восшествии на престол Павла I братья Массоны оказались в немилости и в конце 1796 г. были высланы из Петербурга. В 1800 г. Ш. Массон вернулся во Францию.

1786—1787 гг., писал: «Мы вышли наружу и проследовали к реке, чтобы посмотреть на женщин, которые после бани идут туда купаться. Их было очень много, и они спускались к воде без малейшего стыда. А те, что были на берегу и еще мылись, кричали нам по-русски: «Глядеть гляди, да не подходи!»».

В 1774 г. врач из Португалии Антонио Рибера Санчес написал первый в истории трактат о русской бане, который назывался «О парных банях, поелику споспешествуют оне укреплению, сохранению и возстановлению здоровья». Трактат был написан на основе опыта, который врачеватель получил на службе лейб-медика при дворе императрицы Елизаветы Петровны. В книге анализировалось влияние русской бани на здоровье человека. В течение многих столетий трактат Санчеса был единственным источником, благодаря которому в других государствах люди имели возможность получить представление о русской бане. По возвращении из Москвы в Европу он написал целый трактат, посвященный бане: «Не уповаю я, чтобы сыскался такой врач, который бы не признавал за полезное парную баню. Всяк ясно видит, сколь бы счастливо было общество, если б имело нетрудный безвредный и столь действенный способ, чтоб оным могло не токмо сохранять здравие, но исцелять или укрощать болезни, которые так часто случаются. Я с моей стороны только одну российскую баню, приготовленную надлежащим образом, почитаю способною к принесению человеку столь великого блага. Когда помышляю о множестве лекарств из аптек и из химических лабораторий, выходящих и привозимых изо всех стран света, то колико кратно желал я видеть, чтобы половина или три четверти оных, всюду великими расходами сооружаемых зданий, превратились в бани российские, для пользы общества».

А завершился XVIII век в истории русской бани строительством в Царском Селе роскошных римских бань по проекту Чарльза Камерона. Они представляли собой целый банный комплекс, включающий в себя бассейны, ванны, парилки, массажные кабинеты и огромное количество служебных помещений.

«Кажется, скоро мы обратимся въ драгуновъ, потому что въ настоящее время главное развлечение при дворъ заключается въ стрѣльбѣ въ цѣль и на лету, отъ которой

я не могла избавиться... Разъ мнѣ даже удалось попасть въ цель» (XXXII).

Джейн Рондо волей-неволей приходилось принимать участие в развлечениях, принятых при дворе императрицы. Пристрастие Анны Иоанновны к охоте не кажется ей странным — много дивного повидала уже англичанка в этой стране. Царица увлекалась псарями, травлей, зверинцами. Охоту она любила страстно: повсюду были наготове ружья, чтобы стрелять через окна в птиц, во дворце специально устроен тир, где в призовых стрельбах вынуждены были участвовать и придворные дамы. Настоящий отстрел животных с азартом производила она в специально устроенных загонах в Петергофе, куда заранее свозились «на заклание» животные. «Наша монархия находится здесь со всем придворным статом во всяком возделенном благополучии и изволит всякий день после обеда в мишень и по птицам на лету стрелять», — сообщали «Санкт-Петербургские ведомости» 19 августа 1735 г. «Анна, как опытный спортсмен, стреляла ежедневно, не упускала случая предаться любимому занятию даже в дороге: «Во время пути изволила Ея величество в Стрельной мызе стрелянием по птице и в цель забавляться». Так написано в газете 1737 г. Государыня брала то ружье, то лук, а так как она была женщиной крупной и сильной, натянуть тугую тетиву ей было вполне под силу. Впрочем, Анна охотилась и с собаками. Для нее за огромные деньги в Англии и Франции специально закупали самых экзотических для России того времени охотничьих собак: бассетов, английских гончих, легавых, хортов, такс.

Устраивали в Петергофе и варварские охоты с так называемых «ягт-вагенов» — особых высоких повозок, которые устанавливали в центре поляны. Задолго до начала охоты сотни загонщиков охватывали сплошным кольцом огромные лесные массивы и несколько суток напролет гнали из лесу все живое, что бегало по земле. Постепенно круг сужался, звери попадали в длинный и высокий полотняный коридор (для хранения этого корабельного полотна был построен специальный цейхгауз). Коридор становился все уже, а полотняные стены его все выше и выше. Вскоре вся масса несчастного зверья — медведи, волки, лоси, олени, зайцы, козы, кабаны, рыси — все вместе попадали на ограниченную полотняной стеной поляну, посреди

которой стоял ягт-ваген императрицы и ее вооруженной до зубов свиты. Анна открывала огонь, а ее обер-егерь Бом непрерывно подавал государыне одно заряженное ружье за другим. Он даже придумал особые гильзы, смазанные салом, что помогало быстро перезаряжать ружья. Бойня продолжалась до «полной победы». После этого не удивляют грандиозные «успехи» российской Дианы, убившей только за два с небольшим месяца своего пребывания в Петергофе в 1740 г. 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 морских птиц. Впрочем, уток и птиц государыня скорее всего была влет прямо из окна Монплезира». «Стрельба из ружья благодаря столь сильной страсти царицы становилась в обществе модой. Раболепствующая знать приучала своих юных дочерей палить по голубям, а Анна Иоанновна ревниво вопрошала московскую гостью: «Стреляют ли дамы в Москве?» — и та уверяла, что «стреляют, матушка, стреляют!». А как же иначе! Купалась бы государыня в проруби, и все юные и не очень графини и княжны лезли бы в ледяную воду, дабы угодить коронованной наяде. Такое пристрастие к охоте и стрельбе, конечно, очень выразительно. Для подвигов петергофской Диане требовались твердая рука, точный глаз, сила телесная, хладнокровие и азарт. Вероятно, этот комплекс амазонки как нельзя лучше соответствовал внутреннему миру императрицы, устройству ее души, далекой от интеллектуальных поисков»**.

«Здѣсь въ модѣ шуты обоого пола, которые имѣютъ преимущество говорить и дѣлать тысячу глупостей» (XXXV).

Паясничанье, фиглярство, ерничанье, зубоскальство, хохмачество, кривлянье и много других синонимов можно подобрать к слову *шутство*. Дурак и дурка — так называли шутов и шутих при дворе. Был ли шут глуп или, напротив, обладал необыкновенным талантом юмориста и сатирика? Чем развлекал он высочайшую особу и ее окру-

* Анисимов Е. Анна Иоанновна. — (ЖЗЛ). М., 2002. Эл.ресурс: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1006035/Anisimov_-_Anna_Ioannovna.html. Дата обращения 15.09.2015.

** Анисимов Е. Женщины на российском престоле: Питер; Санкт-Петербург; 2008. Эл. ресурс: http://www.gramotey.com/?open_file=1269072402. Дата обращения 02.09.2015.

жение? Кто и как становился шутом? Анна Иоанновна лично занималась подбором этой «веселой» компании.

Все эти вопросы освещает статья Е. В. Анисимова, материалы из которой мы далее приводим.

«В 1735 г. императрица писала московскому генерал-губернатору Салтыкову: *«Семен Андреевич! Пошли кого нарочно князь Никиты Волконского в деревню... и вели расспросить людей... как он жил и с кем соседями знался, и как их принимал — спесиво или просто, также чем забавлялся, с собаками ль ездил или другую какую имел забаву... а когда дома, то каково жил, и чисто ли в хоромах у него было, не едал ли кочерыжек и не леживал ли на печи... Сколько у него рубах было и по скольку дней он нашивал рубаху»*.

Это письмо о новом придворном шуте князе Волконском. Поиск наиболее достойных кандидатов в придворные дураки был делом ответственным. Поэтому-то Анна и хотела знать, каков князь Волконский по нраву, чистоплотен ли, не портит ли в палатах воздух, чем увлекается в свободное от безделья время.

Не каждый кандидат мог попасть в придворные дураки и «дурки». Не прошло и нескольких лет, как среди шутов двора Анны Иоанновны были самые лучшие, «отборные» дураки в России, подчас люди известные, титулованные. Сразу же отмечу, что княжеский или графский титул не открывал дороги в шуты. При этом ни сами шуты, ни окружающие, ни Анна Иоанновна не воспринимали назначения в шуты как оскорбление дворянской чести. Для всех было ясно, что шут, дурак, исполняет свою «должность», памятуя о ее четких границах. В правила этой должности-игры входили и известные обязанности, и известные права. Шут, действительно, мог сказать что-то нелицеприятное, но мог и пострадать, если выходил за рамки, установленные повелителем. И все же роль шута была весьма значительна, и оскорблять шута опасались...

В «штате» Анны было шесть шутов и около десятка лилипутов — «карлов».

Самым опытным был «самоедский король» Ян д'Акоста, которому некогда царь Петр I подарил пустынный песчаный островок в Финском заливе. Петр часто беседовал с шутом по богословским вопросам — ведь памятный космополит, португальский еврей д'Акоста мог соревноваться в знании

Священного Писания со всем Синодом. Упомянутый выше Волконский, вдовец, супруг той бедной Асечки, чей салон разгромил Меншиков, также стал полноправным шутом при дворе Анны. У него были важные обязанности — он кормил любимую собачку императрицы Цитриньку и разыгрывал бесконечный шутовской спектакль — будто он по ошибке женился на князе Голицыне. С другим шутом, неаполитанцем Пьетро Миро (или в русской, более непристойной редакции «Педрилло») Анна обычно играла в подкидного дурака, он же держал банк в карточной игре. Исполнял он и разные специальные поручения императрицы: дважды ездил в Италию и нанимал там для государыни певцов, покупал ткани, драгоценности, да и сам приторговывал бархатом. Граф Алексей Петрович Апраксин был из знатной, царской семьи, племянник генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и царицы Марфы Матвеевны. Этот шут был проказником по призванию. О нем говорил Никита Панин, что это «несносный был шут, обижал всегда других и за то часто бит бывал». Возможно, за ревностное исполнение своих обязанностей он получал от государыни богатые пожалования.

Жизнь и судьба еще одного вельможного шута — князя Михаила Голицына — весьма трагичны. Он был внуком князя Василия Васильевича Голицына — первого сановника царевны Софьи, жил с дедом в ссылке, потом был записан в солдаты. В 1729 г. он уехал за границу. В Италии Голицын перешел в католицизм, женился на простолюдинке-итальянке и потом с ней и ребенком, родившимся в этом браке, вернулся в Россию. Свою новую веру и брак с иностранкой Голицын тщательно скрывал. Но потом все открылось, и в наказание за отступничество Голицына взяли в шуты. Все могло случиться иначе, и Голицын попал бы, в лучшем случае, в монастырь.

Однако до императрицы Анны дошли сведения о необычайной глупости Голицына. Она приказала привезти его в Петербург и взять ко двору. Следы же его несчастной жены-итальянки теряются в Тайной канцелярии. Муж же ее благополучно жил при дворе и получил прозвище Квасник, потому что ему поручили подносить государыне квас. Именно этого Квасника и решила шутовски женить Анна Иоанновна в знаменитом Ледяном доме, построенном весной 1740 г. на Неве...

Но все-таки главным шутком императрицы Анны был единодушно признан Иван Емельянович Балакирев. Столбовой дворянин, ловкий и умный, он чем-то приглянулся при дворе и был зачислен в придворный штат. Балакирев сильно пострадал в конце царствования Петра I, оказавшись втянутым в дело фаворита царицы Екатерины Виллима Монса. Он якобы работал у любовников «почтальоном», переносил записочки, что вполне возможно для добровольного шута. За связь с Монсом Балакирев получил 60 ударов палками и был сослан на каторгу. Подобные обстоятельства, как известно, мало способствуют юмористическому взгляду на мир. К счастью для Балакирева, Петр вскоре умер, Екатерина I вызволила с каторги верного слугу, а при Анне Иоанновне отставной прапорщик Балакирев стал шутком. Тут-то он и прослыл большим остроумцем и прекрасным актером.

Всякое профессиональное шутовство — всегда представление, спектакль. Анна и ее окружение были большими охотниками до шутовских спектаклей, «пьес» шутов. Конечно, за этим стояло древнее восприятие шутовства как дурацкой, вывернутой наизнанку традиционной жизни, шутовское воспроизведение которой и смешило зрителей до колик, но было порой непонятно иностранцу, человеку другой культуры. Каждый шут имел в «спектакле» свою, затверженную роль. Но шутки-интермедии Балакирева, густо замешанные на непристойностях, были особенно смешны, они тянулись порой годами. При дворе долго разыгрывался карточный «спектакль» Балакирева — в придворной карточной игре он стал проигрывать лошадь. О том, что Балакирев проиграл уже половину скакуна, Анна написала в Москву и просила высших чиновников помочь несчастному отыграть животное. В шутовские «спектакли» Балакирева втягивались не только придворные и высшие чины, но и иерархи церкви. Раз Балакирев стал публично жаловаться на свою жену, которая отказывала ему в постели. Этот «казус» стал предметом долгих шутовских разбирательств, а потом Синод на своем заседании принял решение о «вступлении в брачное соитие по-прежнему» Балакирева со своей супругой. Пикантность всей ситуации придавал известный всем факт сожительства Бирона с Анной. Почти так же открыто, как при дворе обсуждали беды Балакирева, в обществе говорили, что Бирон с Анной

живут как-то уж очень скучно, «по-немецки, чиновно», и это вызывало насмешку.

Смех, который вызывали проделки одного шута, всегда огорчал других. Периодически вспыхивали непристойные распри и драки шутов, и весь двор катался со смеху, вспоминая «сражения» этой «войны»... А между тем распри шутов бывали нешуточные. Борьба за милость государыни тут шла с не меньшим напряжением, чем в среде придворных и чиновников: с кляузами, подлостями и даже мордобоем. А это и было смешно... Свары и драки шутов особенно веселили государыню. Но следует знать, что смешить — грязная работа и довольно мерзкое зрелище. Если бы нам довелось увидеть шутки Балакирева и ему подобных, то ничего, кроме отвращения к этому похабному представлению, замешанному на вульгарных шутках о проявлениях «низа», мы бы не испытали. Люди же прошлого иначе относились к непристойным словам и грубым выходкам шутов. Психологическая природа шутовства состояла в том, что шут, говоря непристойности, обнажая душу и тело, давал выход психической энергии зрителей, которую держали под спудом строгие, ханжеские нормы тогдашней морали. Как пишет историк Иван Забелин, «на то и существовал в доме дурак, чтобы олицетворять дурацкие, а в сущности вольные движения жизни». Императрица Анна была ханжой, блюстительницей общественной морали, но при этом состояла в незаконной связи с женатым Бироном. Отношения эти осуждались верой, законом и народом. Об этом государыня отлично знала из донесений Тайной канцелярии. Поэтому не исключено, что шуты с их непристойностями и скабрёзностями, обнажением «низа» позволяли императрице снимать неосознанное напряжение, расслабляться. Не смешно было только самому Балакиреву. Это была его работа, служба, тяжёлая и порой опасная. Поэтому, когда в 1740 г. умерла императрица Анна, Балакирев выпросился в свою рязанскую деревню и провёл там, в тиши и покое, остаток жизни — 20 лет. Свое Балакирев уже отшутил»*.

«Теперь расскажу вамъ объ одной дамъ, отъ которой, мнѣ кажется, вы будете въ восхищеніи. Она по рожденію — благородная венеціанка, вышедшая замужъ

* Анисимов Е.В. Шутовство при дворе Анны Иоанновны. // <http://storyo.ru/empire/61.htm>. Дата обращения 11.09.2015.

за старика, который много лѣтъ тому назадъ поселился здѣсь, хотя родился въ Рагузь» (XXXV).

«Безымянная» история, рассказанная Рондо в письме, заставляет вспомнить о «старике из Рагузы». Это — граф Савва Лукич Рагузинский, один из ближайших сподвижников Петра Великого. Тайный советник первого русского императора, государственный министр, посол, создатель и владелец нескольких монополий в России*. Адмирал Апраксин после первой встречи с Саввой написал Петру I «Отличается великой набожностью, и Бог управляет его сердцем; он знаток; и целиком предан данному слову»**. Успешная миссия Саввы в Царьград была по достоинству оценена императором. Петр пожаловал ему дворец в Москве на Покровке, предоставил ежегодный пансион в 325 рублей на личные нужды, дал право беспошлинного экспорта за границу и право торговли в Азове и Малороссии***.

По возвращении из Царьграда в 1705 г. привез с собой маленького арапа в подарок Петру I. Этот абиссинец был родом из Лагона. Савва просто купил его на царьградском рынке, где продавались рабы. Петр I, услышав об этом подарке, велел Савве прислать арапчонка в Вильно, где расположился его штаб. Негритенок, которого звали Ибрагим, или Абрам, в 1707 г. был крещен по православному обряду и наречен Петром Петровичем по приемному отцу. Тем не менее этого «арапа» всю жизнь звали Абрамом Петровичем. Когда Савву Владиславича назначили чрезвычайным посланником в Китае с задачей демаркировать границу между Россией и Китаем, в помощники ему дали Абрама Петровича Ганнибала. Так в России появился «арап Петра Великого», прадед А. С. Пушкина по матери, Надежде Осиповне, внучке Ганнибала****.

С 1710 г. Савва Владиславович занимает в окружении Петра I исключительное положение: он становится главным советником по вопросам православного Востока.

После смерти Петра I императрица Екатерина I даровала Савве графский титул, подарила три поместья, сделала

* Дучич И. Граф Савва Владиславович. Серб при дворе Петра I и Екатерины I. СПб., 2009. С. 92.

** Там же. С. 91.

*** Там же. С. 102.

**** Там же. С. 104, 105.

действительным статским советником за «верную и усердную службу России во время правления Петра Великого»^{*}.

При Анне Иоанновне указом Сената от 24 декабря 1735 г. за заслуги во время посольства в Китай Савва был подарен дворец на Дворцовой набережной, ранее принадлежавший Екатерине I^{**}. Впрочем, при Анне Иоанновне Савва, после завершения китайского посольства, оказался не у дел. Ушли в небытие его влиятельные друзья: князь В. Л. Долгорукий, князь М. Голицын, генерал-адмирал граф Апраксин, граф Петр Толстой, граф Борис Шереметев. Умерли и дети. После страшных потерь в семье, особенно после смерти Луки, главного наследника имени и богатств, Савва стал распродавать имущество. Продал он практически все, в том числе и дворец^{***}.

Но вернемся к «венецианке», упомянутой в письме леди Рондо. Это вторая жена Саввы Вирджиния Тревизан, поразившая англичанку драгоценностями, которые она надевала при дворцовых приемах. И. Дучич в своем исследовании приводит сведения о портрете Вирджинии, написанном венецианским художником Джованни Тарсия. Венецианская патрициатка была изображена поправляющей ожерелье. Сначала портрет находился в Эрмитаже, потом был передан в Каменноостровский дворец, где и затерялся^{****}.

Брак Саввы Владиславича с Вирджинией Тревизан был оглашен в Венеции 19 сентября 1720 г. Вирджинии исполнилось всего 22 года, а Савве было уже 50^{*****}. Венчание проходило по католическому обряду. Леди Рондо, неприязненно относившаяся к Вирджинии, писала, что Владиславич скорее не женился, а купил ее, «потому что обладал несметными богатствами». В приведенных словах леди Рондо есть доля истины. Во всяком случае, ее оценку брачных уз подтверждает, правда, косвенно, сам Владиславич. В письме к Петру от 9 сентября 1720 г. из Венеции он писал: «Я сегодня венчался чрез благочестивого брака с девицею венецкою от 20 лет, сенатскою дочерью, без жадной приданы, токмо с письменным обязательством, что

^{*} Дучич И. Граф Савва Владиславович. Серб при дворе Петра I и Екатерины I. СПб., 2009. С. 248.

^{**} Там же. С. 251.

^{***} Там же. С. 286, 287.

^{****} Там же. С. 250.

^{*****} Там же. С. 218.

предбудущаго году последует мне и моей матюшке с племянниками восприяла б со мною в империю Российскую». Аналогичного содержания письма Рагузинский отправил и адмиралу Ф. И. Апраксину*. В 1722 г. Вирджиния Тревизан из веселой и солнечной Венеции оказалась в недостроенном Петербурге. Вместе с Саввой и его красивой молодой женой в российскую столицу в 1722 г. приехала и его мать Сима, будучи уже в летах. Савва и Вирджиния Тревизан имели трех дочерей: Анну, Катерину и Феодору. Две старшие дочери, а затем и его мать Сима, в монашестве Феофания, умерли, когда он был в Китае**. Брак оказался недолгим. Не потому ли, что долгими были «служебные командировки» Саввы Лукича, да и возвращения не приносили радости молодой красавице-жене? Джейн Рондо писала, что супруг *«держит ее взаперти и очень редко отпускает куда-нибудь, кроме двора»*. Или виной тому лютые зимние холода, к которым так и не привыкла южанка? Может быть, спасая от них дочь Феодору, она вернулась в Венецию.

Направляясь с миссией в Китай, по пути, находясь в Москве, 23 декабря 1725 г. Савва Рагузинский подписал завещание, из которого следует, что ко времени выезда Владиславича из Москвы (в октябре 1725 г. — А.С.) его супруги Вирджинии и дочери в Петербурге уже не было. Неясно, когда и почему они оставили столицу России, чтобы отправиться в Венецию. Судя по всему, расставание сопровождалось ссорой. Основанием для подобного суждения является то, что наследником всего имущества Владиславич объявил не дочь и не супругу. Вирджиния должна была довольствоваться всего лишь «алмазным убором» и прочими драгоценными украшениями, увезенными ею в Венецию.

Доля дочери в наследстве была более весомой: по достижении совершеннолетия ей надлежало выдать 15—20 тыс. рублей на приданое (две другие дочери к тому времени умерли). Единственным наследником всего движимого и

* Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Сопратники Петра. Эл. ресурс <http://txt.rushkolnik.ru/docs/index-32020.html?page=49>. Дата обращения 12.09.2015.

** Славенко Терзич. Граф Савва Владиславич в пантеоне царской России // Экономические стратегии. 2014. № 2. С 115.

недвижимого имущества объявлялся старший из племянников — Гавриил Иванович*.

Дата на письме леди Рондо «18 мая 1739 г.» с описанием сцены с шутихой, пожелавшей проверить, фальшивы ли жемчуга Вирджинии, несомненно, ошибочна: к указанному времени Рагузинского уже не было в живых. Он скончался 18 июня 1738 г. на своей мызе Матокса (ныне деревня Матокса Всеволожского района). Бывшего блестящего дипломата и разведчика хоронят рядом с матерью и дочерьми в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, где он покоится и по сей день. На заупокойной службе присутствуют императрица Анна Иоанновна и великая княгиня Елизавета Петровна.

Но когда же могли встретиться дамы при дворе Анны Иоанновны? *«Теперь ей около двадцати пяти лѣтъ»*, — пишет Рондо. Выходит, в 1725 г.? Есть мнение, что супруга Владиславица вернулась в Венецию с дочерью Феодорой перед возвращением Саввы в Санкт-Петербург в декабре 1728 г. Но Анна Иоанновна взошла на трон в 1730-м... Возможно ли предположить, что Вирджиния могла вернуться в Россию, потеряв и третью дочь? В начале лета 1739 г. двор был занят подготовкой свадьбы принцессы Анны и Антона-Ульриха Брауншвейгского, о чем сообщает Джейн Рондо в письме от 20 июня 1739 г., что соответствует минувшей действительности. Но в этом же письме она снова упоминает о «нашей» венецианке... Ответ не складывается.

Так или иначе, но в новом духовном завещании, составленном 22 апреля 1738 г., Савва Лукич, наравне с ближайшими своими родственниками, снова упомянул жену: *«Еще ж объявляю, что как совокупился я законным браком в Венеции на венецианской шляхтянке Вергилии Тревизани тому уже близ дватцати лет, с которою прижил было три дочери, но и оныя во младенчестве померли, и тако детей родных у меня никого не осталось. А при зговоре и совокуплении с нею, женою моею, законным браком заключил я письменной с нею кантракт в такой силе, что ежели она, жена моя, умрет прежде меня, то*

* Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Сопратники Петра. Эл. ресурс <http://txt.rushkolnik.ru/docs/index-32020.html?page=49>. Дата обращения 12.09.2015.

все наряды и уборы, жемчуг, камень и прочее, что я на нее ни положу, имеет быть мое, ежели ж моя кончина воспоследует прежде ее, и наследства по мне не останется, в таком случае жемчуги, камень, платье и все прочие уборы, мною при животе моем на нее положенные, имеют остаться у нее, а кроме того да не может она иметь никакой претензии в моем имени. <...> По имевшейся верности и любви жены моей <...> определяю нижеписанное. Жене моей графине Вергилии Тревизани на память моей к ней любви и дабы не понесла какой-либо нужды, выдать ей сверх вышепоказанных ее уборов готовыми деньгами семь тысяч дукатов венецианских, называемых малых (которые около двух тысяч червонных российскими деньгами сочиняют), в награждение...»*

«Императрица, сопровождаемая герцогомъ курляндскимъ; на ней было платье съ темнымъ корсажемъ, затканное золотомъ: оно было чрезвычайно богато и показалось мнѣ очень блестящимъ; на ней былъ надѣтъ только жемчугъ, безъ другихъ драгоценныхъ камней» (XXXVII).

Судя по сохранившимся портретам, Анну Иоанновну трудно было назвать хоть сколь-нибудь внешне привлекательной. Однако, прожившая немало лет в Курляндии, она давно следовала европейской моде, украшая свою тучную фигуру роскошными нарядами. При ней в России появилось и само понятие «мода», когда в 1731 г. вышел словарь Эренрейха Вейсмана «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русскаго языка к общей пользе при имп. Академии наук печатью издан». Времена, когда Петр Первый насильно стриг бороды и обрезал подола и рукава боярских кафтанов, прошли. Влияние французской моды, распространившись по Европе, постепенно захватывало и русское высшее общество. Хотя по-прежнему наиболее тесные связи, политические и родственные, у русского двора были с дворами немецких князей, французский язык и французский стиль

* Цит. по: Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. III. 1727—1729 гг. Прил. I. Материалы к биографии С. Л. Владиславича-Рагузинского. 1738 г. апреля 22. — Духовное завещание С. Л. Владиславича-Рагузинского <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/china.htm> Дата обращения 25.08.2015.

становились все популярнее. И модницы в письмах за границу просят привезти им «фонтанжи» и «ангажанты», а не «чепцы» и «оборки для рукавов». В 1730-е годы уже появляется сатирическая литература о щеголях, изъясняющихся на коверканном французском, который становится в это время языком модного света и моды. Французский костюм всегда отличался чрезмерностью в отделке, сложным и тонким узором тканей. Английская мода, напротив, более сдержанная, строгая, приспособленная к прохладному климату. У российского европеизированного платья тоже были свои особенности. Иностранцы в течение всего столетия отмечали смешение стилей в русской моде: одного забавляло «безвкусное подражательство» французским обычаям, другого завораживало обилие золотых и серебряных кружев и галунов в одежде придворных, а третьего удивляло соседство на столичных улицах невиданных прежде меховых одеяний и клетчатых плащей, напоминавших о родной Шотландии.

В первой половине XVIII века дамская мода была довольно устойчива, изменению подвергались лишь отдельные детали костюма. Что касается тканей, то их узоры непременно менялись дважды в год дизайнерами, работавшими для шелкоткацких фабрик города Лиона во Франции. По европейской моде начала XVIII века сшито коронационное платье Анны Иоанновны из розовой парчи, шелка и кружев, с широкой юбкой на фижмах из китового уса. Размах фижм достигал полутора метров, ширина платья в подоле около пяти метров! В 1730 г. для его создания из Лиона был выписан самый новомодный, узорный шелк. Шлейф этого платья имеет подкладку из позолоченной парчи с муаровыми разводами, его можно было поднимать и драпировать с помощью особой системы серебряных шнуров и кистей. Кружева были сплетены из золотых и серебряных нитей и украшены жемчугом. Это так называемое «золотное» кружево. Судя по всему, платье сшито в России под руководством придворного портного И. Б. Шефлера, который прибыл из Курляндии вместе с Анной Иоанновной. Над его исполнением работало предположительно два мастера: закройщик Г. Ловцов и портной А. Аппельгрим. В XVIII веке широко распространились веера. Особо модными были шелковые расписные

веера, чаще всего в деревянных, черепаховых или перламутровых станках. Пользовались ими женщины привилегированных слоев на улице, в театре, на балу. Веер носили на ленточке вокруг запястья правой руки.

Роскошь русского двора времен Анны Иоанновны поражала приезжих иностранцев. Царица тратила огромные суммы на наряды, требуя и от придворных одеваться по последней моде. Было запрещено приезжать ко двору два раза в одном и том же платье, в черном платье вообще никто не смел появляться. Стоимость нарядов исчислялась сотнями тысяч рублей. Дворяне и дворянки не довольствуются только официальной одеждой, которую увековечили парадные портреты. В гардероб добавляется одежда для домашних приемов, костюмы для путешествий и загородных прогулок, для развлечений за городом, для охоты и танцев. Один из «утренних» костюмов Анны состоял из длинного домашнего, восточного покроя платья, светло-голубого или зеленого цвета, и красного платка, повязанного по моде русских мещанок (она вообще любила яркие краски). А Джейн Рондо описывает сцену, когда ее простое английское платье, вероятно, для женщин в «интересном положении» с одобрением рассматривала Евдокия Лопухина, «вдовствующая императрица», и нашла *«костюм довольно удобным и более приличным, чем все, виденное ею до сих пор в этом роде, тем более что он не так много обнажает грудь»* (VII).

«Европейский мужской костюм сохранял пока традиции XVII века. Шляпы носили, главным образом, под мышкой, чтобы не испортить парик и не повредить его трудоемкие локоны. Поэтому изменилась и форма головного убора, теперь вместо шляп с перьями у мужчин появились скромные двухугольные складывающиеся шляпы. Этот обычай быть в обществе с непокрытой головой пережил и французскую революцию»*.

«Посль объѣда было оперное представлѣніе въ дворцовомъ театрѣ» (XXXVII).

Традиция устраивать театральные действия при дворе установилась со времен царя Алексея Михайловича. Указом Петра I на Красной площади выстроили «Комедиальную

* Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1986. С. 199.

храмину» — первый государственный публичный театр. В какой-то момент здание было разобрано без ведома Петра, а 9 октября 1730 г. Анна Иоанновна указала: «<...> для комеди построить пристойный к тому дом на Красной площади, где прежде сего был комедианской дом».

Завести при русском дворе «Итальянский ансамбль» с музыкантами и певцами, помимо имевшегося уже тогда большого оркестра, желал Петр II, но прибыть «ансамбль» не успел — император умер. Был объявлен траур — спектакли и маскарады отменены, но массовые зрелища допускались. Во время торжеств в честь коронации Анны Иоанновны 3 и 4 мая 1730 г. в Кремле на Ивановской площади «от Красного крыльца на колокольню Иоанна Великого протянут был канат, даже до большого колокола, которого высота от земли перпендикулярно $14\frac{1}{2}$ сажени, и по оному ходил персиянин. И по довольном его танцевании и протчих забавах, спустился назад»*. Вероятно, это были «персидские комедианты» Куль Мурза с сыном Новурзалеем, которых в апреле 1733 г. указом императрицы отправили «во отечество их».

В 1731 г. была выписана итальянская театральная труппа комедии дель арте и 9 человек певцов и музыкантов, сопровождавших спектакли комедий. В том же году к русскому двору прибыла еще довольно большая группа высококлассных иностранных музыкантов под дирекцию И. Аволио, куда входили инструменталисты-виртуозы и вокалисты, ангажировать которых был послан капельмейстер Гибнер. И первая труппа комедии дель арте 1731 г., и последующие состояли из превосходных мастеров. Например, в 1733—1734 гг. в России выступала труппа, где ведущим являлся Джиованни Антонио Сакки, ставший впоследствии одним из самых знаменитых актеров комедии дель арте, создавший маску Труфальдино; артист, которого сам Гольдони называл «великим»**. Саксо-польский министр Ле Форт сообщал в своей корреспонденции из

* Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914. Цит. по: Старикова Л. М. Театр в России XVIII века: опыт докум. исслед. М., 1997. С. 23.

** Старикова Л. М. Театр в России XVIII века: опыт докум. исслед. М., 1997. С. 24—26.

Москвы в Дрезден сразу же после первых спектаклей, что Анна Иоанновна «получила большое удовольствие от комедии и, чтобы это удовольствие было еще больше, она надеется, что ей переведут на русский язык те комедии, которые играют на сцене, чтобы можно было лучше понимать сюжет и жесты, сопровождающие реплики»*.

В 1735 г., по поручению императрицы Анны Иоанновны, скрипач и придворный шут неаполитанец Пьетро Мира, Петрилло, или, как его называли в России, Педрило, отправился из Петербурга в Италию. Там он набрал для двора российской императрицы труппу человек в тридцать пять — певцов, музыкантов, танцовщиков, декораторов, машинистов сцены и комедиантов во главе с капельмейстером Франческо Арайя. Всех приезжих артистов объединили в так называемую «Итальянскую компанию». Благодаря ей в январе 1736 г. русские зрители впервые познакомились с настоящей, большой, пышно обставленной оперой «Сила любви и ненависти» (с музыкой Ф. Арайи), включавшей балетные сцены (поставленные балетмейстером Антонио Ринальди по прозвищу Фузано). И затем, в 1737 и 1738 годах, в январе, ко дню рождения императрицы (а иногда и ко дню ее коронации) «происходили сценические события» — постановки больших опер с балетом в роскошных декорациях**.

Среди комедиантов труппы Франческо Арайи оказалась мать легендарного Джакомо Казановы***, которому тогда было 10 лет, Мария-Джованна Фарусси, дочь простого сапожника, выбившаяся в актрисы театра Сан-Самуэле (San Samuele), принадлежавшего богатому семейству Гримани. Она родилась в 1707 г. на о. Бурано, бывшим островным кварталом Венеции. Поступив на работу в театр, она взяла себе псевдоним Дзанетта Фарусси, или Буранелла. Для труппы Ф.Арайи писал знаменитый автор «Трактирщицы» и «Слуги двух господ» Карло Гольдони, и в своих «Мемуарах» он достаточно лестно отзывается

* Старикова Л. М. «Призвать в Московское государство мастеров комедии делать» // Современная драматургия. 2011. № 3. С. 29.

** Там же. С. 232.

*** Джакомо Джироламо Казанова (1725—1798) — авантюрист, путешественник, писатель, автор известных мемуаров «История моей жизни».

о Дзанетте Фарусси: «В этой труппе было две актрисы для интермедий. Одна была вдовой, очень красивой и талантливой, ее звали Дзанетта Казанова, и она играла молодых любовниц в комедиях; вторая не была комедианткой, но обладала прекрасным голосом. Ее звали мадам Анъес Амюра, я ее использовал в Венеции для исполнения серенад. Эти две женщины не знали ни одной ноты, но все они имели вкус, четкий слух, отличную выучку, и публика была довольна». В течение двух лет она выступала с итальянской труппой при дворе русской императрицы Анны Иоанновны. Пройдут годы, и двое из шестерых ее детей посетят Россию. Джакомо Казанова в 1764—1765 гг. (среди его бумаг сохранился паспорт, выданный ему в Санкт-Петербурге 1 сентября 1765 г. и подписанный вице-канцлером князем Александром Голицыным). Перед Екатериной II он выступит в роли реформатора календаря, убеждая ее принять григорианский стиль. Он сочинит в ее честь оду, будет встречаться с фаворитом императрицы Григорием Орловым, с канцлером Никитой Паниным и с княгиней Екатериной Дашковой, впоследствии директором Академии наук и президентом Российской академии. Его брат, ставший известным художником, Франческо Казанова*, в 1791 г. по заказу Екатерины Великой исполнит несколько больших полотен с батальными сценами. «Взятие Очакова» и «Взятие Измаила» находятся в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, а работу «После битвы» можно увидеть в Севастопольском художественном музее.

Из глубины веков сегодня открываются нам письма жены английского дипломата в России Джейн Рондо. Описывая свои впечатления от государства Российского и людей, приближенных ко двору, она рисует картины

* Франческо Джузеппе Казанова (01.06.1727—1803) — художник, работал как придворный художник в Вене. Родился в Лондоне, куда Дзанетта Фарусси отправилась играть в итальянской комедии, некоторые биографы отцовство приписывают принцу Уэльскому, впоследствии ставшему Георгом II, королем Англии. Ф.К. был учеником Франческо Симонини и Джованни-Антонио Гварди, обучался живописи в Париже и стал известным художником-баталистом. В 1761 г. его избрали в члены Французской королевской академии. Дени Дидро назвал его «великим художником».

русской жизни второй четверти XVIII века. Легкий слог, остроумные реплики, яркие портреты значимых персон, живые картинки, передающие атмосферу повседневной и парадной дворцовой жизни,— словом, читателю обеспечены удовольствие и польза от знакомства с леди Рондо.

*А. В. Сазанов,
доктор исторических наук*

ПИСЬМА ЛЕДИ РОНДО

жены английского резидента при русском дворе
в царствование императрицы Анны Ивановны

Императрица Анна Ивановна.
Рис. В. Крюкова, с гравированного портрета 1740 г.
работы И. Соколова

Предполагая издать в русском переводе наиболее любопытные и имеющие историческое значение записки о России в XVIII столетии, мы, не первый раз, выпускаем в свет *«Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны»*. Письма эти уже были переведены на русский язык и изданы в 1836 г., но со значительными пропусками и в крайне небрежном переводе М. К. (Касторского), во многих местах совершенно искажившем смысл подлинника.

Настоящий перевод сделан с находящегося в Императорской Публичной библиотеке английского печатного оригинала, изданного в 1775 г., в Лондоне, под заглавием: «*Letters from a lady who resided some years in Russia to her friend in England; with historical notes*» (Письма дамы, проживавшей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию; с историческими примечаниями). Перевод принадлежит Е. П. Карновичу. Переводчик не позволял себе делать никаких произвольных пропусков и старался передать подлинник почти дословно, отступая от него только в тех случаях, когда представлялась положительная невозможность согласить обороты английской речи с оборотами русской. Хотя такая точность перевода и служила иной раз в ущерб отделке слога, но все же необходимо было соблюдать ее, потому что при переводе исторических памятников вообще главным условием следует считать сколь возможно бóльшую близость перевода к подлиннику. Текст

снабжен, где это казалось нужным и возможным, пояснительными примечаниями и подробным алфавитным указателем*. По нашей просьбе, предисловие написано профессором К. Н. Бестужевым-Рюминым, а указатель составлен П. А. Ефремовым.

В приложении к издаваемому ныне переводу «Писем леди Рондо» помещена нами, с согласия Ю. В. Толстого, найденная им в Лондонском королевском архиве «Записка английского резидента Рондо (мужа автора писем) о некоторых вельможах русского двора в 1730 году». Записка эта перепечатана из второй книги Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских, за 1864 г., причем оставлены без всяких изменений сделанные к ней г. Толстым примечания.

Портрет императрицы Анны Ивановны, приложенный к книге, рисован художником В. С. Крюковым с гравюры 1740 г., исполненной одним из лучших тогдашних граверов, И. Соколовым.

Р. S. Письма леди Рондо уже были почти окончены печатанием, когда в июльской книжке журнала «Русская старина» появилась статья под заглавием: «Сказания иноземцев о России XVIII века». Автор этой статьи, излагая довольно подробно план, принятый в основу настоящего издания и лично сообщенный нами редактору «Русской старины» г. М. И. Семевскому, не прибавляет, однако, никаких новых указаний, которыми мы могли бы воспользоваться при издании последующих записок, приготавливаемых к печати.

С. Шубинский

* Примечания, сделанные в английском оригинале издателем, исключены вовсе, как не имеющие по отношению к России никакого исторического значения и притом, большею частью, неверные.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сказания иностранцев считаются, и не без основания, важным материалом историческим. Иностранца, по большей части, поражает то, что остается неприметным для туземцев, что считается ими слишком обыкновенным и даже долженствующим быть. Конечно, в суждениях своих иностранец может быть поверхностным или пристрастным; он может по любви к своему плохо понимать чужое и т.п. Разобрать степень достоверности его показаний — дело историка, который обязан вникнуть в причины и поводы, побуждающие того или другого писателя так или иначе отзываться о лице, событии, обычае или обряде; но выслушать его историк обязан, ибо иначе он может пропустить очень интересные черты и оттого не понять эпохи. При определении достоинства того или другого исторического свидетельства чрезвычайно важно знать — был ли автор действующее лицо или только свидетель; если же он был свидетель, то не был ли он чем-нибудь заинтересован; столь же важно знать, с какою целью он пишет; имеет ли он в виду выставить, перед правительством или публикой, то или другое дело или лицо, в том или другом свете, или пишет просто для себя или своих друзей. Произведения последнего рода как-то невольно внушают к себе наиболее доверия, даже значительно уступая в талантливости

изложения и интересе подробностей запискам лиц, непосредственно заинтересованных в делах. Следя в этих последних подробности событий, изучая психологические побуждения, выставляемые деятелем в объяснение его действий, историк спешит, однако, поверить его сказания сказаниями людей посторонних и к делу непричастных, в особенности если по счастливому случаю историк имеет перед собою или личный дневник, или частную не назначавшуюся к изданию переписку.

К числу подобных безыскусственных произведений принадлежат предлагаемые читателям в русском переводе письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе (с ноября 1731 по октябрь 1739 г.).

Прежде чем говорить об историческом значении издаваемого памятника, представим краткие сведения о жизни автора этих писем*.

Сочинительница писем родилась в 1699 г. В Россию она приехала с первым своим мужем, бывшим, по свидетельству биографов, английским генеральным консулом. В «*Biographie universelle*» Мишо этот первый муж леди Рондо называется Вигор, т. е. будто бы носил одну фамилию с ее третьим мужем; но из донесений испанского посла де Лириа мы знаем, что консулом был Вард (Вордо — в делах Архива Министерства иностранных дел). «Теперь бы кста-ти,— говорит де Лириа в 1730 г., по случаю предложений о поставке сукон из Англии, на которую соглашается Сенат,— его британскому величеству, не теряя времени, прислать инструкцию и дать характер полномочного посланника одному из двух находящихся здесь его агентов, которые суть: консулы Вард и Рондо. Первый, как я слышал, имеет друзей

* Сведения эти встречаются в некоторых биографических словарях (Мишо: *Biographie universelle* и *Biographie universelle... par une société de gens de lettres*; 6 vols. Paris, 1833; под словом *Vigors*. Сведения эти отчасти переданы в «Русской старине». 1873. № 7).

в Англии, которые хлопочут, чтобы ему дали характер министра. Но жаль, если министром здесь будет г. Вард, а не другой: он честный и почтенный человек, но не понимает политических вещей так, как г. Рондо, прошедший всю свою жизнь в торговых операциях; и, пожалуй, покажется не особенно даже приличным дать ему характер министра, когда он теперь занят сказанною поставкою сукон»*. В письмах леди Рондо встречается несколько упоминаний о нем и, хотя она нигде не называет его мужем, а только обозначает буквою В., но можно понять, что она именно говорит о муже: с ним и с г. Р. (вероятно, Рондо) она ездила по окрестностям Петербурга (письмо I); в Москве ее посещают старые знакомые г. В. (письмо II); она ухаживает за ним больным (письмо VIII) и горюет после его смерти в 1731 г. (письмо IX). Детей у них не было; говоря о своих родах, уже сделавшись леди Рондо, она говорит, что рожает в первый раз (письмо XV). Вышедши в 1732 г. замуж за Рондо, автор только раз вспоминает о своем покойном муже, говоря о Бироне: «Он обер-камергер и представителен собою, но взгляд у него отталкивающий. Я думаю, однако, что взгляд его не соответствует характеру, как это было у бедного г. В., потому что обхождение его очень просто» (письмо XVI).

Вскоре после смерти первого мужа (через год, а может и менее), мистрис Вард уже рассуждает со своей приятельницею о возможности брака с Рондо, о котором было сообщено той одним из близких к нашему автору людей, отправившимся в Лондон с ее рекомендацией. Рондо, который жил с нею в одном доме (письмо XII), старался ей нравиться; она колебалась, потому что хотя и уважала его, но не чувствовала любви, а выйти по расчету не хотела. «Вы выражаете надежду,— пишет она,— скоро поздравить меня, так как вам известно, что этот господин

* «Осмнадцатый век». III. 78.

имеет титул, ленту, великолепно экипаж и большое состояние. Вы напрасно так дурно думаете обо мне, воображая, будто все это может иметь для меня какое-нибудь значение, если сердце, этот нежный советник, не помогает выбору лица, которое делает мне честь своим предложением» (письмо XI). «Он имеет ум, природную доброту и много ровности. Он очень уважаем мужчинами, хотя обстоятельство это и не может иметь влияния на мой выбор» (письмо XII). После этих колебаний, основанных, кажется, частью на том, что она не доверяла ему, опасаясь, что как француз он легкомысленно смотрит на женщину, не добиваясь любви в браке (письмо XI),— она решилась и была счастлива, как можно заключить из веселого тона ее писем и идиллического описания купленного ими сельского домика, в котором они проводили большую часть времени (письмо XVIII); наконец из того, что она готова была ехать с мужем в армию, находившуюся в Польше, куда он почему-то собирался (то же письмо).

Рондо был человек умный, наблюдательный, что показывает его донесение, которое читатель найдет в приложении. Вот что говорит о нем де Лириа: «Он с самого детства воспитывался в политических делах и приобрел в них довольно опытности; он хорош с графом Остерманом, который имеет о нем хорошее понятие и ценит его»*. Имея намерение разорвать союз между Россией и венским двором, де Лириа советовался с одним только Рондо. «Из наших союзных министров,— говорит он,— здесь я никому не открывал этого, а только одному г. Рондо, поверенному в делах Англии, человеку весьма способному и который всегда был прям со мною»**. Рондо передал ему копию с депеши к своему правительству, в которой передает свой разговор с Остерманом по вопросу о

* «Осмнадцатый век». III. 72.

** Там же. 105.

назначении английским двором полномочного министра в Петербург*. Таким образом, де Лириа, близко знавший Рондо, ценил и уважал его.

Но иным старается представить его кн. П. В. Долгорукий в своих «Записках», основываясь неизвестно на каких данных**: «Рондо, сын французского протестанта, выселившийся в Англию и сделавшийся английским баронетом, был искатель приключений; карьерою своею он главным образом был обязан своей жене, одной из величайших интриганок того времени». Неосновательность этого мы уже видели: когда леди Рондо вышла замуж, муж ее уже имел завидное положение.

Не знаем, насколько справедливо следующее затем обвинение леди Рондо в контрабанде, которую она вела будто бы, пользуясь положением своего мужа, и в которой участвовали и Бирон, и банкир Липман и для которой будто бы вошла она в сношения с герцогинею Бирон и камер-фрау императрицы Юшковой.

О леди Рондо говорит ее биограф: «Ум, любезность, доброе сердце снискали ей всеобщее уважение; бедные благословляли ее за истинно христианскую благотворительность»***. Сближение свое с герцогинею Бирон она объясняет тем, что оно полезно для ее мужа по его положению и что ей интересно видеть императрицу в домашней обстановке (письмо XVII). О Юшковой нет и упоминания в письмах. Вообще жаль, что эти обвинения ничем не подкреплены.

Оставя Россию в 1739 г., леди Рондо скоро овдовела (в 1740) и вышла в третий раз замуж за квакера Виллиама Вигора. Умерла она в глубокой старости (7 сентября 1783 г.). Книга ее появилась в Лондоне в

* «Осмнадцатый век». III. 112.

** Mémoires du prince P. Dolgoroukow. Gén. 1867. T. I. Pg. 467—468.

*** Biogr. Univ. Мишо.

1775 г., а в 1776 г. вышел французский перевод, изданный в Роттердаме*.

Изданные в старости мистрис Вигор и, по всей вероятности, без участия самого автора, письма не носят никакого следа литературной отделки; из них не удалены даже легкие, никому не понятные и никому не интересные, намеки. Тем лучше, стало быть, в них мы имеем, несомненно, дело с первыми живыми впечатлениями, выливавшимися на бумагу без всякой мысли о читающей публике, а только с мыслью о приятельнице, любопытство которой требует удовлетворения и которая поймет всякие намеки на события, происходившие в их кружке.

Леди Рондо — женщина, много читавшая и читающая: на придворном празднике носят перед нею образы шекспировского «Сон в летнюю ночь»; Миниха она характеризует словами Оттвея; в своем сельском уединении она читает вместе с мужем; но у нее нет никаких притязаний «синего чулка»; она прямо сознается, что многие вопросы ей чужды. «Вы требуете от меня,— пишет она,— описания страны и характера народа, ее населяющего, между тем как эти предметы столько же понятны для меня, сколько для государственного министра — покрой вашего платья» (письмо XXII); «Посылаю вам,— пишет она в другом месте,— книгу, содержащую в себе историю различных татарских народов; она удовлетворит ваше любопытство лучше, нежели я могла бы сделать это письменно, потому что я почти ничего не знаю о них и притом даже не читала этой книги» (письмо XXI). Поэтому в ее книге нечего искать обстоятельного изложения религии, правления, законов и т. п. Она дает легкие очерки нравов, сообщая анекдоты, сплетни, характеристики тех лиц, с которыми судьба ее сводила (императрицы, Екатерины Ивановны,

* *Lettres d'une dame anglaise, résidente en Russie, à son amie en Angleterre. Rotterdam, 1776.*

Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Бирона и его жены, Миниха, принца Гессен-Гомбургского, Остермана, Ягужинского и др.). Не все ее характеристики верны: так, она слишком благосклонна к Анне Ивановне; видит в Гессен-Гомбургском какого-то героя, когда он, по свидетельству современников, был просто трус; но ее характеристика Ягужинского до того жива, что, кажется, скорее поверишь ей, чем ее мужу, хотя, с другой стороны, можно быть готовым оказать услугу и брать деньги с иностранного двора. В то время особенно это считалось нипочем. Сообщаемые ею анекдоты: о высеченном ловеласе, о выходке графини Рагузинской и т. д. дышат правдою и представляют замечательные черты нравов. Конечно, не все слухи, доходившие до нее, были основательны: ей перевертали историю царицы Евдокии и Анны Монс; но многие ли знали тогда эти истории вполне верно. Ее описания праздников, в которые она любит вдаваться, тоже чрезвычайно наглядны и живы: как хороши, например, французы на празднике по случаю взятия Данцига. В ее рассказе много веселости и наивности: как, например, она забавно описывает катанье с гор и т. п., с каким неподдельным юмором рассказывает о мужике, который был невольным свидетелем ее переодеванья.

Немного страниц даст историку леди Рондо, и в этом отношении важнее во сто раз донесение ее мужа о характерах главных деятелей того времени; но оттенки, которые она дает для изображения эпохи, делают ее книгу неоцененною для каждого любителя старины. Против русских у нее нет никакой ненависти: ей даже нравится русский двор, ибо страны она совсем не знает, а знает только двор; замечая те или другие обычаи, рассказывая то или другое приключение, она нигде не обличает варварства, невежества и т. п. Она видит в этой разнице часто только разницу обычаев, которая встречается и между другими

странами. Словом, ее письма — произведение наблюдательной, образованной, умной и веселой, светской женщины, чуждой всякого педантства, претензий и предвзятых мыслей, — могут быть прочитаны с удовольствием и не без пользы.

К. Бестужев-Рюмин

Петру Ивановичу Бауману
на память и благожелательное внимание
от искренно уважающего его Шуринова

Джозеф Хаймор. 1744 г. Портрет семьи Вигор
(о портрете см. с. 26)

Братья Вигоры с женами — Джейн Вигор (слева)
и Энн Вигор, сидит, возможно, Джон Пенн
Музей Виктории и Альберта, Лондон

Письмо I

Петербург. Февраль, 1729—1730 гг.

Вам, смотрящей так философски на вещи, извинительно думать, что теперь, когда церемонии нашего приема уже окончились, я должна быть настолько спокойной, что в состоянии сообщить вам какой-нибудь рассказ о месте, в которое занесена моей блуждающей звездой; но, обладая сильными страстями и их неразлучным спутником — слабым рассудком, я не умею забыть так скоро ни моих друзей, ни моего отечества; напротив, несмотря на личину равнодушия при моем отъезде, я чувствую с удвоенною силой те же страдания, которые были сдержаны в роковой час нашей разлуки. Однако, зная, что при вашем добром сердце (не допускающем никаких других женских слабостей, кроме сострадания к друзьям) вы будете снисходительны ко мне, я попытаюсь дать вам некоторое описание лиц и предметов в том виде, в каком они мне теперь представляются. О первых я могу судить только по наружности, потому что кратковременность моего здесь пребывания не допустила меня научиться настолько языку, чтобы вести хоть какой-нибудь разговор на нем; итак, все, что я могу сказать о народе, это то, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице.

Петербург живописно расположен на прекрасной реке, называемой Невою; но на севере ли это, на западе, востоке или юге, я ничего не знаю, хотя вы и желали бы знать об этом определительно. Город расположен на трех островах; на первом находится Адмиралтейство, от которого остров получил свое название,— и дворцы Зимний и Летний*; другой называется Петербургским островом; там находится крепость и прекрасная церковь, в которой погребено тело вашего героя Петра I, его последней супруги, императрицы Екатерины, и многих его детей; третий называется Васильевским островом; там находится Биржа, рынок, судебные и коммерческие присутственные места (называемые здесь *коллегиями*) и другие публичные здания. Эта местность назначена для жительства купцов, и хотя здесь дома и улицы очень хороши, однако они малообитаемы, так что Адмиралтейский остров наиболее населенный. Зимний дворец мал, выстроен вокруг двора и весьма некрасив; в нем большое число маленьких комнат, дурно расположенных, и нет ничего замечательного в отношении архитектуры, живописи или мебелировки¹. Летний дворец еще меньше и во всех отношениях плох, исключая садов, которые прекрасны для этой страны и имеют много тени и воды. Лучшее понятие о них даст вам Буктон². В миле от города находится монастырь Св. Александра Невского. Легенда об этом святом мне неизвестна; но монастырь был начат Петром I и будет очень хорош, когда его окончат. Этот монарх учредил орден в честь упомянутого святого; это — второй орден, лента его — красная³. Река Нева течет вдоль садов монастыря и извивается от города такими красивыми изгибами, что могла бы непрерывно поддерживать ваш поэтический дух. В городе много прекрасных домов, принадлежащих дворянству, но теперь совершенно пустых, вслед-

* Леди Рондо ошибочно называет Адмиралтейскую сторону — островом.

ствие отсутствия двора; многие из них имеют прекрасные сады, от которых я живу довольно близко, так что часто гуляю в них и думаю обо всем, что я покинула; но вы скажете — оставьте эту слабость и продолжайте ваш рассказ. Я вздыхаю и повинуюсь.

Недавно я возвратилась из поездки, которая продолжалась неделю, в обществе г. В., г. Р., еще одного господина и одной дамы. Услышав, что берут наши постели, я очень удивилась. В первый день мы сделали около 20 миль, чтобы видеть несколько мельниц для приготовления бумаги (paper-mills), но главным образом чтобы взглянуть на местоположение, которое в самом деле восхитительно⁴. Там нет гостиниц: человек, который управляет мельницами и получает за это от правительства жалованье, принимает всех путешественников. Он приготовил нам ужин и уступил для ночлега две пустые комнаты.

Для спанья нам принесли солому, на которую мы положили свои постели, и таким образом приспособлялись во все время нашей поездки. На другой день мы отправились в Петергоф, загородный дом, принадлежащий царю. Дворец здесь мал, расположен на холме, вышиною около 60 футов, в расстоянии около полумили от моря. Долина между дворцом и морем покрыта густым лесом, который прорезан дорогами и аллеями, перемешанными водометами и фонтанами. Прямо от дворца проведен канал, изливающийся в море, на берегу которого видно много летних домов. Из дворца открывается вид на Кронштадтский порт и берег Финляндии; здесь можно найти некоторые хорошие картины, но сильно испорченные, по недостатку надсмотр⁵. Мы скоро отправимся в Москву, и вы можете ожидать, что оттуда вам надоест еще более ваша и проч.

Письмо II

Москва. Апрель, 1730 г.

Согласно вашему приказанию и без предисловия, расскажу вам о моем путешествии от Петербурга до этого города. Мы выехали 5 марта в санях, которые похожи на колыбель; они сделаны из дерева и покрыты кожею; в них ложатся, как в постель, одевшись и покрывшись мехами; в них может помещаться только один человек, что весьма неприятно, так как не с кем побеседовать. Мы ехали день и ночь и прибыли сюда 9 числа того же месяца. Вы скажете, что я передаю слишком кратко о моем путешествии, но что я могу рассказать вам? В местах, назначенных для перемены лошадей, наше помещение было не что иное, как маленькая и дымная комната, и мы питались тем, что взяли с собою. Здешний народ чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что, кажется, имеют только человеческое подобие. За исключением хижин, находящихся на пространствах между станциями, можно подумать, что проезжаешь через пустынную страну, где не видно ни городов, ни домов и где встречаются только густые леса, которые, будучи покрыты снегом, представляют романический вид; мне часто виделись различные фигуры, образовавшиеся от снега на стволах и сучьях деревьев, и казалось, что я вижу медведей, волков и даже франтов между ветвями; я очень часто желала иметь вас своей спутницей, тогда вы могли бы встретить ледяного любезника, не опасаясь его.

Я должна извиниться перед вами в том, что сказала, будто мы не проезжали ни через один город, потому что мы ехали через Новгород и Тверь. Первый знаменит монастырем Св. Антония, который, как нам сказали, приехал из Падуи на мельничном жернове, привезя, однако, достаточно богатств, чтобы выстро-

ить этот монастырь⁶. Город беден, хотя и велик, дома все деревянные, низки и малы, внешность монастыря не имеет ничего привлекательного, внутри же я его не видела. Тверь — хорошенький город, чистый, расположенный у подошвы холма на берегу Волги; строения деревянные и очень опрятные. Город, в котором нахожусь теперь, я недостаточно хорошо видела в подробностях, чтобы сделать какое-нибудь описание. Императора Петра II редко видим; при его дворе не бывает собраний, и, кажется, он ничего не любит, кроме охоты. Главный фаворит его, князь Долгорукий, поддерживает в нем страсть к этому развлечению, из боязни быть оттесненным (suplanted)⁷. С тех пор как около шести месяцев тому назад молодой монарх лишился своей единственной сестры (принцессы необыкновенного ума), он позволяет совершенно управлять собою этому молодому царедворцу, который, как я слышу, кроме своего титула, не имеет ничего особенного⁸. Меня часто посещают многие из старинных знакомых г. В. Между ними находится одна дама, которая была при дворе во времена вашего героя (т.е. Петра I); она умная женщина и рассказывала мне много тайных приключений этого государя.

Я сообщу вам рассказ об одном из них. Рассказ этот, хотя и довольно длинен, но, по моему мнению, доказывает, что этот монарх не был таким диким, как его описывают. Он имел сильную страсть к дочери одного офицера, по имени Монс, и, чтобы склонить ее, употреблял искания, более настойчивые, чем те, какие требуются от государей. Напоследок она уступила и сделалась его явной любовницей. Он любил ее многие годы постоянно, с нежностью, какую редко можно встретить. В один роковой день он отправился в сопровождении своих министров и иностранных послов осматривать укрепление, построенное им на море; на возвратном пути польский министр по какому-то случаю имел несчастье упасть с подъемного моста и утонуть, несмотря на усилия, употреблен-

ные для его спасения. Император приказал вынуть из карманов утонувшего все бумаги и запечатать их в присутствии всего общества. При обыске карманов выпал портрет, который император поднял,— судите о его удивлении, когда он увидел, что то был портрет его возлюбленной! В порыве страсти он открывает некоторые бумаги и между ними находит письма, писанные ею в самых нежных выражениях к покойному. Тотчас же, оставив общество, он пришел в комнату моей рассказчицы и приказал ей позвать эту даму. Когда она вошла, он замкнул за ними двери и спросил ее, как она могла писать к такому-то? Она заперлась; тогда он показал письма и портрет, и когда рассказал о смерти министра, она залилась слезами. Царь укорял ее в неблагодарности с таким порывом гнева, что моя рассказчица думала, что он убьет виновную; но вдруг он сам залился слезами и сказал, что прощает ее, потому что с горестью сознает, как трудно человеку преодолевать свои страсти. «И,— прибавил он,— хотя вы отплатили мне за мою любовь обманом, я не в состоянии, однако, вас ненавидеть; скорее я должен презирать самого себя за свое малодушие, в котором я виновен; но я был бы слишком достоин презрения, если бы продолжал жить с вами; удалитесь отсюда, пока я могу сдерживать свой гнев в пределах человеколюбия; вы никогда не будете испытывать нужды, но я не хочу вас видеть более». Он всегда был внимателен к ее судьбе; через несколько времени выдал ее замуж за частного человека, служившего в отдаленном крае, и постоянно заботился о том, чтобы они ни в чем не нуждались⁹. Я хочу, чтобы вы прочли этот рассказ господину Б. Если бы он был облечен властью этого монарха, что сделали бы вы? Я желаю предоставить ему самому сделать употребление из рассказа, который я ему передаю. Я остаюсь и проч.

Письмо III

Москва. 4 ноября, 1730 г.

Ваше последнее письмо очень любезно и в то же время очень жестоко. Вы говорите мне много обязательного и сообщаете новости о многих из моих друзей, но запрещаете говорить что-либо о них или сделать какой-нибудь вопрос, требуя, чтобы я отвечала прямо на то, о чем вы спрашиваете. Это очень самовластно, но мне следует повиноваться.

На вопрос ваш, с кем я знакома, отвечать трудно. Я каждый день посещаю лиц высшего круга. У супруги польского министра (Лефорты) бывают каждый вечер собрания; собираются все люди хорошего общества, но, к крайнему моему огорчению, большая часть их сходится для игры, хотя никого к ней не принуждают. Так как я всегда удивляюсь, каким образом это пустое, и в то же время столь опасное развлечение, может привлекать людей рассудительных, то мне и не нужно говорить вам, что я остаюсь зрительницей и размышляю о человеческих слабостях. Несколько дней тому назад я встретила молодую даму, которая не играет; но происходит ли это от той же непонятливости, как и моя, или от того, что ее сердце наполнено нежною страстью,— я не умею определить. Это хорошенькая особа восемнадцати лет, обладающая кротостью, сердечной добротой, благоразумием и приветливостью. Она сестра фаворита, князя Долгорукого. Брат немецкого посланника предмет ее любви. Все уже улажено, и они ожидают только исполнения некоторых формальностей, необходимых в здешней стране, для того, чтобы, как я надеюсь, быть счастливыми. Она, кажется, очень рада быть в замужестве вне своего отечества, оказывает иностранцам много любезности, сильно любит своего жениха и взаимно им любима¹⁰. На эти собрания приходят когда угодно, без всякого приглашения; для тех, ко-

торые желают оставаться, бывает ужин, и я думаю, что беседа была бы там приятна, если бы карты не были известны в России.

На ваш последний вопрос, о религии русских, я могу ответить весьма немного, так как очень мало говорю на местном языке. Религия здесь, как кажется, состоит из внешних обрядов и из множества суеверий. Я присутствовала на одних крестинах и на одной свадьбе. Дитя было троекратно погружено в чан с водой, а восприемники держали каждый по свечке в руке; после того как ребенок был погружен, священник (который, мимоходом сказать, был очень пьян) надел на него рубашку, потом стал заклинать его и восприемников, плюя при конце каждого изречения, чтобы выразить этим торжество над дьяволом. Что касается свадьбы, то выходила замуж одна из моих служанок; предложение было сделано родителям девушки, и когда они его одобрили, то пришли для виду просить моего согласия; получив его, жених прислал невесте подарок, состоявший из гребенки, немного румян и нескольких мушек; тогда он был допущен видеть ее в первый раз; они обменялись кольцами и дали обещание вступить в брак; свадьба была назначена через неделю. С этого времени до дня свадьбы подруги невесты приходили по очереди проводить с нею день и ночь, оплакивая в непрерывных песнях предстоящую им разлуку. Когда настал день свадьбы, они для виду простились с невестой, проливая много слез, а родители жениха пришли за нею и ее приданым, которое состояло из постели, одеяла, стола и изображения святого, ее покровителя. Моя собственная служанка была допущена проводить ее, и на это позволение смотрели как на большую милость, потому что подругам невесты не позволяется участвовать в проводах. Чтобы удовлетворить ваше любопытство насчет остального, я должна вас отослать к Библии, и, чтобы не прерывать вас в таком благом занятии, прощаюсь с вами и остаюсь и проч.

Письмо IV

Москва. 20 декабря, 1730 г.

Не думайте, что вы будете так скоро избавлены от моей докучливости, хотя вы меня и заставили долго томиться после одной строчки, написанной вами. Перемена, происшедшая здесь после моего последнего письма, была изумительна. Молодой монарх, как полагают, по внушению своего фаворита, объявил, что он решился жениться на хорошенькой княжне Долгорукой, о которой я вам говорила в моем последнем письме. Какая жестокая перемена для двух лиц, сердца которых всецело отдались друг другу! Но в этой стране нельзя отказываться. Два дня тому назад при дворе происходило торжественное объявление о предстоящем браке, и император с княжной, как здесь выражаются, были помолвлены. На другой день княжну отвезли в дом одного царедворца, находящийся вблизи дворца, где она должна оставаться до дня свадьбы*. Все лица высшего круга были приглашены и, собравшись, сели на скамейках в большой зале: с одной стороны государственные сановники и знатные русские, с другой — иностранные министры и знатные иностранцы. В глубине залы был поставлен балдахин и под ним два кресла, а перед креслами аналой, на котором лежало Евангелие. Много духовенства стояло с каждой стороны анаоя. Когда все разместились, император вошел в залу и говорил со многими лицами; княжну с матерью и сестрой привезли в императорской карете из помещения, которое ей было отведено; впереди невесты ехал в карете брат ее, обер-камергер (lord high Chamberlain), а за ней следовали много императорских экипажей. Брат проводил княжну до дверей залы, где ее встретил царственный жених и отвел к одному из кресел, а

* Княжне Е. А. Долгорукой и ее семейству были отведены покои в Головинском дворце.

в другое сел сам. Прекрасная жертва (ибо я смотрю на нее как на таковую) была одета в платье из серебряной ткани, плотно обхватывавшее ее стан; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные большим количеством алмазов, падали вниз; маленькая корона была надета на голове; длинный шлейф ее платья не был несен. Княжна имела вид скромный, но задумчивый и лицо бледное. Посидев несколько минут, они встали и подошли к аналою; император, объявив, что берет княжну в супруги, обменялся с нею кольцами и надел на ее правую руку свой портрет, после чего жених и невеста поцеловали Евангелие, а архиепископ Новгородский (Феофан Прокопович) прочел краткую молитву; затем император поклонился княжне. Когда они снова сели, государь назначил кавалеров и дам ко двору своей невесты и изъявил желание, чтобы они тотчас же вступили в исполнение своих обязанностей. Тогда началось целование руки княжны; жених держал ее правую руку в своей, давая ее целовать каждому подходящему, так как все были обязаны исполнить это. Наконец, к великому удивлению всех, подошел несчастный покинутый юноша; до тех пор она сидела с глазами, устремленными вниз, но тут быстро поднялась, вырвала свою руку из рук императора и дала ее поцеловать своему возлюбленному, между тем как тысяча чувств изобразилась на ее лице. Петр покраснел, но толпа присутствовавших приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человека нашли случай удалить его из залы, посадить в сани и увезти поскорее из города. Поступок этот был дерзок, в высшей степени безрассуден и неожидан для нее. Юный государь открыл с княжною бал, который скоро кончился, как я полагаю, к ее великому удовольствию, потому что все ее спокойствие исчезло после легкомысленного поступка, и в глазах были заметны только боязнь и рассеянность. По окончании бала она была снова отвезена в тот же дом, но уже в собственной карете

императора, наверху которой находилась императорская корона. Княжна сидела в ней совершенно одна, сопровождаемая конвоем.

Но вы станете порицать меня за то, что я не набросала вам портрета императора. Он высокого роста и очень полон для своего возраста, так как ему только 15 лет; он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного¹¹. Платье его было светлого цвета, вышитое серебром. На молодую княжну теперь смотрят как на императрицу; я думаю, однако, что если б можно было заглянуть в ее сердце, то оказалось бы, что величие не может облегчить ее страданий от безнадежной любви; в самом деле, только крайнее малодушие в состоянии променять любовь или дружбу на владычество. Не будьте невнимательны ко мне, но вспоминайте, что есть существо, которое и проч.

Письмо V

Москва. Февраль, 1730—1731 г.

Благодарю вас за беспокойство, которое вы испытывали за меня; это очень любезно, и я бы избавила вас от него скорее, если б меня не задержала почта. Настоящее письмо посылаю с нарочным, которого сегодня отправляет министр, не доверяя своему обыкновенному курьеру, хотя, как кажется, дела идут прежней колеей. Когда я вам писала последнее письмо, все (т. е. наш кружок) готовились к торжественной свадьбе, назначенной на 19 января. 6-го числа того же месяца здесь бывает большой праздник и происходит церемония, называемая водосвятием (blessing the wathers), установленная в воспоминание крещения, принятого нашим Спасителем от св. Иоанна. Обычай требует, чтобы государь находился во главе

войск, которые в этом случае выстраиваются на льду. Бедная хорошенькая невеста должна была показаться народу в этот день. Она ехала мимо моего дома, окруженная конвоем и такой пышной свитой, какую только можно себе представить. Она сидела совершенно одна в открытых санях, одетая так же, как в день своего обручения, а император, следуя обычаю страны, стоял позади ее саней. Никогда в жизни я не помню дня более холодного. Я боялась ехать на обед во дворец, куда все были приглашены и собрались, чтобы встретить молодого государя и будущую государыню при их возвращении. Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войск. Тотчас, как они вошли в залу, император стал жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это — следствие холода, но так как он продолжал жаловаться, то послали за доктором, который посоветовал ему лечь в постель, найдя его очень нехорошим. Это обстоятельство расстроило все собрание. Княжна весь день имела задумчивый вид, который не изменился и при этом случае; она простилась со своими знакомыми так же, как и встретила их, т. е. с серьезною приветливостью, если я могу так выразиться. На другой день у императора появилась оспа, а 19-го, день, назначенный для свадьбы, он умер около трех часов утра¹². В эту ночь, как я думаю, все находились на ногах, по крайней мере это было с нами, потому что, зная вечером всю опасность его положения, никто не мог предвидеть последствий его кончины и споров, которые должны были возникнуть в отношении вопроса о престолонаследии. На другой день, около девяти часов, вдовствующая герцогиня Курляндская была объявлена императрицей. Она вторая дочь царя Иоанна, старшего брата Петра I. Царь Иоанн оставил трех дочерей. Первая была замужем за герцогом Мекленбургским, и после того, как герцог был изгнан из своих владений, она вернулась сюда, где и находится теперь со своей единственной дочерью. Другая была

выдана замуж за покойного герцога Курляндского, который после своего брака жил только шесть недель, и она осталась вдовой. Третья еще здесь, не замужем. Так как мужское потомство Петра I пресеклось, то наследие перенесли на женское поколение его старшего брата; причина, по которой обошли старшую сестру, та, что она имела супругом человека беспокойного¹³. Новая императрица находится еще в Курляндии, но ее скоро ожидают сюда. Ваше доброе сердце будет скорбеть о молодой особе, которая была разлучена с тем, кого она любила, а теперь лишена даже той ничтожной награды, какую ей, казалось, сулило величие! Меня уверяют, что она переносит свое несчастье героически и говорит, что оплакивает общую потерю как член государства, но, как частное лицо, радуется этой смерти, избавившей ее от пытки, которую самый жестокий изверг и самая изобретательная кровожадность не могли бы придумать. Она совершенно равнодушна к своей будущей судьбе и думает, что если преодолела свою привязанность, то может спокойно перенести все телесные страдания. Сановник, навещавший ее, рассказал мне о своем разговоре с нею.

Он нашел ее совершенно покинутою всеми, кроме одной только служанки и лакея, который служил ей с детства. Так как он был возмущен увиденной им обстановкой, то она ему сказала... «Наша страна вам мало известна»... и к тому, что я уже вам рассказала, она прибавила, что ее молодость и невинность, а также и известная доброта той, которая наследовала престол, заставляют ее надеяться, что она не будет подвергнута никакому публичному оскорблению, а что бедность в частной жизни для нее ничего не значит, так как ее сердце занято *единственным предметом*, с которым ей будет приятна и уединенная жизнь. Предполагая, что под словом *единственный предмет* могут подразумевать ее первого жениха, она поспешно прибавила, что запретила своему сердцу думать о нем с того мгновения, когда это стало преступным,

но что она имела в виду свою семью, образ действий которой, как она думает, будут порицать, и что она не может преодолеть в себе естественной привязанности, хотя и была принесена в жертву обстоятельствам, которые теперь делаются причиной гибели ее семьи. Вы, суждение которой всегда так справедливо, не нуждаетесь в подобном зрелище, чтобы заставить вас размышлять о ничтожестве всех мирских превратностей, напоминающих нам каждый час нашей жизни, что радости непрочны и мимолетны и что среди всех огорчений нас должна успокаивать мысль, что все на этом свете непродолжительно. Но, говоря в этом тоне, я делаюсь скучной; хорошо, что мне пришли сказать об ожидающем меня посланце; я прибавлю только, что в настоящем нам нечего бояться ни за нашу жизнь, ни за наше имущество, но что в то время, когда мы опасались какой-нибудь беды, мы (по крайней мере я) вели себя с решимостью, большею, нежели вы могли во мне предполагать, зная трусость вашей и проч.

Письмо VI

Москва. 1731 г.

Благодарю вас за вышивки к стульям, которые вы мне прислали; они очень красивы, и я готова их работать. Согласно вашему желанию, буду писать к вам утомительные письма, хотя и удивляюсь, что вы требуете более двух строк, после стольких скучных посланий, которые я уже отправила к вам и которые, как я думаю, похожи на книгу Габриэля Жана, где есть предисловие и дополнение и очень мало сочинения, так что главная часть книги идет в придачу. Вы меня спрашиваете, как я провожу время? Опишу вам подробно один день, потому что изменения случаются очень редко, и вам будет легко отгадать из

настоящего описания все, что случилось с тех пор, как я оставила прежнее общество. Я сделалась совсем простолюдинкой и встаю в шесть часов утра; осмотрев все кругом и отдав приказания прислуге, я завтракаю около восьми часов; после того занимаюсь час с учителем французского языка и затем ухожу в свою комнату, где читаю или работаю до полудня; потом одеваюсь, чтобы обедать в час; после обеда мы болтаем немного, а, встав из-за стола, я снова удаляюсь к себе, чтобы заняться какой-нибудь работой или чтением до шести часов, когда мы отправляемся в экипаже или пешком прогуляться и подышать воздухом до восьми часов; затем мы ужинаем и в десять часов ложимся спать. Таково почти постоянное препровождение дня, за исключением, что иногда вечером, от семи до восьми часов, мы посещаем собрание, о котором я уже вам говорила в одном из моих предшествовавших писем.

Окрестности этого города прекрасны; леса, вода и засеянные поля составляют красивый пейзаж. Так как наши мужчины имеют гораздо более знакомых, чем дамы, то их часто приглашают в гости; в таком случае я выезжаю в экипаже совершенно одна, но в то же время вы бываете моей постоянной спутницей. В одну из этих прогулок мы видели дом, некогда принадлежавший князю Меншикову, но теперь совершенно пустой. Он стоит на прекрасной поляне; один обширный пруд находится впереди, а другой позади его; поляна окружена густым лесом, где совсем нет правильных дорог, но разными, случайно проложенными, тропинками и извилинами неожиданно приходишь на поляну¹⁴. Здесь мы часто выходим из кареты, чтобы погулять, но мне только одно не нравится в этом месте — множество лягушек. Вы воскликните: «Какое жеманство! Бояться бедной лягушки!». Но рассудите, пожалуйста, что мне также невозможно победить мое отвращение к этим животным, как вам к какому-нибудь докучливому любезнику, хотя

в самом деле, я думаю, никто из них не имеет ни малейшего намерения нас обидеть. В окрестностях города множество монастырей; они очень древние, но не имеют ничего красивого. Колокольни и башни некоторых из них позолочены снаружи, что должно было стоить очень дорого; вообще в этих монастырях находятся большие богатства.

Я посетила настоятеля одного из монастырей; он любезно потчевал нас кофе, чаем и сладостями. Под конец ему пришла охота, как он говорил, угостить нас по обычаю своей страны; он приготовил нам стол, уставленный всякого рода горохом, бобами, репой, морковью и т. д., все это было в сыром виде,— а также медом, крепким пивом и водкой. Настоятель скоро сделался очень весел и, казалось, был вообще в отличном расположении духа; таким образом, мы провели там наше послеобеденное время очень приятно. Около трех миль отсюда находится монастырь для благородных женщин (*nunnery for ladies of quality*), где живет вдовствующая царица или императрица, как ее теперь называют, первая супруга Петра I. Тотчас по восшествии на престол своего внука, она покинула монастырь, в котором была долго заточена как узница, чтобы перейти сюда; как вдовствующая государыня, она имеет здесь свой двор. Она и все монахини могут выходить куда угодно, но непременно в монашеском платье¹⁵. Я ожидаю описания приятного местопребывания, где, полагаю, вас застанет мое письмо; сожалею, что мне не удалось увидеть его, хотя я часто бывала приглашаема любезным хозяином, которому прошу передать мой поклон.

Письмо VII

Москва. 1731 г.

Мне кажется, вы нетерпеливо желаете знать историю вдовствующей царицы. О ней говорят различно, смотря по тому, руководствуются ли при этом расположением или расчетом, так что узнать истину очень трудно; однако я думаю, что следующее повествование будет довольно верно. Ее имя Евдокия; она происходит из благородной фамилии Лопухиных. Царь был очень молод, когда женился на ней; он имел от нее сына, который впоследствии был приговорен к смерти и оставил сына и дочь. После нескольких лет супружества император возненавидел ее, побуждаемый ревностью; на основании этих подозрений она, ее ближайшие родственники и многие из придворных были арестованы и, по обычаю страны, допрошены под пыткой; но ни один из них не обвинил ее, хотя им было обещано прощение, если они это сделают. Допросы тянулись несколько месяцев, и в это время около четырнадцати человек ее ближайших родственников были казнены. Один дворянин, которого Петр подозревал более других, подвергался столь жестоким и часто повторяемым пыткам, что, казалось, их не выдержала бы никакая человеческая натура; однако он перенес их с твердостью, настаивая, посреди мучений, на своей и ее невинности. Наконец, царь сам пришел к нему и предложил прощение, если он сознается; но он с презрением сказал, что ему было бы постыдно говорить с ним, если бы он не считал себя обязанным оправдать государыню, которая была самой добродетельной женщиной, какая только может быть в мире; «И,— прибавил он,— если что-нибудь может меня заставить думать, что ты обращаешься с нею злее дьявола (*the more a devil*), то эта мысль, что ты воображаешь, будто я могу быть настолько подлым, чтобы обвинить невинную для

своего спасения; если б даже мое тело должно было подвергаться пыткам во все время, пока ты будешь бичом народа, я лучше с удовольствием перенес бы их, чем освободился бы от них путем такой лжи». После этого он не хотел говорить более. Когда увидели, что из него невозможно вырвать признания, то отрубили ему голову. Между тем царица была заключена в отдаленный монастырь, где ей не позволялось видеться ни с кем, кроме женщины, приносившей ей пищу; она должна была готовить ее себе сама, потому что при ней не находилось даже служанки, которая бы могла исполнять самые черные работы; у нее была только одна келья для себя. Немного раньше того, как царь женился на императрице Екатерине, разнесся слух, что вдовствующая государыня умерла. Так думали до тех пор, пока внук ее вступил на престол; тогда она показала при дворе, но, не желая оставить своего монашеского платья, удалилась в этот монастырь, где, как вдовствующая государыня, имеет свой двор и получает содержание. Какую нищету и какие бедствия испытала эта государыня! Но величайшим ударом для нее должна была быть неожиданная смерть покойного молодого монарха, ее внука, потому что внезапное горе постигло ее в то время, когда она, казалось, преодолела самые страшные лишения. Царствующая императрица оказывает ей большое уважение и часто посещает ее. Она присутствовала на коронации в ложе, нарочно устроенной так, чтобы ее не могли видеть.

После церемонии императрица вошла к ней в ложу, обняла ее, поцеловала и просила ее дружбы, причем обе заплакали. Так как она тайно пришла в церковь перед церемонией, то, по окончании ее, оставалась там некоторое время, пока не приехала ее карета, потому что она не хотела присутствовать на парадном обеде в своей монашеской одежде.

Когда она оставалась в церкви, многие лица изъявили желание приветствовать ее, что им и было до-

зволено. Вам не трудно догадаться, что в числе их находилась и ваша покорнейшая слуга. Так как на мне в этот день был английский костюм (по причинам, о которых не рассказываю, опасаясь наскучить вам), то она, спросив, кто я, пригласила меня подойти, чтобы рассмотреть мой костюм. Она сказала мне, что слышала, будто Англия славится хорошенькими женщинами, и полагает, что это справедливо, потому что наряды англичанок не рассчитаны на то, чтобы выставлять красоту, в особенности же головной убор; что она вообще находит этот костюм довольно удобным и более приличным, чем все, виденное ею до сих пор в этом роде, тем более что он не так много обнажает грудь. Она сказала несколько лестных слов на мой счет и пригласила меня к своему двору. По всему этому вы можете заключить, что она не забыла еще светских приемов и обхождения. Она уже в летах и очень полна; но все же в ней видны остатки красоты. Она держит себя важно; в выражении ее лица видна кротость, а в глазах необыкновенная живость; взгляд ее как будто читает в сердцах тех, кто к ней приближается. Если история царицы трогает вас столько же, сколько тронула меня, то вы будете рады, когда я скажу вам прощайте¹⁶.

Письмо VIII

Москва. 1731 г.

Вы не будете удивляться моему молчанию относительно личности и характера новой императрицы, когда узнаете, что со времени коронации я не видала ее, потому что, хотя балы и маскарады бывают очень часто при дворе и у иностранных министров (которых она удостаивает своим посещением) и, кроме того, при дворе назначены два раза в неделю собрания, но я не была ни на одном из этих празднеств. Бедный В.

очень болен, и мое сердце испытывает самые жестокие мучения,— у меня есть печальные предчувствия относительно исхода его болезни. О, зачем в этом положении у меня нет хотя немного вашей философии! Но, увы, я не владею ни малейшей ее долей, хотя каждую минуту стараюсь вооружить свое сердце, чтобы с твердостью выдержать тот удар, которого я боюсь. Теперь-то именно я вдвойне чувствую отсутствие моих друзей, и особенно ваше, потому что ваша нежность и сила вашего ума были бы мне твердой и надежной поддержкой. Случай доставил мне знакомство с одним господином и его женой, которые оказались столь любезными, что меня не оставляют; больной очень доволен ими; они заменяют меня иногда, когда я сплю, и в настоящую минуту находятся подле него для того, чтобы я легла на несколько часов в постель,— отдых, которым я не пользовалась в продолжение трех прошлых ночей. Но прежде чем предаться этому отдыху, я хочу воспользоваться минутой, чтобы уверить вас, что во всех превратностях моей жизни я буду и проч.

Письмо IX

Москва. 1731 г.

Я вам очень обязана за искреннее расположение, которое вы мне оказываете. Мое здоровье лучше, нежели можно было ожидать; но я ничего не могу сказать вам о состоянии моего духа; ваши чувства настолько выше человеческих слабостей, что вы с трудом допускаете слабость человеческой природы, сотворенной для страстей более тихих. Вы похожи в этом случае на сострадательного мужчину; вы не прибегаете в огорчениях к обыкновенному утешению женщин — слезам, позволяя такую ребяческую глупость слабым сердцам в первую минуту печали; но

и при этом вы требуете, чтобы рассудок, решимость и самоотвержение следовали за первым увлечением. Я буду удивляться вашему образу мыслей, но отчаиваюсь (хотя надеялась прежде) в моей способности следовать вашему примеру. Я обременена теперь множеством дел, и если по этой причине корреспонденция моя делается менее правильною, то надеюсь, что вы извините мне это. Льщу себя удовольствием возвращения в Англию на будущее лето, и тогда, не сомневаюсь, ваши беседы приучат мою душу к покорности и наставят меня, как я должна себя вести, чтобы сохранить название вашей и проч.

Письмо X

Москва. 1731 г.

Я до такой степени послушна вашим приказаниям — думать о вас постоянно, что была даже довольна вашим позволением не отвечать на ваше письмо до тех пор, пока буду слишком обременена делами. Не могу определить, когда они уменьшатся; мне кажется, что они, напротив, увеличиваются все более и более, и я едва имею свободную минуту для того, чтобы поручить вашей дружбе и покровительству подателя этого письма г. X., который не имеет знакомых в нашей стране и не говорит на нашем языке. Он — тот самый друг, который, как я вам сообщала, был, по доброте своей, моим помощником во время болезни г. В. В течение пребывания его в Англии, где он не предполагает прожить долее, чем того потребуют некоторые семейные дела, жена его останется со мною. Он очень добр и веселого характера и поэтому, я думаю, понравится вам. К нему можно обратиться за теми сведениями, какие пожелаете получить о вашей и проч.

Письмо XI

Москва. 1732 г.

Прежде всего я должна поблагодарить вас за любезность, оказанную вами моему другу. Я была уверена, что он понравится вам, и теперь очень рада слышать, что предположение мое оправдалось, хотя он очень дурно отплатил за доставленное мною ему счастье познакомиться с вами, рассказав вам пустую историю некоего господина, которая вас так заинтересовала или, вернее, сделала вас такой строгой. Мне не хотелось бы верить, что вы говорите серьезно, потому что это меня сердит. Вы выражаете надежду скоро поздравить меня, так как вам известно, что этот господин имеет титул, ленту, великолепный экипаж и большое состояние. Вы напрасно так дурно думаете обо мне, воображая, будто все это может иметь для меня какое-нибудь значение, если сердце, этот нежный советник, не помогает выбору лица, который делает мне честь своим предложением; но когда этот нежный посредник противится или молчит, то нужно быть малодушной или иметь слишком ничтожный ум, чтобы позволить очаровать себя тем, что слишком часто бывает только украшением глупца или плута. Я не хочу, чтобы из моих слов было применено что-нибудь к лицу, о котором идет речь. Я полагаю, что оно имеет много заслуг; но я того же самого мнения и о моем дедушке, не думая, однако, выходить за него замуж. На основании всего, мною сказанного, вы можете заключить, что, вероятно, есть что-нибудь существенное в этом деле, если я, по-видимому, столь сильно принимаю его к сердцу. Признаюсь, что это так, и господин даже сделал все глупости, какими большая часть мужчин надеется понравиться нашему полу; в самом деле он взял на себя труд убедить меня в своей привязанности, чего я никогда не ожидала от его соотечественников, потому что они не привыкли

к женщинам, которые ставят это одним из условий брака; женщины, о которых я говорю, не понимают даже значения подобного требования; если они встречают положение и титул, то очень равнодушно пренебрегают остальным. Они недоумевали бы, что вы хотите выразить, говоря, что не желаете выходить замуж за человека, не любя его, так как они не имеют об этом ни малейшего понятия. Некоторые серьезные суждения, слышанные мною, удостоверяют меня, что и наша страна производит людей, которые думают точно так же, а пустым говорунам, за исключением богатства, все прочие соображения кажутся только романтизмом.

Я не могу утерпеть, чтобы не рассказать одну историю, которая даст вам понятие о щекотливости красавцев и красавиц здешнего северного царства; хотя ваша щепетильность (извините, ваше благоразумие) пугает меня, тем не менее я не могу удержаться, и так как сейчас начну, то вам остается только употребить в дело ваш веер. Здесь есть знатный молодой человек, который совершил путешествие во Францию и т. д. По своем возвращении, он находился в обществе трех или четырех хорошеньких женщин у одного своего приятеля, где пел, танцевал, смеялся, заигрывал с дамами и вел себя по парижской моде, как он уверял общество, удивленное его поступками. Затем он стал хвастаться любовью и страстью, которые внушил каждой из них; это было столько раз повторяемо в разных обществах, что, наконец, дошло до ушей супругов (ибо это были замужние женщины). Мужья некоторое время смотрели пасмурно и ничего не говорили; но наконец, со злобою, прямо объяснили причину дурного расположения своего духа. Дамы согласились свести молодого человека на очную ставку со своими мужьями и порешили, что одна из них пригласит его к себе ужинать, не объявляя, кто будут другие гости. На крыльях любви прилетел он на свидание и был принят с большою радостью; посреди его

восторгов красавица стала выговаривать ему за речи, которые он говорил. Он запирался; в это время вошли остальные дамы со своими мужьями; виновность его была доказана и затем решено, что он действовал недобросовестно. Мужья произнесли свой приговор, которым присудили его быть высеченным дамами; некоторые говорят, что дамы исполнили приговор в точности, другие — что они приказали сделать это своим служанкам. Как бы то ни было, виновный был высечен так жестоко, что пролежал несколько дней в постели; но были ли дамы действительно исполнительницами или только зрительницами, это еще сомнительно. Судите по такому примеру о любовных похождениях в этой холодной стране. Прощайте.

Письмо XII

Москва. 1732 г.

Г. Х. в таком восторге от вас, что только и говорит о вас одной. Его жена объявила мне, что будет наконец ревновать; итак, берегитесь! Вы слышали, какое наказание употребляют в здешней стране в подобных случаях. Хотя мне кажется, что она думает об этом столько же, сколько мы с вами о его поездке, но кто знает, какие могут быть последствия однажды поданного примера? А так как она предполагает ехать в Англию, то я вас прошу еще раз поостеречься. Вы в самом деле ожидаете ответа на сделанный мне вами вопрос? Как бы то ни было, я отвечу вам с тою искренностью, на какую только способна; я еще не решилась и не могу ничего сказать о будущем. Лицо это, насколько я могла узнать его характер, живя в одном с ним доме, имеет достоинства, ум, природную доброту и много ровности. Он очень уважаем мужчинами, хотя обстоятельство это и не может иметь влияния на мой выбор. Не знаю, поступлю ли я так,

как обыкновенно поступают все женщины, но признаюсь, что чувствую к нему большое уважение и почтение. Предоставляю вам вывести заключение о том, какие будут последствия, а сама я, повторяю, еще не решилась ни на что.

Говорят, что двор предполагает отправиться в Петербург. Если эта поездка состоится, то мои дела принудят меня также ехать туда. Вы очень любопытны, но чтобы удовлетворить вас, я могу сказать лишь очень немногое, потому что с тех пор, как нахожусь в моем настоящем положении, я не посещаю никаких общественных мест. Все семейство Долгоруких, в том числе и бедная царская невеста, сосланы в то самое место, где находятся дети князя Меншикова. Таким образом, обе женщины, которые одна после другой были помолвлены за молодого царя, могут встретиться в изгнании¹⁷. Это событие, мне кажется, может послужить хорошим сюжетом для трагедии. Говорят, что дети Меншикова возвращаются и будут доставлены той же стражей, которая препроводит в ссылку Долгоруких. Если эта новость справедлива, то поступок будет великодушен, потому что их отец был неумолимым врагом настоящей царицы, с которой он обращался, и на словах и на деле, очень оскорбительно¹⁸. Вас, может быть, удивляет ссылка женщин и детей; но здесь, когда глава семейства впадает в немилость, то все его семейство подвергается преследованию, а имение отбирается. Если в обществе не встречают более тех, кого привыкли там видеть, то никто о них не осведомляется и только иногда говорят, что они разорились. Если же они впали в немилость, то о них не говорят вовсе. Когда же, по счастью, им возвращают благосклонность, то их ласкают по-прежнему, не упоминая о прошлом. Но я повторяю то, что вы должны были слышать тысячу раз, и все, что я могу сказать об этой империи, без сомнения, уже было сообщено вам гораздо удовлетворительнее; но вы, повторяемыми приказаниями,

обязываете меня надоедать вам мелкими заметками, которые заставляют меня краснеть. Поручаю себя вашей дружбе и надеюсь, что вы будете забавляться мелкими безделками одни и не станете никому их показывать или читать, не желая по крайней мере выставлять вашей и проч.

Письмо XIII

Москва. 1733 г.

Вы не должны удивляться тому, что я переменяла фамилию, так как вы, кажется, были уверены, чем должна была кончиться та нерешительность, в которой я находилась, когда писала к вам мое последнее письмо. Надеюсь, вы доставите мне удовольствие вашим скорым ответом. Я очень занята церемонией визитов, моим первым представлением ко двору и приготовлениями к поездке в Петербург, которую по нашему расчету мы предпримем через десять дней. Г. Х. и его жена будут нам сопутствовать; это по крайней мере сделает наше путешествие более сносным, потому что, по случаю путешествия двора, мы не можем иметь почтовых лошадей и должны будем проводить ночи в тех жалких лачугах, которые я описывала вам в одном из предшествовавших моих писем; нам придется пробыть в дороге двенадцать дней. Гости прерывают меня, и я должна проститься с вами.

Письмо XIV

Петербург. 1733 г.

Портрет нового моего господина и наставника (как вам угодно называть его), который вы нарисовали в вашем воображении, имеет много сходства. Так как

вы думаете, что я сильно предалась нежной страсти, то не должны были бы требовать от меня описания общественных увеселений и всего того, что произошло по прибытии сюда ее величества. Одним словом, вы отличаетесь любопытством нашей прародительницы Евы, не подвергаясь соединенным с ним наказаниям, тогда как я не могу долее скрывать испытываемых мною страданий; об этом было сообщено вам несколько времени тому назад г. X., как он говорил мне сам. Но чтобы исполнить ваше приказание, расскажу вам, что ее величество за две мили от города была встречена членами судебных мест (of the courts of justice), сухопутными и морскими офицерами, иностранными негоциантами, чинами академии и иностранными министрами. Она проехала через пять триумфальных арок, построенных по этому случаю, затем посетила церковь и, после краткой молитвы, села в карету и с тою же торжественностью вступила во дворец, где ей было сказано несколько речей, заключающих в себе поздравления с ее прибытием. Когда это кончилось, она пошла обедать с первыми чинами своего двора, иностранными министрами и их женами; всего за обедом сидело до 80 особ. В других залах были накрыты столы для прочих приглашенных лиц, а вечером был бал¹⁹.

Я имела теперь довольно времени для того, чтобы наблюдать двор. Начну с главы его, т. е. с царицы. Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движения ее свободны и ловки. Она смугла, волосы ее черны, а глаза темно-голубые; во взгляде ее есть что-то царственное, поражающее с первого разу. Когда же она говорит, то на губах ее является невыразимо приятная улыбка. Она много разговаривает со всеми и в обращении так приветлива, что кажется, будто говоришь с равной себе; однако же она ни на минуту не теряет достоинства государыни. Она, по-видимому, очень кротка, и если

бы была частным лицом, то, как я думаю, считалась бы чрезвычайно приятной женщиной*.

Ее сестра, герцогиня Мекленбургская, красива лицом, краснощека, глаза и волосы у нее черные, но она мала ростом, полна и вообще дурно сложена. Она веселого нрава, и в ней много насмешливости²⁰. Обе они говорят только по-русски, но понимают и по-немецки, когда другие говорят на этом языке. Их незамужняя сестра умерла до выезда двора из Москвы; когда я ее видела, она была очень больна, но все-таки еще красива²¹.

Дочь герцогини Мекленбургской взята императрицей вместо родной дочери; ее зовут теперь принцессой Анной; она девушка посредственной наружности, очень робка от природы, и нельзя еще сказать, что из нее будет²². Ее гувернантка прекрасна во всех отношениях — лучшую, мне кажется, трудно найти**.

Принцесса Елизавета, которая, как вам известно, дочь Петра I, красавица. Она очень бела; у нее не слишком темные волосы, большие и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она расположена к полноте, но очень мила и танцует так хорошо, как я еще никогда не видывала. Она говорит по-французски, по-немецки, по-итальянски, чрезвычайно веселого характера, вообще разговаривает и обходится со всеми вежливо, но ненавидит придворные церемонии²³.

Граф Бирон и его жена — первые любимцы ее величества, и на них смотрят как на лиц, которые пользуются неограниченной властью. Он обер-камергер и представителен собою, но взгляд у него отталкивающий. Я думаю, однако, что взгляд его не соответствует характеру, как это было у бедного г. В., потому что обхождение его очень просто. Графиня невысокого роста, но так испорчена оспою, что кажется

* См. примеч. 27.

** См. письмо XXXIII и примеч. 29 и 48.

узорчатою; у нее прекрасный бюст, какого я никогда не видела ни у одной женщины*.

Герцогиня Мекленбургская и принцесса Елизавета имеют каждая свой особый двор, живут в отдельных домах и не делают приемов, но очень часто бывают у царицы²⁴. Чтоб посетить их, нужно прежде послать узнать, когда можно быть принятым. В день своего рождения и т. п. они принимают у себя утром, а вечером являются ко двору. Принцесса Анна живет во дворце императрицы на правах ее дочери. У царицы приемы похожи на частные собрания; придворный круг составляет на какие-нибудь полчаса. После того государыня и принцессы садятся играть в карты; их примеру следуют также лица, которые остаются и любят игру. Но вы, как я думаю, желали бы, чтобы и я была приглашена играть и сказала бы вам: прощайте.

Письмо XV

Петербург. 1733 г.

Я, наконец, могу сообщить вам несколько известий моею собственною рукою, хотя я так бледна и худа, что вы, увидев, не узнали бы меня, тем более что я, как сообщал вам несколько времени тому назад г. X., стала чопорною. Я по природе так была далека от этого, что только теперь начала брать первые уроки по этой части; я не усвоила еще ни движений головою, ни значительной улыбки при обращении с молодыми людьми, ни важных пожатий плечами при виде легкомыслия кокеток, ни многого другого, чего требует чопорность; но время творит чудеса, и я успешно упражняюсь в таких речах, как например: «Да, она хороша и умна; говорят, что она очень насмешлива, но я не думаю, чтобы она была влюблена в г. N...».

* См. примеч. 37 и 38.

Относительно другой я говорю: «Свет очень зол; быть может, она не думает делать зла, но молодые люди должны быть настороже, хотя мужчины и уверяют, что она всегда поступает хорошо!.. Я желаю ей всего хорошего, и такое желание не имеет никакого особого смысла». Передавая вам все это, я не опасаясь моего к вам доверия, потому что погибну, если вы меня выдадите. Я рассчитываю всего более на вашу скромность, но все-таки остаюсь при известном вам моем мнении, что следует бояться пересудов со стороны женщин, так как нельзя не сознаться, что мы непримиримо враждуем между собою. Мужчины поступают с нами снисходительнее, не так, как мы одна с другой. Извините меня, что я объяснилась с вами свободнее, нежели с другими женщинами. Я прошу вас об этом, так как мне не остается ничего более.

Мне очень хочется рассказать вам, почему именно я сделалась чопорною. При этом следует, однако, заметить, что рассказ мой должен остаться между нами; если бы я не доверяла вашей деликатности, которая служит лучшею охраною тайны, то не решилась бы рассказать вам об этом. Во время нашей поездки в Москву г-жа Х. и я, пробыв несколько дней в дороге, пожелали переменить белье. Остановившись в одной лачуге, мы нашли там только женщин и попросили наших спутников немного прогуляться, пока мы переменяем белье. Когда они ушли, я надела чистую рубашку, но г-жа Х..., намеревавшаяся сделать то же самое, взглянула наверх и увидела русского, спавшего на печке (что они часто делают в зимнее время). Она вскрикнула, и на крик ее вбежали в комнату наши мужья, думая, что нас оскорбили. Они очень смеялись, узнав, что были выпровождены от нас, тогда как кроткий пастушок (как они называли спящего) присутствовал при нашем туалете, так что я, задетая за живое их насмешками, приняла серьезный вид. С этого времени меня прозвали чопорной, и я по временам делаюсь такою, чтобы сдерживать ве-

селость, свойственную его землякам*. Мне кажется, будто вы спрашиваете, — а что же русский, точно ли он спал? Говоря по правде, я думаю, что это было так; по крайней мере он имел самый бессмысленный вид. Письмо это заключает в себе болтовню женщины, только что разрешившейся от бремени; хотя я и родила три месяца тому назад, но не выходила еще ни разу из моей комнаты. Так как теперь я чувствую себя бодрее, то и надеюсь, что скоро силы мои восстановятся окончательно. Тем не менее, говоря между нами, так как я рожала в первый раз, то очень боюсь, чтобы это не повторилось. На другой день после моих родов один русский дворянин посетил г. Рондо и настойчиво желал видеть меня. Он был допущен на одну минуту в мою комнату, поздравил меня и подарил мне червонец. Он считал это своим неперемным долгом, потому что, в противном случае, как думают русские, должны непременно умереть или мать, или дитя. Это очень забавляло бы меня, если бы в то время я не была скорее мертвою, чем живою. Но я чувствую усталость и потому прощаюсь с вами.

Письмо XVI

Москва. 1733 г.

Сажусь теперь, чтобы сообщить вам несколько странных новостей о турках, татарах и китайцах, потому что сюда прибыли послы от этих народов²⁵. Турецкий посланник говорит по-французски и делает визиты всем министрам, на что ему не дано, однако ж, разрешения. Он, впрочем, говорит, что ему неизвестно, останется ли он здесь, так как это будет зависеть от того, как станут поступать с русским министром в Константинополе. Не так давно он

* Т. е. веселость Рондо, который по происхождению был француз.

обедал у нас и пил вино после того, как удалились его слуги. Когда один из гостей предложил тост за здоровье одной знаменитой парижской красавицы, то он сказал: «От всего сердца, потому что она из числа моих лучших друзей». Он красивый мужчина, живет на широкую ногу и прислуга его очень хорошо одета; в разговоре его слышатся остроты бойкого француза. Наружность татар весьма странная: у них почти совсем плоские лица, и чем плосче лицо, тем оно считается красивее. Один из их князей находится здесь с женою и детьми и отдается под защиту ее величества, чтобы оградить себя от притеснений некоторых своих соседей. Татары—магометане и, как кажется, чрезвычайно ревностные. Они едят лошадиное мясо, и я сама видела, как к ним в дом вели трех лошадей для их продовольствия. Что касается наружности китайцев, то они очень похожи на тех, какими их рисуют. В день их аудиенции, происходившей утром, при дворе был бал. Когда их ввели в бальную залу с переводчиком, то они смотрели на все скорее как любопытные, а не невежественные люди. Ее величество спросила старшего из них (их было трое), которую из присутствующих дам он считает самою красивою? Он отвечал, что в звездную ночь трудно сказать, которая самая блестящая из звезд. Но, видя, что императрица ожидает от него более определенного ответа, он, поклонившись принцессе Елизавете, добавил, что среди такого множества красивых дам считает ее самою красивою и что если бы у нее были не такие большие глаза, то никто не остался бы в живых, увидев ее. Таким образом, во всякой стране есть свои понятия о красоте, между тем, как по нашему понятию, у принцессы Елизаветы необыкновенно прекрасные глаза. Ее величество спросила его, что кажется ему самым удивительным из всего, что он здесь видит, и чем отличается эта страна от его родины? Он отвечал, что всего удивительнее видеть на престоле женщину. Спустя некоторое время они были приглашены в при-

дворный маскарад, и когда их спросили, не кажется ли им странным увеселение такого рода, то они отвечали, что нет, потому что для них здесь все маскарад. Их подвели к иностранным министрам, объясняя, кто из них какой нации. Подойдя к г. Рондо, они сказали, что знают англичан, потому что их много в Китае, и называли его братом. Не так давно, когда я прогуливалась с мужем в Летнем дворцовом саду, они приехали его осматривать. Встретясь с г. Рондо, они начали обнимать его, и один из них, открыв маленький мешочек, привешенный у него к поясу, дал мне кусок чего-то черного, похожего на японскую землю; оказалось, что это была эссенция чая. Они говорили, что англичане были бы благоразумнее, если бы не позволяли женщинам выходить и пользоваться свободой, но что они очень рады видеть меня, так как до сих пор никогда не видели англичанки; они прибавили, что считают меня очень отважной, если я решилась так далеко ехать с мужем. Персидского посланника ожидают здесь через несколько дней. Если бы я могла усвоить себе манеры всех этих различных народов, то показалась бы вам весьма странною, когда мы имели бы удовольствие сойтись вместе. Но никто не удивил меня столько, как польский посланник. Приехав к нам с первым визитом, он кинулся ко мне так стремительно, что я вообразила, что он хочет меня поцеловать. Движение его было до такой степени сильно, что, казалось, он вышибет мне зубы. Затем, вдруг остановившись, он нагнулся ко мне так низко, что я обеими руками схватилась за юбку; мы оба очень смутились, а когда г. Рондо выдал меня, то это вызвало общий смех²⁶.

Я очень желала бы чем-нибудь возбудить в вас любопытство до такой степени, чтобы вы захотели приехать сюда, хотя на один месяц, но в вас более страха, нежели любопытства, и потому мне остается только уверить вас и проч.

Письмо XVII

Петербург. 1734 г.

Благодарю вас за присланные узоры; они сделаны очень хорошо, и я совершенно поняла то направление, в котором должны быть сделаны тени для того, чтобы столбы казались с желобками. Представляю себе ваше удивление, когда вы узнали, что я предпринимаю такую работу; хотя я очень люблю рукодельничать (это для меня счастье, потому что я тогда избавляюсь от одиночества), но мне самой не нужно такого огромного узора; он предназначался для графини Бирон, которая может употребить для работы много рук. Она большая любительница вышиванья и, узнав, что у меня есть несколько вышивок моей собственной работы, пожелала их видеть и пригласила меня к себе работать два или три раза в неделю. Я приняла это приглашение с удовольствием по двум причинам: во-первых, г. Рондо, занимая настоящий пост, может извлечь из этого выгоды, и, во-вторых, мне представляется случай видеть царицу в такой обстановке, в какой иначе ее никак нельзя было бы видеть, потому что она постоянно проходит через ту комнату, в которой мы занимаемся рукодельем. Так как комнаты ее смежны с комнатами графини, то она после обеда много раз приходит к нам, не обращая внимания на то, встаем ли мы перед нею или нет. Иногда она садится за пяльцы, работает вместе с нами и много спрашивает меня об Англии, и в особенности обо всем, что касается королевы. По ее словам, она так желает видеть королеву, что охотно сделала бы полдороги навстречу ей. По-видимому, она довольна, когда я стараюсь говорить с ней по-русски, и так милостива, что учит меня, когда я выражаюсь худо или затрудняюсь в разговоре. Это случается очень часто, потому что я говорю по-русски

плохо, хотя и понимаю, что говорят другие; мне очень приятно видеть столько добродушия в особе, имеющей такую неограниченную власть. Во время ее присутствия у графини Бирон бывают обыкновенно пять или шесть дам и один или два придворных кавалера, которые ведут самый обыкновенный разговор. Иногда императрица принимает в нем участие как равная, сохраняя, однако, свое достоинство, но таким образом, что при этом не чувствуется никакого стеснения. Я несколько раз видела, как печальные рассказы вызывали на ее глазах слезы; она обнаруживает врожденный страх ко всему, что имеет оттенок жестокости; сердце ее одарено такими хорошими качествами, каких мне никогда не удавалось видеть у кого бы то ни было, и это — принимая в соображение ту власть, которая ей принадлежит, — кажется особенным знаменем божественной благости. Если бы я говорила о ней как о частном лице, то сказала бы, что у нее больше рассудка, нежели ума; она бывает иногда насмешлива в немногих словах, но насмешливость ее всегда умна и умеряется такой добротой, что никого не оскорбляет. В ней много отваги и нет вовсе притворства; она презирает всякие опасности, действительные и мнимые. У нее прекрасный голос и говорит она очень явственно. Меня часто удивляло любопытство, с которым многие желают знать характер государей, потому что он имеет значение только для их подданных; вообще действия царствующих особ нельзя приравнять к действиям частных людей, и если поступки их в обыденной жизни бывают когда-нибудь блестящи, то остаются неизвестными для такого огромного числа людей, что могут оказывать лишь весьма слабое влияние; однако же мы все обладаем любопытством такого рода²⁷.

Быть может, в скором времени я буду иметь случай сообщить вам историю другой страны и самые разнообразные новости. Не тревожьтесь, если получите мое письмо из армии. Я не настолько спокойна,

чтобы могла дать вам объяснения по этому поводу, но мой брат исполнит это вместо меня; будьте уверены, что во всяком случае я остаюсь и проч.

Письмо XVIII

Петербург. 1734 г.

Я твердо убеждена, что сердце ваше создано для дружбы и имеет все необходимые для этого качества; но вместе с тем уверена и в том, что оно не сотворено для любви, иначе вы не удивились бы моей решимости следовать за г. Рондо в армию, если он будет принужден отправиться туда*. Я предвижу все неудобства, которые ваша дружба ко мне представляет в самых мрачных красках; так как я не имею вашей твердости духа, то мое живое воображение увеличивает вдвое ожидаемые опасности и страх; впрочем, как замужняя женщина, я нахожусь в таком состоянии, какое вы только можете предполагать. Но если бы даже я была вполне уверена, что мне представятся те ужасные зрелища, которые рисуют ваша дружба и мой страх, то и тогда я не затруднилась бы несколько разделить с моим мужем все опасности, если бы он должен был подвергаться им; хотя он по своей любви ко мне и не стал бы от меня требовать этого, тем не менее уверенность моя, что присутствие мое будет ему приятно, заставила бы меня решиться на все, за исключением уступки на ту его просьбу, на которой может настаивать только его нежность. Итак, я решилась. Оставляя разговор об этом предмете до времени его исполнения, поведу теперь речь, более подходящую к нашим беседам.

* Т. е. в русскую армию, двинутую в это время в Польшу; см. примеч. 28.

Несколько дней тому назад мы отпраздновали одну из годовщин*; хотя такое празднование бывает ежегодно, однако ж оно доставило нам более удовольствия, чем обыкновенно случается при подобных торжествах. Оно происходило во вновь построенной зале, которая гораздо обширнее, нежели зала св. Георга в Виндзоре. В этот день было очень холодно, но печки достаточно поддерживали тепло. Зала была украшена померанцовыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовали с каждой стороны аллею, между тем как среди залы оставалось довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи доставляли гостям возможность часто отдыхать, потому что укрывали садившихся от взоров государыни. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роце — тогда как из окон были видны только лед и снег — казались чем-то волшебным и наполняли мою душу приятными мечтами. В смежных комнатах гостям подавали чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы; аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в праздничных платьях, взамен костюмов аркадских пастушков и нимф. Все это заставляло меня думать, что я нахожусь в стране фей, и в моих мыслях, в течение целого вечера, был «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Какие поэтические думы возбудило бы в вас это зрелище! Но у вас такой поэтический талант, что в описаниях нечего и думать равняться с вами.

В настоящее время мы купили сельский домик, приводящий меня в большое восхищение, потому что в нем мы свободны от стеснений, неизбежно сопровождающих пребывание в обществе и при дворе, и избавлены от посещения гостей, чего не можем никак избежать в городе. Здесь живет одно английское семейство, с которым г. Рондо дружески сошелся; оно состоит из двух братьев, умная беседа которых была

* Вероятно, восшествие на престол императрицы.

бы находкой даже в Англии. Они часто навещают нас в нашем уединении. Дом наш деревянный; в нем есть маленькая зала с двумя приемными с одной стороны и кухней со службами с другой, четыре спальни и, кроме того, кабинет наверху. Дом расположен на возвышении, со спуском, покрытым травой и прилегающим к прекрасному лугу, омываемому морем. Здесь не видно ни искусства, ни отделки, потому что суровость климата сделала бы смешными какие-либо затраты на это. Насколько просты окрестности дома, настолько незатейлива и его внутренность: посуда фаянсовая, убранство постелей из белого коленкора, стулья русского изделия; с этим сообразно и все остальное. Передняя наша наполнена книгами и ландкартами, которые вместе с моими пальцами составляют единственное отличие нашего дома от фермы. Мы здесь проводим три дня в неделю. Г. Рондо читает вслух в то время, когда я занимаюсь рукодельем; наши коровы, бараны и домашние птицы приручены до такой степени, что пасутся под нашими окнами. Если бы подобное убежище было вблизи вас и я могла бы наслаждаться беседой моей подруги так же, как наслаждаюсь теперь беседой двух друзей, то как презирала бы я всякое величие! Но пока это осуществится, я нахожу в г. Рондо доверчивую дружбу и нежную любовь, и до тех пор, пока небо сохранит мне этого друга, я буду счастлива, при всех превратностях судьбы, и останусь с истинным уважением вашею и проч.

Письмо XIX

Петербург 1734 г.

Знаю, что вы радуетесь тому, что я не надену ранец и не буду следовать за армией. Вы, по-видимому, полагаете, что это должно было придать моему уму

необыкновенную живость, потому что иначе не потребовали вы от меня подробного описания увеселений по случаю взятия Данцига, — увеселений, которые уже забыты, так как теперь холодно, а тогда было очень жарко, вследствие чего и празднество происходило в Летнем саду²⁸. На дамах были корсажи из белой ткани с серебряными цветами и вышитые юбки разных цветов, по вкусу каждой. Я очень смеялась, когда один господин, говоря мне об одной даме и не зная, как ее назвать, сказал: «*Вот та, в красной юбке*». Их прически были из собственных волос, завитых в большие локоны и убранных гирляндами цветов. Императрица с императорской фамилией обедала в гроте, против длинной аллеи, в конце которой был фонтан, а с каждой стороны возвышались шпалеры из голландских вязов. Стол занимал всю длину аллеи, соединяясь одним концом со столом императрицы, стоявшем в гроте; над этим длинным столом был устроен шатер из зеленой шелковой материи, поддерживаемый витыми колоннами, украшенными гирляндами из живых цветов; между этими колоннами, в углублениях шпалер, вдоль стола, были помещены буфеты, уставленные столовою посудой и фарфором. Дамы доставались кавалерам по жребию, и каждый из них сидел рядом со своей дамой. Приглашенных было триста персон. Для каждой перемены требовалось шестьсот блюд (600 disbe in a coïmes), а перемен было две и потом десерт. После обеда общество разделилось на группы и забавлялось в саду до вечерней прохлады; тогда сад иллюминировали очень красиво, и бал открылся в том же шатре, где мы обедали. Музыканты были помещены за высокой шпалерой. Все это вместе походило на пир какой-то местной богини. Когда бал начался, то ввели французских офицеров, взятых в плен под Данцигом. Признаюсь, я находила такое обращение с ними жестоким, и приблизилась, чтобы рассмотреть их в таком щекотливом положении. Начальник их, граф де ла Мотт, красивый мужчина

около пятидесяти лет; вся фигура его выражала бодрость и мужество. Он имел вид человека, который в душе чувствует злобу, но презирает оскорбления. После того как каждый из пленных поцеловал руку императрицы, она обратилась к графу де ла Мотту и сказала ему, что, быть может, он удивляется выбору подобной минуты для представления ее величеству, но так как французы очень дурно поступали с пленными, имевшими несчастье попасть к ним в руки, то она, вместо мщения за них, довольствуется лишь этим оскорблением и, зная французов за людей весьма вежливых, надеется, что любезность присутствующих здесь дам изгладит отчасти нанесенное им оскорбление. Затем она подозвала нескольких дам, умевших говорить по-французски, и просила их постараться заставить этих господ забыть, по крайней мере в продолжение вечера, что они пленные. Вместе с тем она приказала возвратить им шпаги на честное слово. Так как я из любопытства стояла около царицы, то она обратилась ко мне первой, и я должна была заговорить с ближайшим из офицеров, который, следуя любезности своей страны, поклонился императрице и сказал, что она нашла случай победить их два раза, ибо он надеется, что граф Миних отдаст им справедливость, сознавшись в том, что они, несмотря на его храбрость, сдались ему неохотно; в настоящее же время сердца их с удовольствием покоряются таким прекрасным победительницам. Так как я чувствовала себя еще не совсем здоровою, то считала за счастье, что лета моего кавалера не позволяли ему танцевать; мы провели вечер в беседе, причем он выказал ум, вежливость и много живости; но вместе с тем речь его сильно изобиловала риторическими выражениями, столь свойственными его нации, в особенности в разговорах с женщинами. Он очень удивлялся великолепию и учтивости русского двора. В самом деле, с ними обращаются очень вежливо; придворные кареты отданы в их распоряжение,

и им показывают все, что обыкновенно показывает-ся иностранцам. Я позволила ему прийти к нам обе-дать в сопровождении стольких товарищей, сколько он найдет удобным. Он привел с собою четырех из двенадцати, находящихся в городе. Но, я думаю, вы будете очень рады, когда, оставив этих французов, я по-английски скажу вам — прощайте.

Письмо XX

Петербург. 1735 г.

Вы своим пытливым умом не даете мне отдыха. Не досадно ли, однако, что мне, в свою очередь, не позволяют делать вопросов? Если бы вам сказали, что я была допущена на аудиенцию к турецкому султану, то и тогда, я думаю, вы ожидали бы от меня расска-за обо всем, происходившем там. Вам говорят, что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она ино-гда делает мне честь своим посещением, и вы тотчас же восклицаете: умна ли она? Есть ли в ней велико-душие? Как она отзывается о той, которая занима-ет престол? Вам кажется, что легко отвечать на все эти вопросы, но у меня нет вашей проницательности. Принцесса делает мне честь, принимая мои частые визиты, и иногда даже посылает за мной; говоря от-кровенно, я ее уважаю и сердце мое чувствует к ней привязанность; со своей же стороны она смотрит на мои посещения как на удовольствие, а не как на це-ремонию. Своим приветливым и кротким обращением она нечувствительно внушает к себе любовь и уваже-ние. В обществе она выказывает непритворную весе-лость и некоторый род насмешливости, которая, по-видимому, занимает весь ум ее; но в частной жизни она говорит так умно и рассуждает так основательно, что все прочее в ее поведении есть, без сомнения, не что иное, как притворство. Она, однако, кажет-

ся искреннею; я говорю *кажется*, потому что никто не может читать в ее сердце. Одним словом, она — милое создание, и хотя я нахожу, что в настоящее время престол занят достойною особою, но нельзя не желать, чтобы впоследствии он перешел к ней.

Принцесса Анна, на которую смотрят как на наследную принцессу, теперь уже находится в таком возрасте, что могла заявить себя чем-нибудь, тем более что ее воспитывают с такой заботою; но в ней нет ни красоты, ни грации, и ум ее не выказал еще ни одного блестящего качества. Она держит себя очень степенно, говорит мало и никогда не смеется, что мне кажется неестественным в такой молодой особе и происходит, по моему мнению, скорее от тупости, нежели от рассудительности. Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству меня могут повесить; поэтому-то, не желая рисковать, я не отправляю настоящего письма обыкновенным курьером²⁹.

Несколько дней тому назад я познакомилась с одной шведкой, которая была в плену у татар, прожила между ними восемнадцать лет и недавно вернулась оттуда. Вот ее история в том виде, в каком она сама мне ее рассказала. Она жена шведского капитана и, взятая в плен вместе с мужем русскими, была отправлена с многими другими в Сибирь. Дорогою на них напали калмыцкие татары; пленные соединились со стражей, чтобы избежать вторичного плена. В этом нападении ее муж был убит, а те, которые остались в живых, попались в плен; победители разделили между собой и добычу и пленников. Она и один русский, говорящий по-калмыцки, были уведены двумя татарами; одному из них она так понравилась, что он влюбился в нее и воспользовался русским как переводчиком. После напрасных стараний склонить ее кротостью он употребил силу; защищаясь, она зубами вырвала у него из груди кусок мяса; он хотел

убить ее за это, но был удержан товарищем. Через несколько дней они пришли к палатке их хана, или короля; татары, узнав о приключении своего товарища с пленной женщиной, стали смеяться над ним. Хан велел позвать женщину и русского переводчика и спросил ее, почему она отказала в благосклонности своему обожателю? Получив ответ, он казался удивленным тонкостью ее чувств при выборе любовника и сказал: «Если это обычай вашей страны, то я никому не позволю принуждать или оскорблять вас»; с этими словами он передал ее на попечение одной из своих жен, потому что у него их было две. Ханша спросила у нее, умеет ли она что-нибудь работать, и когда дама показала сделанный ею кошелек, то ханша, выразив свое удовольствие, заставила ее вязать и обходилась с нею с большою добротой. Ее снабдили разными съестными припасами и с любопытством смотрели, как она их приготавливала, потому что сами они питаются только сырым мясом. Судьба привела пленником в то же самое место ее земляка. Он обучил татар многим полезным ремеслам и между прочим литью пушек. Так как они воевали тогда с Китаем, то извлекли из этого столь значительную пользу, что по его просьбе возвратили свободу ему и даме. Эти два лица обвенчались и теперь готовятся уехать в Швецию. При вашей любви к новизне, не вздумаете ли вы отправиться к этому хану, который мне кажется любезным. Предоставляя вам размышлять об этом, остаюсь вашею и проч.

Письмо XXI

Петербург. 1735 г.

Посылаю вам книгу, содержащую в себе историю различных татарских народов; она удовлетворит ваше любопытство лучше, нежели я могла бы сделать

это письменно, потому что я почти ничего не знаю о них и, притом, даже не читала этой книги. В одном из моих предшествовавших писем я сообщала вам об одном татарском князе, приехавшем сюда искать покровительства; он и его семейство были обращены в христианскую религию и крещены публично. Так как я описывала вам русские крестины, то вы найдете очень странным, что они совершались при публике; но усердие и суеверие ведут людей далеко, и я не заметила, чтобы кто-нибудь из обращаемых (между которыми находились две женщины) или из зрителей был этим смущен; мне даже показалось, что на меня смотрели как на чопорную и мало набожную особу, потому что я удалилась во время церемонии; но я не могла запретить себе думать, что в таком многочисленном собрании дамам следовало бы иметь, кроме религиозного усердия, еще вуали.

Чтобы мне не делали упреков, зачем я говорю только о том, о чем меня спрашивают прямо, сообщу вам рассказ о русском погребении. Единственные похороны, которые мне пришлось видеть, были похороны младшей дочери князя Меншикова, возвращенной вместе с ее братом из ссылки царствующею императрицею³⁰. Она была выдана ею замуж за графа Густава Бирона, младшего брата герцога Курляндского, умерла от родов и была погребена с большою пышностью³¹. Общество, собравшееся на похороны, посидев несколько времени, отправилось в ту комнату, где стояло тело в открытом гробу. Принцесса была в дезабилье, потому что умерла в таком положении, т. е. в родах; иначе, как говорили мне, она была бы в полном туалете. Это дезабилье состояло из спального платья, вышитого серебром и убранного розовыми лентами; на голове у нее был надет чепчик из очень тонких кружев, с короною на макушке, так как она была княгиня Римской империи; вокруг лба была повязана лента с вышитыми на ней именем усопшей и числом ее лет. В левой руке она

держала ребенка, который умер через несколько минут после своего рождения; ребенок был одет также в серебряную ткань. В правой руке у нее находился бумажный сверток, заключающий в себе свидетельство ее духовника к св. Петру*. Когда присутствовавшие собрались в зале, то прежде всего было дозволено прислуге проститься с нею; низшие слуги вошли первые, — они целовали руки графини и младенца, прося прощения в своих проступках, и подняли такой крик, какой только можно себе представить. После того с нею прощались ее знакомые, с тою только разницею, что они целовали ее в лицо и хотя ужасно кричали, но все-таки не так сильно, как первые. Затем подходили ее родственники, сначала самые дальние; когда подошел ее брат, то я в самом деле думала, что он вырвет ее из гроба. Но самую трогательную сцену представляло прощание мужа; он просил, чтобы его избавили от этой церемонии, но брат его полагал, что он должен подчиниться русскому обычаю, из боязни, чтобы его отказа не приняли за презрение, так как он иностранец. Он был введен из собственных покоев двумя мужчинами, которые служили ему поддержкою и были ею в действительности, оказывая ему более помощи, чем того требовал парад. Истинная, гнетущая горесть изображалась на его лице. Подойдя к дверям той комнаты, где находилось тело, он остановился и попросил понюхать тертого оленьего рога (hartschorn), после чего, казалось, собрался с силами, но, приблизившись к гробу, упал в обморок. Его отвели в другую комнату, и когда он пришел в себя, тело снесли вниз и поставили на открытую колесницу, за которой следовали военный конвой, как за супругой военачальника, и длинный поезд карет. Тело привезли для погребения в монастырь Св. Александра. По прибытии в церковь, сняли покров, которым оно было закрыто во время шествия по улицам, и церемония прощания возобновилась, но уже без участия мужа,

* Т. е. разрешительную грамоту.

который, при открытии гроба, вторично упал в обморок и был увезен домой. Остальное очень походило на похороны римских католиков. После погребения все общество возвратилось домой, где был большой обед, походивший скорее на веселое пиршество, чем на похоронную тризну. Но удержитесь, пожалуйста, от лукавой улыбки, которую я как будто замечаю на вашем лице; муж не показывался на обеде, и я в самом деле думаю, что он истинно огорчен, потому что очень любил ее, и обращение его с нею при ее жизни составляет самое убедительное доказательство искренности того отчаянного горя, какое он обнаружил после ее смерти.

Если мое письмо наведет на вас грустное расположение духа и в это время вас посетит г. Д., то он очень рассердится на меня за то, что я доставила вам предлог быть серьезной, но я надеюсь, что вы не скажете ему об этом; он уже давно привык подчиняться вашей воле, не спрашивая о причинах ваших поступков. Во всяком случае я должна настаивать на том, чтобы вы никому не показывали моих писем; другу можно писать все, а между тем заметки женщины бывают иногда так странны, что их не должны видеть другие. Итак, будьте верны вашей и проч.

Письмо XXII

Петербург. 1735 г.

Понятие, которое у вас составилось о графе Минихе, весьма ошибочно. Судя по вашим словам, вы представляете его себе старым, суровым воином, утомленным непогодами. Напротив, ему не более пятидесяти четырех или пятидесяти пяти лет; черты лица его прекрасны; он высок ростом, развязан, и в движениях его много приятности и ловкости. Он хорошо танцует, и во всех его поступках проглядывает

моложавость; он один из самых любезных кавалеров здешнего двора и когда находится в обществе дам, то старается выказывать веселость и нежность, которые мне очень не нравятся, вследствие их неестественности, потому что, хотя он и обладает многими личными качествами, тем не менее в нем есть немецкая натянутость, и видеть, как такой человек подражает ужимкам щеголя — все равно что видеть резвость коровы. Если бы вы находились в обществе этого господина, который, судя по газетам, убил тысячу и даже десять тысяч людей, то вы очень удивились бы, увидев, как он, с томными глазами, прислушивается к вашему голосу, потом вдруг схватывает вашу руку и целует ее с восторгом. Но вы удивились бы еще более, заметив, что он считает необходимым обращаться подобным образом со всеми женщинами. Что касается других сторон его характера, то как воин он предприимчив и быстр и так часто успевал в своих дерзких предприятиях, что теперь влюбился в них, не обращая ни малейшего внимания на то, что приносит в жертву своему честолюбию множество людей. Однако я думаю, что во многих случаях он делает более шума, нежели совершает действительных подвигов. Я полагаю, что любимое оружие его на войне есть — хитрость, потому что, по моему мнению, искренность чужда ему, и если бы какой-нибудь друг спросил меня, как я на самом деле думаю о Минихе, то я бы ответила словами Оттвея*:

«Не доверяйтесь ему; он по природе обманщик, коварен, жесток, вероломен и непостоянен».

Я говорю об его характере не в отношении любви, но в отношении дружбы, и смею сказать, что тот, кто доверится ему, скоро убедится в этом³². В настоящее время он в моде и, после герцога Курляндского, является любимцем, не имеющим соперников, особенно за отсутствием принца Гессен-Гомбургского, который, по его интригам, назначен командовать войсками в

* Оттвей — английский поэт; 1651—1685.

отдаленном от двора месте, где не может сделать ничего блестящего и где должен оставаться два или три года. Их характеры так различны, что нет ничего удивительного, если они не могут сойтись друг с другом. Принц — настоящий солдат и с виду, и на самом деле; в нем есть человеколюбие, великодушие, приветливость и грубоватая искренность. Он редко обедал или ужинал один и постоянно принимал к себе самое смешанное общество относительно чинов, состоявшее преимущественно из мужчин, а иногда и из нескольких дам, с которыми он обращался вежливо, но без ухаживанья. Вынужденный по своему званию танцевать при дворе, он делал это с воинственным видом и сам добродушно смеялся над недостатком приятности в своем обхождении. Все любят и уважают его, а войско просто обожает. Он крепкого сложения и красивой наружности³³. Но вы заставляете меня рассказывать о таких предметах, которые меня затрудняют. Вы требуете описания страны и характера народа, ее населяющего, между тем как эти предметы столько же понятны для меня, сколько для государственного министра — покрой вашего платья. Так как я передаю вам обо всем в том виде, в каком оно представляется моему слабому уму, то вы и не должны удивляться, если мои суждения покажутся вам ошибочными; если же вы, по своей снисходительности, найдете в моих заметках какое-нибудь удовольствие, то это сильно польстит самолюбию вашей и проч.

Письмо XXIII

Петербург. 1735 г.

Мне очень досадно, что вы сказали госпоже С. о нашей переписке, потому что это повлекло за собою приказание Н. Н., чтобы я осведомилась о со-

ре двух дам. Я никак не думала, чтобы этот случай произвел при дворе иной эффект, кроме смеха на их счет, и смею сказать, что когда друзья госпожи Л. писали ей об этом предмете, то она, без сомнения, не думала, что об этом будут говорить даже и здесь. Чтобы посвятить вас в сущность дела, необходимо начать историю этих дам с их происхождения. По теперешнему своему званию они равны между собой, потому что обе замужем за иностранными министрами, находящимися при здешнем дворе. Одна из них дочь французского генерала, который перешел в иностранную службу в то время, когда она родилась. Лицо очень высокого звания пользовалось ее первою благосклонностью и через несколько времени выдало ее замуж за нынешнего мужа, назначив его на тот пост, который он теперь занимает. Другая — дочь гамбургского торговца, будучи единственным ребенком богатого отца, вышла замуж за графа, который так же нуждался в деньгах, как она — в титуле. Возвысившись столь неожиданно, она не имела ни малейшего понятия о придворных обычаях и манерах, и потому другая близкая ей дама, выросшая между лицами высшего круга, давала ей в этом наставления и оказывала возможную помощь. Известно, что дружба двух красавиц редко бывает продолжительна; здесь случилось то же самое; каждая из них думала, что властвует над всеми сердцами, и так как желание их приобрести наибольшее число обожателей сделалось ясным, то скоро мужчины примкнули к каждой из них. Обстоятельство это, как всегда бывает в подобных случаях, возбудило между ними зависть, которая произвела сначала только холодность, потом мелочные насмешливые споры и, наконец, разные выходки с обеих сторон. В одном публичном собрании, где было много гостей, находился господин, сердце которого обе дамы желали победить; вражда их разгорелась с такою силою, что графиня не могла удержаться, чтобы не сказать колкости, на которую

другая возразила холодно и презрительно; этим средством она достигла своей цели, взволновав соперницу до такой степени, что та, желая ответить, не нашлась сказать ничего лучшего, как только следующее: «*В каком странном свете мы живем!*» Другая ответила спокойно: «*Да, свет очень странный, и он стал таким с тех пор, как дрейеры вообразили, что они червонцы*». При этом ответе бедная графиня залилась слезами и вышла из-за стола. Вы, вероятно, в недоумении насчет смысла этой остроты, как и я недоумевала до той минуты, пока мне не сказали, что фамилия графини до замужества была *Дрейер* и что мелкая монета, стоимостью в полфартинга, называется в Гамбурге также «дрейер». Это событие произвело открытую войну, и теперь сторонники каждой из дам являются ко двору и в другие публичные места с любимым цветом той красавицы, которой преданы; одних называют серым, а других — красным полком. Выставив себя таким образом всем на смех, бедная графиня скоро изнемогла и уступила; в самом деле она и не должна была начинать вражды, потому что не умеет владеть собою, тогда как другая сдержанна, никогда не смущается и имеет настолько хладнокровия, что говорит самые колкие вещи прилично и с кажущимся равнодушием. Она обладает также необыкновенной живостью ума — не знаю, хорошо или дурно направленного, — какой я ни в ком еще не замечала. Развязка этой смешной ссоры доставила ей множество поклонников, а между тем это именно и было поводом к вражде. Если бы меня не удерживала ваша суровость, то я сказала бы вам, что очень люблю эту даму; впрочем, надеюсь, что вы по своей снисходительности будете думать, что ничего нет дурного пользоваться знакомством приятной особы, не обращая внимания на ее поведение. Я вам сообщила возможно лучший отчет по этому смешному делу, повторение которого, без ваших приказаний, было бы и дурно и непростительно. Обязанность подробно рас-

сказать этот скандал сделала меня настолько тупой, что я не могу продолжать письма и оканчиваю его повторением той приятной для меня истины, которую, как я надеюсь, вы примете благосклонно, то есть что я остаюсь и проч.³⁴

Письмо XXIV

Петербург. 1735 г.

Вы меня так пугаете, что я почти не смею открывать ваших писем, боясь найти в них какое-нибудь особенное приказание, в таком роде, *не отвечать вам на то, о чем вы пишете, но передавать лишь все замечания, какие я делаю здесь.* Вы говорите, что сообщаете мне обо всем, касающемся моих друзей в Англии, так что мне не нужно делать вам вопросов. Но я сейчас уличу вас прилагаемым при этом письмом — вы никогда не говорили мне о безрассудствах этой бедной девушки. Если в письме ее все обстоятельства изложены беспристрастно, то я должна верить, что с нею очень дурно обращаются; хотя замужество ее с этим человеком большая глупость, но во всяком случае дело уже сделано и ее нельзя порицать за то, что она скрывает его недостатки или не видит их в нем. Так как она вполне уверена в вашем влиянии на ее тетку и в желании употребить это влияние, когда вы узнаете ее дело, то и посылаю вам рассказ о нем, написанный ею самою; я думаю, что было бы несправедливо представить вам его не в собственных ее выражениях. Я сейчас написала ей об этом и предполагаю, что она навестит вас, но я боюсь, что рассуждения ее не будут так основательны на словах, как живы выражения в письме; что же касается ее привязанности, то вы мало обращаете на это внимания. Вы говорите, что благоразумие должно руководить всеми нашими действиями и, по

вашему мнению, все должны быть одарены, подобно вам, ЭТИМ желанным качеством с самых ранних лет; но вы найдете очень мало таких примеров, и если захотите немного ослабить вашу обыкновенную строгость, то, я не сомневаюсь нисколько, успеете убедить ее тетку; она, мне кажется, скорее будет недовольна тем, что ей не удастся обязать свою племянницу, нежели дурными последствиями, которые могут ожидать ее. Эта молодая девушка, оставленная на попечение тетки, была послушна ей до такой степени, что малейшая попытка, которую она осмелилась бы сделать для достижения независимости, должна была уколоть тщеславие тетки, а если однажды эта струна затронута, то рассудок возбуждается еще более. Если бы я считала эту даму способною действительно интересоваться счастьем своей племянницы, то еще льстила бы себя некоторою надеждою; но, как вам известно, мне всегда казалось, что сердце ее не одарено ни малейшею чувствительностью. Я очень бы желала ошибаться в этом отношении. Мне жаль бедную малютку, к которой в раннем детстве были до такой степени ошибочно снисходительны, что она не могла переносить ни малейшего противоречия, и внезапный переход от этой снисходительности к крутой строгости, прежде нежели рассудок ее сделался настолько силен, чтобы она могла хоть одну минуту подумать о будущем, должен был окончиться тем, что произошло в действительности. Но мне не нужно толковать с вами об этом предмете, так как я уверена, что вы рассудите его и справедливо, и добродушно.

Что касается любопытства господина М... *была ли я в русской бане?*^{*}, то он заслуживает не ответа, а презрения, которым отвечают людям его закала, воображающим, что они остроумны, тогда как они говорят только непристойности.

^{*} В подлиннике здесь не совсем приличная игра слов, так как «the bagnio» значит и баня и вольный дом.

Мне очень досадно, что вы считаете необходимым говорить похвальное слово, рекомендуя мне одного из ваших друзей. Г. Рондо просит меня уверить вас, что он употребит все усилия для доставления этому другу и места, и повышения. Небольшая простуда помешала ему вчера отправиться во дворец, и я сама представила юного героя фельдмаршалу, которому военные должны представляться прежде, нежели другим. Он принял его очень вежливо и представил ее величеству. Государыня сказала, что он красивый мальчик и будет принят, но при этом прибавила, что ему понадобятся помочи, когда он поступит на службу. Я сказала фельдмаршалу, что в молодом мальчике много храбрости и честолюбия; он засмеялся и отвечал, что это видно по его фигуре. Не можете ли вы сделать так, чтобы он казался столь же зрелым по наружности, каким кажется по уму и по воинственному пылу, потому что над г. Рондо и надо мною очень смеются по поводу женственной фигуры моего героя, как его называют. Во всяком случае, все равно какими бы то ни было путями, ему доставят место, но моя докучливая болтовня, вероятно, отуманила вас и потому прощайте и проч.

Письмо XXV

Петербург. 1735 г.

С большим удовольствием уведомляю вас, что наш маленький герой сделан офицером, хотя и низшего чина; тем не менее я надеюсь, что его повышение пойдет быстро. Вследствие того, что он был представлен мною, ему дали прозвание *дамского фельдмаршала*, так как г. Рондо довел до сведения ее величества, что он находится под покровительством его жены, которой был рекомендован многими дамами, слишком скромными для того, чтобы писать к нему самому.

Ее величество отвечала, что молодой человек очень хорошо сделал, избрав меня своим ходатаем, хотя это и не убеждает ее в том, что он будет ревностен к службе, и что, несмотря на бездействие, в котором он находится теперь, в немногие годы могут произойти большие перемены в судьбе молодого воина и она надеется, что он достигнет чина фельдмаршала. Слова эти до такой степени возгордили молодого человека, что он начал сильно чваниться. Когда он в своем мундире целовал руку ее величества, она спросила его, сколько ему лет? Этот вопрос заставил его покраснеть, и переводчик едва не рассмеялся, отвечая, что через десять месяцев ему будет шестнадцать лет. Императрица сказала мне несколько слов по-русски. Он очень желал знать, что она говорила, но я заметила ему, что честь его очень пострадает, если я переведу слова императрицы, тогда как теперь он очень доволен, думая, что на него смотрят как на важного человека.

Я очень удивилась, узнав, что вы обижены неуспехом вашего посредничества между теткой и племянницей. Разве вы рассчитывали на успех? Вы пишете, что тетка говорит о племяннице с большою любовью, но тем не менее не хочет и слышать об удовлетворении. Вы слишком знакомы со светом, чтобы не знать, что те, которые говорят о любви, вовсе не чувствуют ее, потому что истинную любовь так же трудно выразить, как и скрыть; в подобных случаях слова бесполезны, но каждый поступок исполнен чувства. В то же время вы ожидаете невозможного от племянницы: какая же девушка, в пятнадцать лет, выйдя замуж за баронета, станет думать о том, чтобы покориться своему долгу, и сознается, что она поступает безрассудно? Я думаю, она никогда не сознается в этом, и только один муж, заставив ее почувствовать заблуждения, может принудить ее сделать такое признание; но я надеюсь, что этого не случится. Вы забавляетесь моими словами: «Что это за мудрецы, которые толку-

ют вам о супружестве и о детях, тогда как другие улавливаются с молодою мисс Т., а остальное общество играет в карты». Но вы сами навлекли на себя это.

Будьте так добры, разъясните смысл стихов; я стала так тупа, что не могу догадаться сама; быть может, холодный климат послужит извинением недостатка рассудительности в вашей и проч.

Письмо XXVI

Петербург. 1735 г.

Неужели вы воображаете, что я похожа на Дон Кихота и что при моем приближении каждый предмет должен превратиться в приключение? Мне кажется, я настолько хорошо познакомила вас с моими русскими друзьями, насколько сама знаю их. Расскажу вам об одном удивительном случае. Ваш старинный друг, граф Д., находится здесь и необыкновенно любезен со мною. Обстоятельство это так странно, что я почти вообразила, будто он имеет желание влюбиться в меня; если любовь может превращаться в ненависть, то отчего же и ненависть не может превратиться в любовь? Однако вскоре я нашла этому другую, более могущественную причину, — именно боязнь, потому что он, приехав недавно ко мне с визитом и найдя меня одну, выразил мне надежду, что я никогда не буду вспоминать о смешной истории госпожи Ф. и о перчатках с бахромою, которой, по его словам, вовсе не было. Я ему ответила, что если ее не было, то ему нечего бояться последствий; но если б она даже и была, то он может быть спокоен, — я вовсе не намерена вспоминать о ней. Какая низкая душа у этого ничтожного человека, если он смеет думать, что я могу быть настолько злой, чтобы выставить его в таком смешном свете и в таком месте, где ничего не знают об этом деле! Но я подозреваю, что сам он был

бы способен поступить с другими подобным образом, иначе он не высказывал бы такой мысли. Удивляюсь, как могла я написать столько строк о таком ничтожном человеке, не возбуждавшем во мне никогда даже смеха. Но вы, быть может, станете смеяться, когда я расскажу вам следующую историю, касающуюся моей способности болтать.

Недавно мы обедали в одном приятельском доме; за столом разговор постоянно вертелся на странных поступках короля прусского и его высоких гренадерах³⁵. Этот предмет не занимал меня, и я ничего не поняла в происходившем разговоре; но слова: *великаны и Потсдам* (место, где они расположены) так часто поражали мое ухо, что я была очень довольна, когда приход прусского посланника (барона Мардефельда) прервал этот разговор. После обеда мы отправились посмотреть купленный хозяином дома прекрасный ковер, на котором был изображен купидон огромного роста; в то время как вся компания толковала о нем, мне пришло в голову сказать: «*Это Потсдамский Купидон*». При моих словах раздался взрыв хохота, наподобие конского ржания; удивленная, я оглянулась и увидела подле себя бедного пруссака!

Так как мы живем большею частью в нашем маленьком сельском убежище, то я бываю при дворе только один раз в неделю и у меня остается много времени для прогулок. На прошлой неделе я ходила осматривать дом, начатый Петром I, но не оконченный еще до сих пор, что очень жаль, потому что план его весьма обширен. Местоположение напоминает Петергоф, уже известный вам из моих писем. Ее величество хочет прорезать здесь канал, по которому большие корабли могли бы подходить к самому Петербургу, чего они не могут делать теперь по причине мелководья. Если это осуществится, то дворец будет прекраснейшим в мире, потому что канал пройдет через обширные сады и из дворца можно будет

видеть военные корабли, плывущие под парусами³⁶. Вы, может быть, скажете: проект прекрасен, но как исполнить его? Довольно просто — в мирное время употребят для этих работ тридцать тысяч солдат. Но как бы ни было легко исполнение этого предприятия, я надеюсь, что не останусь здесь до его окончания, а буду иметь удовольствие лично уверить вас и проч.

Письмо XXVII

Петербург. 1735 г.

Вы до такой степени пытливвы и любите странные рассказы, что я не могу надеяться на ваше прощение, если не сообщу вам о новом развлечении, бывшем у нас при дворе этою зимою. Из досок устроили скат, который шел наклонно из первого этажа дворца во двор; по ширине он годился для проезда кареты, а с каждой стороны его были сделаны небольшие перила. На этот скат лили воду, и когда она замерзала, то лили воду снова до тех пор, пока лед не сделался достаточно толстым. Придворные дамы и кавалеры садились в сани и спускались вниз. Движение при этом было так быстро, что его можно сравнить только с полетом птицы, в настоящем значении этого слова. Если же сани встретят какое-нибудь препятствие, то сидящий в них падает кувырком, что, как я думаю, делается для потехи. Все бывающие при дворе должны испытать такое катанье, но до сих пор никто еще не сломал себе шеи. Я очень тревожилась, чтобы меня не заставили скатиться по этой опасной машине, потому что опасалась не только сломать себе шею, но и боялась той неблагопристойности, о которой без ужаса нельзя и подумать. Я некоторое время рассчитывала, что кто-нибудь сломит себе руку или ногу и тем положит конец этой забаве. Необходимость принудила меня явиться ко двору, и так как каждый рад

поступать со своим ближним таким же образом, каким поступают с ним самим, то ко мне тотчас пристали, говоря: «Вы еще не были на катанье». При этих словах я чуть не умерла от ужаса; но ее величество сказала, что настоящее мое положение делает меня к этому неспособной, и я, благодаря этому обстоятельству, была уволена. Если вы вздумаете приехать сюда во время этой забавы, то должны заpastись той же самой причиной увольнения, как и моя, иначе вас заставят кататься.

Теперь поговорим о ваших семейных делах. Видя ваше удивление при невозможности заставить известных дам склониться на уступку, можно подумать, что вы мало наблюдали над человеческою душою и не изучили людских страстей, хотя со своей стороны я убеждена в противном. Я заранее говорила вам, что это дело невозможное, потому что обе особы задевают тщеславие одна другой. Если бы я могла предвидеть, что это дело доставит вам столько беспокойств, то не впутала бы вас в него; но я думала, что при вашем уме у вас есть несколько самолюбия, и вы, пользуясь превосходством вашего ума, убедите их; но вы не успели достигнуть цели именно вследствие этого превосходства, потому что ваши суждения выше их понятий, не идущих далее болтовни за карточным столом или в собрании, а так как мой ум подходит более к их уму, то, мне кажется, я могу указать вам средство лучшее, нежели убеждения. Когда одна из них будет вам жаловаться на другую, то возьмите сторону жалующейся, подсмеивайтесь над отсутствующей, и я уверена, что тогда они обе, помирившись между собою, нападут на вас. Это соображение наводит меня на мысль посоветовать г. Б., чтобы он употребил кого-нибудь для такого коварства; но я не сомневаюсь, что он, при его прямодушии, с презрением откажется от победы, достигнутой таким образом, и не захочет следовать совету вашей и проч.

Письмо XXVIII

Петербург. 1736 г.

Вы нашли средство жестоко отмстить мне за тот план, который я вздумала набросать для г. Б., предписав мне: или очертить характеры встречающихся мне личностей, или не писать вам более, хотя бы это и было для вас наказанием.

Герцог и герцогиня Курляндские (они, как вам известно, были прежде граф и графиня Бирон)* пользуются таким фавором, что от их сумрачного взгляда или улыбки зависит как счастье, так и бедствие целой империи, т. е. настолько, насколько зависит первое от благосклонности, а второе от немилости. Здесь, впрочем, так мало людей, которые не могли бы подвергнуться немилости, что весь народ находится в их власти (т. е. Биронов). Герцог очень тщеславен и вспыльчив и когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Если он расположен к кому-нибудь, то выражает отменную благосклонность и похвалы; но он непостоянен, быстро меняется без всякой причины и часто чувствует к одному и тому же лицу такое же отвращение, какое чувствовал прежде расположение; он не умеет скрывать этого чувства и выказывает его самым оскорбительным образом. Герцог от природы очень сдержан и, пока продолжается благосклонность, очень искренен с любимым человеком. Он вообще очень откровенен и не говорит того, чего у него нет на уме, а отвечает напрямик или не отвечает вовсе. Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиною его гибели; я думаю, однако, что преданность его ее величеству

* Бирон был избран герцогом Курляндским не в 1736 г., а 2 июня 1737 г. Вообще мы должны заметить, что означение времени на некоторых письмах леди Рондо сделано неправильно, вероятно, по ошибке английского издателя книги.

непоколебима и что он принимает близко к сердцу благо страны³⁷.

Герцогиня горда и резка; в ее взгляде и манерах есть что-то надменное, уничтожающее то уважение, какое она хотела бы приобрести подобным способом; ее уважают только для виду, а не на самом деле. Сознаюсь откровенно, что хотя я и называюсь одною из ее любимиц и, как думаю, пользуюсь ее благосклонностью более, чем кто-либо, тем не менее я не чувствую к ней в своем сердце того, что называется *уважением*, потому что церемонии, которые оказывают ей по ее званию, нельзя назвать *уважением*. Возвысившись так внезапно, она вышла из своей сферы и теперь думает внушить уважение своею надменностью. Если бы она была частным лицом, то ее следовало бы отнести к разряду тех женщин, которых доктор П. называет «notable»* — предоставляю ему самому объяснить вам, что он понимает под этим словом. Герцогиня не вмешивается ни в дела, ни в назначения на должности и показывает вид, что употребляет все свое время на уход за ее величеством, на воспитание своих детей и домашние занятия. Она очень мало знакома со светом, не отличается большим умом, хотя и не глупа. Она любит наряды³⁸. Вы скажете: это не удивительно, потому что она женщина. Пусть будет так, но предоставьте делать подобные замечания мужчинам. Таким образом, я послушалась вас и сообщила о двух великих личностях этой северной страны; я сделала это по крайнему моему разумению и надеюсь, что вы не будете требовать более от той, которая и проч.

* Notable — знатный, замечательный.

Письмо XXIX

Петербург. 1736 г.

Вместо того чтобы обличить меня, вы требуете еще более. Я думала, что в моем последнем письме я дала вам полное понятие о герцоге и герцогине Курляндских; но вы делаете мне еще вопросы относительно их, на которые я постараюсь ответить вам по порядку. Герцог сохраняет должность обер-камергера при ее величестве, хотя он и сам владетельный князь, а герцогиня удержала место первой статс-дамы при императрице (*lady of the bed-chamber*), с тем только отличием, что, получив новое звание, она садится в присутствии ее величества, когда это делают принцессы, и во всех публичных собраниях у нее целуют руку. Бироны живут во дворце, имеют таких же чинов двора, как императрица, набранных из их собственных подданных, т. е. он имеет камергеров, которые служат ему, а она — фрейлин, которые служат ей; когда они выезжают, то употребляют свои собственные ливреи и экипажи чрезвычайно великолепные.

Графу Остерману, вице-канцлеру империи, поручены дела, но герцог управляет всем. По способностям Остермана считают величайшим министром в Европе, но так как искренность не составляет качества, которое считалось бы необходимым в таких занятиях, то он и не стесняется ею при исполнении своих обязанностей. Он вежлив и благообразен, и когда перестает быть министром, то делается чрезвычайно занимательным собеседником. Родом он из Вестфалии и переехал сюда как частный секретарь одного голландского адмирала. Петр I, увидя одну бумагу, переведенную им по-русски, позвал его, вступил с ним в разговор и со свойственною ему гениальною проницательностью открыл в нем такой превосходный ум, что взял его к себе, постепенно возвысил до занимаемой им теперь должности и женил на русской красавице,

знатного происхождения и очень богатой; но он до сих пор еще остается лютеранином³⁹. Остерман не жаден до богатств и даже беден, если принять в соображение те благоприятные случаи, которые представлялись ему для обогащения. Он был наставником Петра II и главным орудием падения князя Меншикова, но скоро был заменен князем Долгоруким, сделавшимся фаворитом этого государя, и некоторые полагают, что только смерть императора воспрепятствовала падению графа, потому что фаворит боялся коварства и опытности, показанных им при гибели Меншикова. Он большой любезник, но не старается никогда обольстить какую-нибудь светскую женщину; поэтому любовные его похождения не делают большого шума, притом же он смотрит на женщин как на забавные и хорошенькие игрушки, способные в свободную минуту развлечь его ум лучше, нежели мужчины, которые поведут серьезные разговоры, тогда как он хотел бы слушать только болтовню⁴⁰. Вы думаете — я это знаю, — что наш пол удивительно польщен этим, и убеждены, что по крайней мере теперь представляется случай вашей и проч.

Письмо XXX

Петербург. 1736 г.

Вам не будет от меня никакой пощады и потому берегитесь. К графу Остерману присоединили еще двух лиц, и они составляют совет Кабинета. Один из них, князь Черкасский⁴¹, русский и замечателен во многих отношениях: во-первых (и это, по мнению многих, самое лучшее), он очень богат; у него тридцать тысяч отцов семейств (heads in family)* и единственная дочь — его наследница. Далее, замечательна его фигура: она более широка, чем длинна, голова его слишком велика и склоняется к левому

* Т. е. дворов.

плечу, а живот, который также обширен, наклоняется на правый бок; ноги его очень короткие, и он всегда носит сапоги, даже при дворе и в самые большие празднества. Наконец, он замечателен своею молчаливостью: я думаю, что он никогда не говорил более, чем один член знаменитого собрания, которого мы с вами знаем по его напечатанной речи. Богатство и знатность Черкасского требовали непременно, чтобы ему дали какую-нибудь почетную должность, и, по всей вероятности, он не будет смущать совет своим красноречием⁴².

Другой кабинет-министр, граф Ягужинский. Его наружность прекрасна; черты лица неправильны, но чрезвычайно величественны, живы и выразительны; он высокого роста и хорошо сложен. В его движениях есть небрежность и свобода; в другом человеке это считалось бы недостатком воспитания, но в нем все так естественно, что каждый должен согласиться, что это ему очень идет. При такой небрежности,— вследствие которой каждое движение его кажется как будто случайным,— он полон достоинства, которое, в самом большом собрании, привлекает на него всеобщее внимание как на главное лицо. Он обладает прекрасным умом и рассудительностью, а живость, так сильно выражающаяся на его лице, проявляется во всех его действиях; он поспеваает в один день сделать более, чем другие в целую неделю. Если кто-нибудь просит его покровительства и он имеет основательные причины для отказа, то отказывает прямо, объясняя причины. Если же он сомневается, то назначает срок для ответа и тогда говорит: «могу» или «нет», поясняя, почему именно. Если он пообещает что-нибудь просителю, то скорее умрет, нежели не сдержит своего слова. Он высказывает свои мнения высокопоставленным лицам без лести, и если даже первый человек в империи поступит дурно, то выскажет ему это так же откровенно, как и всем другим; подобное поведение так опасно в здешней стране, что

друзья дрожат за него. Однако до сих пор лица, имеющие наиболее власти, боятся Ягужинского, потому что его суждения так справедливы и в то же время так строги, что все остерегаются их. Людей, которым он оказывает дружбу, очень мало, хотя он многим делает услуги; принимаясь хлопотать за кого-нибудь, он действует с такою настойчивостью, что отступает разве лишь в том случае, когда узнает, что личность, для которой он старается, не заслуживает его внимания. Он любит уклоняться от тягостных церемоний, сопряженных с его званием, и обедать запросто с одним другом; тогда он бывает самым приятным собеседником, какого только можно встретить. Один пример его человеколюбия, который я должна рассказать вам, заставит вас судить об этом человеке лучше всего, что я могу сообщить о нем. Однажды, когда он обедал у нас запросто — что, как я вам говорила, он любит — (он часто оказывает нам эту честь, называя себя другом г. Рондо), я рассказывала ему об одном бедняке, который, находясь в немилости у ее величества, давно содержался под стражей; я рассказывала ему об этом с сожалением и участием, но так как граф пришел к нам для того, чтобы отдохнуть, то я и боялась обременить его просьбою о деле. Однако он в ту же минуту сказал мне: «Матушка (он меня всегда так называет), я позабочусь о нем, но теперь этого нельзя сделать». Прошло три месяца, и я уже выжидала случая, чтобы напомнить ему об его обещании, думая, что он позабыл о нем, как вдруг (в день рождения ее величества) он пришел ко мне и сказал, что бедный человек освобожден и восстановлен во всех должностях; при этом он прибавил: «Мне очень нравится ваше сострадательное сердце, которое я облегчил, оказав помощь человеку в его бедствии; не бойтесь никогда обращаться ко мне, и притом без той недоверчивости, какую вы выразили в этом случае». Он был большим фаворитом Петра I, который всегда называл его своим оком. «Потому что,— говорил

он, — если Павел увидит что-нибудь, то истина дойдет до меня так же точно, как будто я видел сам»⁴⁸. Но бумага кончается, и я должна сказать вам, что я остаюсь и проч.

Письмо XXXI

Петербург. 1737 г.

Мне очень бы хотелось обмануть вас, сказав, что господин, которым вы так очарованы, не женат; я думаю, что в таком случае вы приехали бы сюда, чтобы одержать над ним победу; но, увы! К его сожалению, равно и к вашему, у него более жен, чем следует; я должна дать вам совет — не встречаться с ним, потому что, как вы видите, я в некотором отношении интересуюсь им и, кроме того, хочу убедить его доказать вам ваше безрассудство и жестокость в отношении г. Б. Я уверена, что вы не могли бы устоять против его доводов, и если желаете приобрести почетное звание старой девы, то избегайте встречи с ним, потому что его пронизательность заметит очень скоро, что ваша жестокость происходит от смирения г. Б., и, следовательно, он так укротит вас, что вы прямо сделаетесь супругою того, которого вы так давно покорили.

Я должна рассказать вам историю одной дамы, мужеству которой я удивляюсь, не имея ни малейшего желания подражать ему. Польский посланник был приглашен со своею супругою на обед к графу Ягужинскому, где было большое собрание. Так как они живут на другой стороне реки, то должны были проезжать по льду; во время их проезда лед проломился, сани провалились и посланница погрузилась в воду по самую шею, так что ее с большим трудом спасли. Она вернулась домой, а супруг ее продолжал путь, извинился, что приехал так поздно, и очень спокойно рассказал о несчастье, случившемся с его женою; предоставляю вам судить, происходило

ли это спокойствие от особенного хладнокровия или от радости, что супруга его спаслась. Однако я была немало удивлена, когда увидела эту даму входящею в то время, как подавали десерт. Она переоделась, проехала еще раз через реку и нисколько не казалась расстроенною; она танцевала с нами всю ночь и потом возвратилась домой снова по льду. Все общество поздравляло ее с таким мужеством, что же касается меня, то я взглянула на это совершенно иначе, и опасность, которой она подвергала себя после первого приключения, показалась мне признаком легкомыслия, в котором обвиняют наш пол и которое мне было очень досадно видеть в этой женщине.

Так как я упомянула об этой даме, то следует сказать еще кое-что о ней и ее соотечественницах. Здесь были две польские дамы, обе такие же знатные, как и она; это миленькие женщины, стройные и хотя не красавицы, но очень грациозные, чрезвычайно веселые и даже слишком прыткие; они любят танцы, пение и всякие развлечения; душа и тело их как будто никогда не устают. Они очень приятные собеседницы, но только на один час, после же того становятся мне в тягость, так как вам известно, что я никогда не могу сойтись с людьми надменного ума, если можно так выразиться. Они великолепны и в обстановке, и в нарядах, но в них столько национальной гордости и мужских манер, что они теряют приятность женщины. Это замечание наводит меня на размышление: вы заставляете меня покидать мою сферу, потому что если бы письма, которые я пишу к вам, мог кто-нибудь видеть, то какой смешной показалась бы я! Однако я считаю ваши желания приказаниями, и это лучшее доказательство моей дружбы, о которой я повторяю в каждом моем письме; хотя меня очень печалит недостаток во мне таланта для удовлетворения ваших требований, но тем не менее я не желала бы никому уступить звания истинно преданной вам и проч.

Письмо XXXII

Петербург. 1737 г.

Вы очень мило упрекаете меня за то, что я отважилась переезжать реку после приключения с женою польского посла, о котором я сообщила вам в моем последнем письме; но г. Х., рассказывая вам об этой опасности, должен бы был объяснить и причину. Я отправилась навестить одну больную и даже умирающую даму; она — чужая в этой стране, и если б я не рискнула, то она оставалась бы на попечении своей прислуги. Теперь, смею думать, вы согласитесь со мною, что человеколюбие мое было сильнее храбрости; таким образом, этот геройский поступок (как и многие другие) — оказывается очень не важным, если разобрать его в подробности.

Скажите, пожалуйста, когда вы гуляете в парке посреди толпы, то можете ли назвать каждого, кто там находится? Если нет, то к чему же спрашивать меня, каковы другие лица здешнего двора? Я вам назвала тех, которые управляют внутренними и иностранными делами; остальные только дополняют двор и состоят, как и при многих других дворах, из военных и придворных, хотя здесь более, чем в других местах, заметно различие между этими двумя классами. Первые вообще отличаются суровою жестокостью, гордою походкой и чем-то надменным во взглядах и манерах; это возбуждает мысль об их ужасном ремесле и предположение, что они не могут быть участниками придворных собраний; однако, нужно отдать им справедливость, они не обнаруживают этих свойств в своих разговорах. Вторые, большею частью, веселые и щеголеватые личности, которые встречаются везде и умеют только хорошо одеваться.

В одном из моих предшествовавших писем я вам описывала развлечение, называемое здесь *катаньем*, и полагаю вы думаете, что мы уже сделали ска-

кунами и плясунами на канате. Но, кажется, скоро мы обратимся в драгунов, потому что в настоящее время главное развлечение при дворе заключается в стрельбе в цель и на лету, от которой я не могла избавиться, подобно тому, как отделалась от катанья⁴⁴.

Раз мне даже удалось попасть в цель, хотя на самом деле я была так испугана, что ничего не видела; могу, однако, вас уверить, что хотя я и большая трусиха, но здесь есть несколько веселых щеголей, о которых я говорила выше, обнаруживающих гораздо более страха, нежели я. Смею сказать, что если бы юбки были исключены при этом развлечении, то мужчины очень охотно предложили бы брюки первой из женщин, которая захотела бы их надеть, и я полагаю, что все женщины, ищущие подобных забав, должны бы были носить брюки. Но какое бы превращение ни сделалось со мною — в щеголя или гуляку — я останусь постоянно вашею и проч.

Письмо XXXIII

Петербург. 1737 г.

Вы, вероятно, предполагаете, что я сделалась чопорной, если думаете, что мне приятно описывать лиц женского пола, и хотите заставить меня верить, будто это приятно вам. Подобная мысль никогда не приходила мне в голову, потому что мы с вами не принадлежим к разряду тех гордых людей, которые вместо того, чтобы сообразовать собственное поведение с тем, что не заслуживает порицания в женщине, — только разбирают поведение других. Но так как я не могу отказать вам ни в какой просьбе, то (хотя меня и удивляет ваш вопрос) начну рассказывать вам просто, без всякой злобы, как будто беседую с вами за чашкой чая о платьях и брюссельских кружевах, а не о женщинах. Я сделаю это тем откровеннее, что

мои похвалы или порицания не могут иметь никаких последствий, потому что ни одно из лиц, о которых я буду говорить, незнакомы вам; впрочем, иначе вам не удалось бы заставить меня высказать мое мнение, если бы даже оно и не могло кого-нибудь потревожить или кому-нибудь повредить.

Я вам уже сказала все, что только могла, об императрице, принцессах и герцогине Курляндской. Госпожа Адеркас, гувернантка принцессы Анны, родилась в Пруссии и осталась вдовою после генерала, который, кажется, был родом француз. Она была с ним во Франции, в Германии и в Испании. Она очень хороша собою, хотя уже не молода, и обогатила свой природный ум чтением; так как она долго жила при разных дворах, то ее знакомства искали лица всевозможных званий, что и развило в ней умственные способности и суждения. Таким образом, разговор ее может нравиться и принцессе, и жене торговца, и каждая из них будет удовлетворена ее беседою. В частном разговоре она никогда не забывает придворной вежливости, а при дворе — свободы частного разговора; в беседе она, как кажется, всегда ищет случая научиться чему-нибудь от тех, с кем разговаривает; я думаю, однако, что найдется очень мало лиц, которые сами не научились бы от нее чему-либо. Самые приятные часы с тех пор, как мы расстались с вами (также и в отсутствие г. Рондо), я провела с нею, хотя обязанности ее не позволяют мне пользоваться ее беседою так часто, как я желала бы; но когда это случается, то я провожу время и приятно, и поучительно*.

У нее есть дочь, которая наследовала от матери ум, благоразумие и прелесть души; что же касается наружности, то в этом отношении природа была для нее мачехою, и потому она не говорит таких пустяков, какие говорила бы, если б была красива. Вероятно, вследствие недостатка красоты, мужчины состави-

* Об Адеркас см. письмо XIV и примеч. 29 и 48.

ли о ней мнение как о женщине пустой, тогда как женщины, наоборот, называют ее умной. Но вот она входит сама, и потому я без церемонии скажу вам прощайте.

Письмо XXXIV

Петербург. 1738 г.

Не думайте, что можно заставить женщину говорить о другой или других, если к этому не применяется что-нибудь скандальное; по крайней мере вы увидите, что, исполняя предложенную мне вами задачу, я не отступаю в этом отношении от остальных женщин. Недавно у меня была одна из здешних красавиц, супруга русского вельможи г. Лопухина, которого вы видели в Англии. Она статс-дама императрицы и приходится племянницей той особе, которая была любовницею Петра I и историю которой я вам рассказывала (т. е. Анне Монс); но скандальная хроника гласит, что она не так твердо защищала свою добродетель. Она и ее любовник — если он у нее на самом деле только один — очень постоянны и в течение многих лет сохраняют друг к другу сильную страсть. Она приезжала отдать мне визит после родов⁴⁵. Когда она родила, то, при первой встрече с ее супругом, я поздравила его с рождением сына и спросила о здоровье его жены. Он ответил мне по-английски: «Зачем вы спрашиваете меня об этом? Спросите графа Левенвольде; ему это известно лучше, нежели мне»⁴⁶. Видя, что такой ответ меня совершенно озадачил, он прибавил: «Что ж! Всем известно, что это так, и это меня нисколько не волнует. Петр Великий принудил нас вступить в брак; я знал, что она ненавидит меня, и был к ней совершенно равнодушен, несмотря на ее красоту. И не мог ни любить ее, ни ненавидеть и в настоящее время продолжаю

оставаться равнодушным к ней; к чему же мне смущаться связью ее с человеком, который ей нравится, тем более что нужно отдать ей справедливость, она ведет себя так прилично, как только позволяет ей ее положение». Судите о моем удивлении и подумайте, как поступили бы вы в подобных обстоятельствах. Я же скажу вам, как поступила я: я внезапно оставила его и обратилась к первому, кого увидела. Эта дама говорит только по-русски и по-немецки, а так как я плохо говорю на этих языках, то наш разговор вертелся на общих местах, и потому я могу сказать вам лишь о ее наружности, которая, действительно, прекрасна; по-настоящему мне и не следовало бы говорить ни о чем другом, но я не могла пройти молчанием этой истории, показавшейся мне необыкновенно странной. Я презираю себя, однако, за злоязычие, которое вы едва ли захотите простить.

Письмо XXXV

Петербург. Мая 10, 1739 г.

Теперь расскажу вам об одной даме, от которой, мне кажется, вы будете в восхищении. Она по рождению — благородная венецианка, вышедшая замуж за старика, который много лет тому назад поселился здесь, хотя родился в Рагузе. Петр Великий посылал его в Венецию с некоторыми важными поручениями, и там он женился на этой даме или, скорее, купил ее, потому что обладает несметными богатствами⁴⁷. Теперь ей около двадцати пяти лет; она высокого роста, прекрасна, мила и чрезвычайно приятна; черты лица ее довольно обыкновенны, но черные глаза чрезвычайно хороши, и вся ее наружность сходствует с теми описаниями римских красавиц, которые мне приходилось слышать. Старый муж держит ее взаперти и очень редко отпускает куда-нибудь, кроме

двора, куда она является постоянно в полном блеске, какой только могут придать красивой женщине великолепные наряды и драгоценные украшения. У нее такое огромное количество прекрасного жемчуга, что некоторые дамы начали подозревать, что он фальшивый; вследствие этого им очень хотелось удостовериться в справедливости своего подозрения, доставлявшего им немалое удовольствие. Здесь в моде шуты обоюбого пола, которые имеют преимущество говорить и делать тысячу глупостей; одна из таких женщин взялась исследовать это темное дело и как только увидела даму, о которой идет речь, при дворе, то стала с увлечением говорить ей об ее наружности и, наконец, хотела поцеловать ее в грудь, стараясь в то же время раскусить одну из жемчужин. Но венецианка, заметив это, дала ей пощечину и сказала: «Это для того, чтобы напомнить тебе, что благородная венецианка никогда не носит поддельных драгоценностей». Шутиха, удивленная ударом, вскрикнула и хотела идти жаловаться государыне, находившейся в смежной комнате; но дама совершенно спокойно заметила ей: «Если вы поступили так по приказанию ее величества, то должны были сказать мне об этом; если же нет, то, я думаю, она будет довольна, что я проучила вас за дерзость, оказанную моему званию, не беспокоя ее величество формальной жалобой». Шутиха некоторое время не показывалась при дворе, и дело было потушено. Мне кажется, вы говорите теперь: «О, как мне нравится ее храбрость!» и вам уже не терпится сделать мне тысячи вопросов об этой даме. Но я уже сказала вам, что встречаюсь с ней только при дворе, где общий разговор вертится постоянно на обыденных предметах; таким образом, я могу вывести заключение об ее уме только из этого происшествия, которое, по моему мнению, не может согласоваться с низостью души женщины, продавшей себя за деньги дряхлому старику; относительно этого я почти согласна со взглядом того шотландского свя-

щенника, который, видя, как одна девушка отдала свою благосклонность за небольшую сумму, сказал ей: «Уж вы лучше сделали бы это из любви к Богу». Я не сомневаюсь, что оба поступка одинаково бесчестны, и признаюсь, что именно эта причина и заставила меня смотреть на эту даму с таким презрением, что я едва говорила с нею. Хотя мне очень хотелось завязать с нею знакомство после описанного случая, и я была уверена, что вы одобрите мой поступок; но, вспомнив много раз говоренные мне вами слова, что лишь одна ваша пристрастная дружба может заставить вас прощать мою неразборчивость в знакомстве, как вам угодно называть ее, я сочла за лучшее не сходитья с этой дамой. Не пытаюсь делать нового знакомства, я очень рада быть вашей и проч.

Письмо XXXVI

Петербург. 20 июня, 1739 г.

Я очень рада, что вы одобряете меня за нежелание завести знакомство с венецианкой; но мне несколько обидны слова ваши, что она вам нравится, хотя вы и уверены в том, что я не способна беседовать с нею. Правда, ваше мнение относительно неделикатности ее при выборе мужа отчасти утешает меня, тем не менее я вижу, что она вам нравится своим умением тотчас же и сильно отплачивать за нанесенное ей оскорбление. Я думаю, что она не в состоянии заплакать и от жестких слов подруги, — слабость, которую, как я знаю, вы презираете.

Мы все очень заняты приготовлениями к свадьбе принцессы Анны с принцем Брауншвейгским. Кажется, я еще не говорила вам, что шесть лет тому назад его привезли сюда, с целью женить на принцессе; тогда ему было около 14 лет и его воспитали вместе с нею, чтобы зародить в них взаим-

ную привязанность; но, по-видимому, это привело к совершенно противоположному результату, потому что она оказывает ему нечто худшее, нежели ненависть, именно — презрение. Его наружность довольно красива; он очень белокур, имеет женственный вид и много натянутости, происходящей, быть может, от страха, в котором он находился постоянно со времени приезда сюда; так как супружество это для него весьма выгодно, то его и держали при дворе в большой подчиненности. Вследствие этого, а также и потому, что он заикается, трудно судить о его способностях. Он вел себя очень храбро в двух кампаниях, под начальством графа Миниха. Полагают, что он был отправлен в армию герцогом Курляндским, который задумал женить своего сына на принцессе. Видя ее презрительное обращение с принцем Брауншвейгским, герцог вообразил, что в отсутствие принца дело пойдет лучше и ему удастся без помехи согласить принцессу на такую сделку. Основываясь на этих соображениях, он отправился на прошлой неделе с визитом к принцессе и от имени императрицы объявил ей, что она должна выйти замуж, причем ей предоставляется выбор между двумя женихами: принцем Брауншвейгским и принцем Курляндским. Она ответила, что готова всегда покоряться приказаниям ее величества; но в настоящем случае будет повиноваться с отвращением и желала бы лучше умереть, нежели выйти за которого-нибудь из них; если же она должна непременно вступить в брак, то выбирает принца Брауншвейгского. Вы понимаете, что такой ответ оскорбил герцога, а принца и его сторонников заставил возгордиться. В настоящее время говорят, что дурное обращение принцессы с принцем Брауншвейгским было только политической уловкой, с целью обмануть герцога; так как теперь ее приневоливают, то, я думаю, она еще покажет им, что избрала этот способ лишь для того, чтобы оскорбить герцога, которого ненавидит, хотя и должна быть с

ним вежливою; в самом же деле она никого не любит, но, вынужденная повиноваться, несмотря на свое отвращение, возненавидит герцога еще сильнее, потому что он более всех имеет власти. Как бы то ни было, но делаются большие приготовления к свадьбе, которая будет праздноваться с возможным великолепием и о которой теперь только и говорят⁴⁸. Когда празднества окончатся, я сообщу вам подробности, будучи уверена, что получу на этот счет ваши приказания и проч.

Письмо XXXVII

Петербург. 30 июля, 1739 г.

Вы, вероятно, знаете из газет, что торжественный брак совершился, и теперь ожидаете исполнения моего обещания. Маркиз Ботта, министр императора, принял титул посла только на три дня, чтобы формально попросить, именем своего государя, руки принцессы для принца Брауншвейгского, его племянника⁴⁹. В последнюю субботу маркиз отправился из города в монастырь Св. Александра Невского и имел оттуда, в воскресенье, торжественный въезд, как посол, в столицу. Это был самый торжественный из всех въездов. В понедельник Ботта имел аудиенцию для сватовства принца. Ее величество стояла под балдахинном на троне, возвышавшемся на двенадцати ступенях, в конце большой залы; позади нее стояло кресло, а с правой стороны — стол.

Все сановники и камергеры были размещены на ступенях трона, а внизу его расставлены по порядку камер-юнкеры. Дворянство и иностранные министры стояли с левой стороны, вдоль залы, в три ряда, один позади другого, а дамы, в таком же порядке, с правой стороны. Ни принцессы, ни герцога, ни герцогини Курляндских не было видно; присутствовала только принцесса Елисавета и ее двор. Посла сопро-

вождала большая свита. Отдав поклон, он взошел на ступени трона, надел шляпу и произнес речь; но, отдавая письмо своего государя, снял шляпу. Великий канцлер отвечал на его речь, после чего посол удалился. Ее величество оставалась на том же месте, когда вошел министр герцога Вольфенбютельского, (Кейзерлинг); он также произнес речь и вручил письмо, но оставался у подножия трона с непокрытою головою. Во все это время, за исключением лишь когда говорились речи, в зале царствовала столь глубокая тишина, что можно было бы слышать, если б упала булавка. Тишина эта, при великолепии одежды ее величества, при сановитости ее особы и при нарядах собрания, придавала много торжественности и величия всей церемонии. Как только министр герцога Вольфенбютельского удалился, ее величество перешла в длинную галерею, куда за нею последовало все собрание, расположившееся там в прежнем порядке, с тою лишь разницею, что императрица стояла под балдахином, под которым не было трона. Когда все поместились, вошел принц, чтобы поблагодарить ее величество за согласие на брак его с принцессою. На нем была белая шелковая одежда, вышитая золотом; его очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам; мое воображение представляло его очень похожим на жертву. Когда он кончил свою речь, императрица приказала ему встать около себя под балдахином. Тогда был приглашен посланник и поместился с левой стороны. Затем великий канцлер и князь Черкасский ввели принцессу, и когда она остановилась прямо против императрицы, то последняя сказала ей, что изъявила согласие на брак ее с принцем Брауншвейгским. При этих словах принцесса обвила руками шею тетки и залилась слезами; ее величество сохраняла несколько времени важный вид, но, наконец, сама заплакала. Это продолжалось несколько минут. В заключение посол обратился с речью к императрице, а великий

маршал — к принцессе. Ее величество, оправившись от волнения, взяла кольца принца и принцессы и обменяла их, отдав принцу перстень принцессы, а ей — перстень принца. Потом она повесила портрет принца на руку принцессы, обняла их обоих и пожелала им счастья. Тогда подошла принцесса Елисавета и, заливаясь слезами, обняла и поздравила обрученную; но императрица отстранила ее, и принцесса, продолжая плакать, удалилась, предоставив другим продолжать поздравления и целовать руку у новообрученной. Принц, поддерживая невесту, старался утешать ее и представлял очень глупую фигуру среди всех этих слез. Когда поздравления окончились, ее величество удалилась, и все собрание разъехалось по домам, чтобы готовиться к послезавтрашней свадьбе. Во вторник всем иностранным министрам назначили комнату, из которой можно было видеть поезд, и место в церкви, куда они должны были прибыть тотчас, как проследует поезд; они не участвовали в церемонии процессии потому, что никто из них не хотел занять места ниже своего товарища. Принц, без особенной пышности, первым приехал в церковь со своим двором. Затем показались кареты особ, занимающих государственные должности, а равно и дворянства. Экипажи их были чрезвычайно великолепны; каждый имел по десяти лакеев, шедших впереди его кареты, а некоторые, кроме того, по два скорохода и по несколько ряженных, напоказ публике. В числе их был один наряд, который мне очень понравился: два скорохода были одеты неграми, в черное бархатное платье, так плотно пригнанное к телу, что они казались нагими; на них были только перья по образцу индейцев. Когда все это миновало, то увидели принца Карла, младшего сына герцога Курляндского, в карете, предшествуемой двенадцатью слугами, четырьмя скороходами, двумя гайдуками и двумя дворянами, ехавшими верхом⁵⁰; за ним следовал принц Петр, старший брат его, при такой же обстановке⁵¹.

Наконец, сам герцог, в чрезвычайно великолепной карете, предшествуемой двадцатью четырьмя слугами, восьмью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажам, своим шталмейстером верхом, маршалом и двумя камергерами; каждый из последних имел около себя ливрейных слуг. После того ехала ее величество с невестой, представляя как бы особый поезд, состоявший: 1) Из сорока восьми слуг, двенадцати скороходов, двадцати четырех пажей с их наставником, бывшим на коне. 2) Из камергеров верхами; каждого из них сопровождал скороход, державший в поводу лошадь, и два конных лакея, в собственной их ливрее, из которых один имел подручную лошадь. 3) Дворяне верхом; каждый из них имел двух скороходов, ведших лошадь, и четырех ливрейных слуг с тремя подручными лошадьми; ливреи и сбруя были чрезвычайно богаты. 4) Обер-шталмейстер, сопровождаемый всею конюшенною прислугою, конюхами и пикерами ее величества. 5) Обер-егермейстер, сопровождаемый всею охотничьею прислугой в особых одеждах. 6) Унтер-маршал двора с жезлом. 7) Обер-гофмаршал с жезлом — каждый со своею ливрейною прислугою. 8) Раскинутая на две половины карета, необыкновенно великолепная, запряженная восьмью лошадьми; в этой карете императрица и невеста, одна против другой; императрица занимала почетное место. На невесте было платье с корсажем из серебряной ткани; корсаж спереди был весь покрыт бриллиантами; ее завитые волосы были разделены на четыре косы, перевитые бриллиантами, а на голове была маленькая бриллиантовая корона; кроме того, множество бриллиантов было укреплено в ее черных волосах, что придавало ей еще более блеску. 9) Принцесса Елисавета со своею свитою, состоявшею из семи карет и всего ее придворного штата, расположенного по чинам, как и у ее величества, с тою только разницею, что у принцессы их было менее. 10) Герцогиня Курляндская с дочерью⁵², в карете

со своею свитою, точно такую же, как и у принцессы Елисаветы. 11) Жены дворян в каретах, сопровождаемые, подобно их мужьям, ехавшими впереди ливрейными слугами.

Роскошь и великолепие карет и ливрей были невыразимы. Поезд возвратился из церкви в том же порядке, с тою лишь разницею, что молодые сидели в одной карете, а свиты их соединились в одну, находясь около них, как и свита императрицы. Исключая придворных служителей, все отправились в большую залу, чтобы там принять молодых. Прибытие их туда произошло в следующем порядке: 1) Императрица, сопровождаемая герцогом Курляндским; на ней было платье с темным корсажем, затканное золотом: оно было чрезвычайно богато и показалось мне очень блестящим; на ней был надет только жемчуг, без других драгоценных камней. 2) Бракосочетавшаяся, сопровождаемая супругом, одежда которого была из той же материи, из какой было платье принцессы, описание которого я представила выше. 3) Принцесса Елисавета, сопровождаемая принцем Петром Курляндским; она была одета в розовое платье, вышитое серебром и очень богато украшенное драгоценными камнями. 4) Герцогиня Курляндская, сопровождаемая своим младшим сыном; на ней было белое платье, вышитое золотом и чрезвычайно богато украшенное рубинами. 5) Ее дочь, сопровождаемая князем Черкасским; платье на ней было шелковое с цветами по серебряному полю. Когда все разместились в зале, вошел посол и принес поздравление; то же сделали иностранные министры, а после них и все собрание. Ее величество обедала за особым столом, за которым сидели только молодые и принцесса Елисавета; все же прочие вернулись домой, чрезвычайно утомленные, потому что процессия началась в 9 часов утра, и уже пробило 8 часов вечера, когда мы сели обедать. В десять часов все снова приехали ко двору, где был бал, продолжавшийся до полуночи. Тогда императрица пове-

ла новобрачную в ее комнату, не желая, чтобы за нею следовали другие, кроме герцогини Курляндской, двух русских дам и жен министров иностранных дворов, родственников принцу. Из этих министров женатых было только двое: императорский резидент и г. Рондо, но супруга императорского резидента была больна и потому оставалась одна я. Войдя в комнату принцессы, императрица приказала герцогине и мне раздеть молодую; мы надели на нее капот из белого атласа, отделанный тонкими брюссельскими кружевами; затем она нас послала пригласить принца. Он вошел в домашнем платье, сопровождаемый только герцогом Курляндским. Когда он вошел, императрица поцеловала их обоих и, весьма нежно простившись с ними, села в карету и отправилась в Летний дворец, поручив обер-гофмаршалу проводить меня домой, потому что все общество уже разъехалось в то время, когда ее величество повела молодую в ее комнату. Было уже около трех часов утра, когда я вернулась к себе, полумертвая от усталости. Все дамы были в робах; невозможно составить себе понятия о великолепии наряда каждой из них, несмотря на то, что свадьба происходила в июне месяце, когда тяжелые платья очень неудобны.

В среду новобрачные отправились в Летний дворец, где обедали с императрицею. После обеда императрица поехала с ними в Зимний дворец, куда были приглашены все присутствовавшие на свадьбе, явившиеся уже в других нарядах, а не в тех, которые были на них накануне. На новобрачной было платье с выпуклыми цветами по золотому полю и с пурпуровою бахромою; на муже ее была одежда из такой же материи. Молодые, принцесса Елисавета и семейство герцога Курляндского сели за стол; но императрица, которая никогда не ужинает, прохаживалась в это время, разговаривая со всеми со своею обычною любезностью. Ужин был блестящий, и в зале придумали устроить фонтан, бивший все время, как настоящий.

Четверг был днем отдыха. Ее величество находила, что нуждается в нем сама, точно так, как и все прочие. В пятницу, после полудня, был маскарад. Там были составлены так называемые четыре кадрили, каждая из двенадцати дам, не считая предводителя каждой кадрили. Во главе первой находились новобрачные, одетые в домино оранжевого цвета с маленькими, такого же цвета, шапочками на головах, с серебряными кокардами и с маленькими воротничками из кружев, завязанными лентами такого же цвета; все двенадцать пар были одеты точно так же; между ними находились со своими супругами те иностранные министры, государи которых были в родстве с принцем или с принцессою. Во главе второй кадрили была принцесса Елисавета и принц Петр, в зеленых домино с золотыми кокардами — вся кадрилиль была одета точно так же. Предводителями третьей кадрили были — герцогиня Курляндская и граф Салтыков⁵³, (родственник императрицы), в голубых домино с кокардами розового цвета. Четвертая кадрилиль имела во главе своей дочь и второго сына герцога и герцогини Курляндских; они были одеты в домино оранжевого цвета с зелено-серебряными кокардами. Все прочие гости были одеты как кому вздумалось. Только для четырех кадрилиль был приготовлен ужин в длинной галерее; около столов находились скамейки, так как будто это было устроено на лугу. Столы и скамейки были покрыты цветами, которые, казалось, росли на них; хотя ужин был чрезвычайно великолепен, но во многих отношениях походил на сельский праздник. Императрица прохаживалась целый вечер незамаскированная.

В субботу ее величество и все собрание обедало в покоях у новобрачных, где происходила церемония прислуживания за столом, так как, сообразно с обычаями здешней страны, молодые должны были служить за столом. После обеда было оперное представление в дворцовом театре.

В воскресенье был маскарад в саду Летнего дворца, который был очень мило иллюминирован, а на реке, извивающейся в длину сада, был сожжен фейерверк. Присутствующие были одеты каждый по своему вкусу: некоторые только очень пристойно, а другие и великолепно. Таким образом окончился торжественный брак, от которого я еще не отдохнула. Все это делалось для того, чтобы соединить двух особ, которые, как я убеждена, искренно ненавидят друг друга; думаю, что это можно с уверенностью сказать по крайней мере насчет принцессы: она явно и резко выказывала это в продолжение всех праздников, бывших в течение недели. Она и теперь продолжает обращаться со своим супругом крайне презрительно, когда только не находится на глазах императрицы. Прошу вас, не вздумайте делать мне еще вопросов относительно этого брака; я и без того должна была утомить вас множеством пустых мелочей, от которых краснею; но у меня их столько набралось в голове, что я не могла удержаться, чтобы не сообщить их вам вместе с важными подробностями. В настоящее время рука моя не в состоянии написать ничего более, как только что я имею честь и проч.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каменный двухэтажный Зимний дворец, о котором говорит леди Рондо, находился на берегу Невы, на углу Зимней канавки и Большой Миллионной улицы, где теперь казармы первого батальона лейб-гвардии Преображенского полка. Он был построен Петром Великим в 1711 г. Первоначально дворец вмещал в себе малое число комнат и был обращен лицевой стороною к канавке, почти на самой середине ее протяжения между Миллионной и Невой. Когда Миллионная набережная улица стала застраиваться каменными домами, подавшимися к реке, то дворец заслонился с трех сторон. Вследствие того Петр велел пристроить к нему, в 1721 г., набережные палаты ближе к Неве, на месте, занимаемом нынешним Эрмитажным театром, но несколько поглубже. При Екатерине I дворец был значительно увеличен многими пристройками. Императрица Анна Ивановна избрала в 1732 г. для своего жительства обширный дом адмирала графа Апраксина, подаренный им, в 1728 г., императору Петру II и стоявший почти на том же месте, где теперь Зимний дворец, а старый дворец приказала отдать под помещение придворных музыкантов и служителей.

² Летний дворец, построенный в 1711 г. Петром Великим в углу, образуемом Летним садом и Фонтанкою, сохранился до сих пор почти в своем первоначальном виде. При императрице Екатерине I, для празднеств по случаю бракосочетания цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским, рядом с Летним дворцом была постро-

ена большая деревянная зала с четырьмя комнатами по сторонам. Зала эта, по приказанию императрицы Анны Ивановны, была сломана в 1731 г. и на ее месте выстроен новый Летний деревянный дворец, существовавший до воцарения Елисаветы Петровны.

Летний сад в то время был весьма обширен, занимая все пространство между Мойкою и Фонтанкою, от Невы до Невского проспекта. Он разведен в 1711 г. Петром Великим, по плану, нарисованному самим государем, в голландском вкусе.

Буктоном, с которым леди Рондо сравнивает Летний сад, называлось поместье лорда Монтегю, в графстве Нордгамитонском.

³ В 1704 г. Петр Великий, овладев устьями Невы, задумал соорудить монастырь на том месте, где, по преданию, св. великий князь Александр Невский одержал 15 июля 1241 г. победу над соединенными силами шведов и датчан. Отвлеченный войною, государь мог приступить к исполнению своего намерения только в 1710 г. Из всех предположенных им монастырских зданий при его жизни были окончены лишь церковь Благовещения и придел Св. Александра Невского, в соборной церкви во имя Св. Троицы; другие же церкви и здания построены в последующее время, со значительными отступлениями и переменами против составленного государем плана. В 1724 г. Петр приказал перевезти в монастырь из Владимира мощи св. Александра Невского и, в воспоминание этого события, хотел учредить александровский орден; но, по случаю скорой кончины государя, мысль эта была осуществлена уже императрицей Екатериной I. Первое пожалование новоучрежденным орденом происходило 2 мая 1725 г.,— в день бракосочетания Анны Петровны с герцогом Голштинским.

⁴ Мельницы, где приготавлилась писчая бумага и обои, находились у горы Дудергоф, близ нынешнего Красного Села.

⁵ Петергоф, основанный в 1711 г. Петром Великим и получивший свое название от его имени, был любимой лет-

ней резиденцией государя. Кроме дворца, парка, канала и фонтанов, устроенных по образцу версальских, в нем существовали в то время два прекрасных домика: Марли и Монплезир; в последнем, отделанном в голландском вкусе, царь обыкновенно ночевал. По смерти Петра, Петергоф оставался в совершенном забвении до вступления на престол императрицы Елисаветы Петровны, в царствование которой начал быстро украшаться и обстраиваться. Петергоф сделан уездным городом в 1848 г.

⁶ Св. Антоний Римлянин, новгородский чудотворец, родился в 1067 г. в Риме. По кончине родителей своих, последователей правил семи Вселенских соборов, Антоний раздал имение нищим, постригся на девятнадцатом году в монахи и удалился в пустыню. В 1106 г. он прибыл из Италии в Новгород и основал здесь, на правом берегу Волхова, в двух верстах от города, монастырь с каменной соборною церковью во имя Рождества Богородицы. Монастырь этот существует до сих пор и называется, в память своего основателя, Антониевым-Рождественским. Св. Антоний скончался в 1147 г.; мощи его обретенны в 1597 г. и покоятся в соборной монастырской церкви. При раке преподобного Антония находится ветвь осоки, с которою он прибыл из Рима, держа ее в руке; таким его изображают и на иконах. В церковном прологе (3 августа) сказано, что св. Антоний, находясь еще в Италии, положил в делву церковные сосуды и разные драгоценные вещи и бросил ее в море, а сам чудесным образом приплыл в Новгород на камне. Рыбаки, нанятые им, закинув сети, вытащили делву из Волхова. В записках Антониева монастыря прибавлено, что церковные сосуды были сердоликовые, яшмовые и хрустальные, украшенные золотом, алмазами и яхонтами, и что царь Иван Васильевич Грозный взял их в Москву. Уцелевшие же пять образов мусийных и каменный крест показываются в монастыре вместе с зеленою тростью Антония и камнем, на котором он приплыл из Италии. Камень этот вделан в стену соборной монастырской церкви.

⁷ Князь Иван Алексеевич Долгорукий, сын действительного тайного советника и члена Верховного совета, князя

Алексея Григорьевича, от брака его с княжной Прасковьей Юрьевной Хилковой, родился в 1708 г. и шестнадцати лет начал придворную службу в звании камер-юнкера при великом князе Петре Алексеевиче. Не отличаясь ни умом, ни способностями, малообразованный и безнравственный, князь Иван Алексеевич в короткое время приобрел неограниченную дружбу Петра, единственно лишь умением угождать некоторым дурным наклонностям, к несчастью, слишком рано развившимся в юном великом князе, который до такой степени привязался к своему фавориту, что не расставался с ним ни днем, ни ночью. По воцарении, в 1727 г., двенадцатилетнего Петра, многочисленная фамилия князей Долгоруких, пользуясь влиянием князя Ивана Алексеевича на императора, успела получить первенствующее значение в государстве. В 1728 г. князь Иван Алексеевич, не имевший еще двадцати лет от роду, был сделан обер-камергером, майором гвардии и кавалером орденов Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного, а родня его заняла важнейшие места в высшем государственном управлении.

Чтобы лишить других вельмож возможности влиять на царя, Долгорукие, поддерживая в Петре страсть к охоте и беспорядочной жизни, начали увозить его из Москвы в свои подмосковные имения, где молодой государь, постоянно окруженный их родственниками и приятелями, проводил целые недели в пиршествах и других удовольствиях, действовавших вредно на его здоровье и нравственное развитие. Для окончательного упрочения своего могущества Долгорукие задумали женить Петра на старшей сестре князя Ивана, княжне Екатерине Алексеевне, но неожиданная кончина императора разрушила их замыслы. По восшествии на престол императрицы Анны Ивановны, князь Иван Алексеевич, вместе с другими членами своего семейства, подвергся гонениям Бирона, был лишен чинов, орденов и имений и сослан в 1730 г. в Березов. Женившись перед ссылкой на дочери фельдмаршала, графине Наталье Борисовне Шереметевой, князь Иван Алексеевич провел в Березове девять лет в самом бедственном положении, а в 1739 г., обвиненный, по доносу тобольского подьячего Тишина, в неуважительных отзывах об императрице, был

привезен в Новгород, предан суду, пытан и, наконец, мучительным образом казнен.

⁸ Великая княжна Наталья Алексеевна, родившаяся в 1714 г., обнаруживала замечательный ум и прекрасные качества души и сердца. Первое время она имела большое влияние на брата, горячо ее любившего; но Долгорукие сумели отдалить Петра от великой княжны. Сокрушаясь о брате, который неумеренным образом жизни истощал свои физические и нравственные силы, Наталья Алексеевна начала грустить, чахнуть и 14 декабря 1728 г. скончалась, к общему сожалению, от изнурительной лихорадки.

«Великая княжна Наталья,— говорит в своих записках испанский посол дюк де Лириа,— была украшена всеми добрыми свойствами. Она не только не была красавицей, а напротив того, дурна лицом, хотя и хорошо сложена; но добродетель заменяла в ней красоту; любезная, внимательная, великодушная, исполненная грации и кротости, она привлекала к себе всех, говорила в совершенстве на французском и немецком языках, любила чтение и покровительствовала иностранцам. Все это заставляло воссылать теплые молитвы к небу о ее благоденствии, но Всевышнему угодно было отозвать ее к себе, после долговременной болезни, на пятнадцатом году ее жизни. Смерть ее одинаково оплакали и русские и иностранцы, знатные и бедные» (Extrait du journal du duc de Lihria et Berwick. Французская рукопись, находящаяся в библиотеке профессора К. Н. Бестужева-Рюмина). См. также «Записки дюка Лирийского». Изд. 1845 г. С. 115.

⁹ Рассказ об Анне Монс, сообщенный леди Рондо неизвестной дамой, неверен. Анна Монс была дочерью уроженца города Миндена, проживавшего в Москве и занимавшегося виноторговлей. Она была в связи с Лефортом и через него познакомилась с Петром, который сошелся с ней в 1692 г. и искренно привязался к красивой, неглупой немке. Но Анна не любила царя и отдалась ему только ради личных выгод и возвышения своей родни. В 1702 г. сердцем ее владел саксонско-польский посланник Кенигсек, перешедший в том же году в русскую службу. В 1703 г.

Кенигсек, сопровождая государя в поход под Ниеншанц, утонул в Шлиссельбурге. При разборе его бумаг нашлись нежные письма Анны Монс, явно обличавшие связь ее с покойным. Оскорбленный Петр приказал подвергнуть изменницу строгому домашнему аресту, не позволяя посещать ей даже кирку. Опала Анны Монс продолжалась до 1706 г., когда, наконец, по ходатайству влюбленного в нее прусского посла, графа Кейзерлинга, она была освобождена. Кейзерлинг хотел жениться на ней, но, опасаясь разгневать Петра, исполнил это только в 1711 г., незадолго до своей смерти. В 1714 г. Анна собралась вторично выйти замуж за пленного шведского капитана Миллера, но за несколько дней до свадьбы умерла.

¹⁰ Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая, старшая сестра фаворита Петра II, родилась в 1712 г. Она была недурна собой, умна и вместе с тем чрезвычайно горда. Подчиняясь настойчивым требованиям родни, княжна Екатерина Алексеевна согласилась выйти замуж за императора Петра II, хотя последний относился к ней весьма холодно, а она сама питала страстную любовь к шурина австрийского посланника графа Вратислава, графу Милисимо. На другой день после обручения княжны с государем Милисимо был отправлен за границу с поручением от посла и более уже не возвращался в Россию. По кончине Петра II, княжна Екатерина Алексеевна, вместе с отцом, братьями и сестрами, была сослана в Березов и здесь, несмотря на свою гордость, коротко сошлась с офицером тамошнего гарнизона Овцыным. Связь эта дала повод часто приезжавшему в Березов по разным делам тобольскому подьячему Тишину искать благосклонности княжны. Отвергнутый ею и оскорбленный Овцыным, Тишин подал на Долгоруких донос, вследствие которого над ними был наряжен суд, окончившийся в 1739 г. казнью и ссылкой в отдаленные места виновных. Княжна Екатерина Алексеевна была заточена в новгородский Горицкий Воскресенский девичий монастырь и содержалась там два года в самом тесном заключении. Императрица Елисавета Петровна, тотчас по восшествии своем на престол, возвратила ей свободу, пожаловала фрейлиной и выдала в 1745 г. замуж за гене-

рал-аншефа графа Александра Романовича Брюса. В том же году графиня Екатерина Алексеевна, отправившись в Новгород поклониться праху своих казненных родственников, простудилась, заболела горячкой и умерла.

¹¹ Дюк де Лириа следующим образом описывает наружность Петра II: «Царь высокого роста, красив собою и статен; на лице его видна задумчивость; телосложение крепкое, поступь величественная и сила необыкновенная».

(Extrait du journal. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 113).

Саксонско-польский посланник Лефорт, в одной из своих депеш 1729 г., между прочим, говорит:— «Юный император очень здоров и сильно растет; но худ и загорел» (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 5. С. 324).

¹² По словам Шмидта-Физельдека (Materialien zu der Russischen Geschichte. Т. 2. Pg. 3), Петр заразился оспой от князя Сергея Григорьевича Долгорукого, который, несмотря на то, что дети его лежали в оспе, продолжал ездить ко двору. Болезнь молодого государя приняла с самого начала правильное течение, и ему становилось лучше, но он не берегся и 15 января, почувствовав облегчение, встал с постели и долго смотрел в окно на проходившие мимо дворца войска, причем застудил выступившую оспу. С этой минуты уже не было никакой надежды на его выздоровление и через три дня он скончался.

Лефорт, в депеше от 31 января 1730 г., пишет: «Существуют два различных мнения о причине смерти царя. Одни приписывают его болезнь худосочию, усилившемуся вследствие усталости и изнурения, испытываемых на охоте, а другие — тому, что доктора Блументросты сначала лечили лихорадку, предвещавшую оспу, как обыкновенную лихорадку и давали ему различные прохлаждающие напитки, а доктор Бидло был призван только на третий день, когда уже болезнь развилась, и он не одобрил способа лечения тех докторов» (Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 5. С. 344).

¹³ Петр Великий, Законом 5 февраля 1722 г. о престолонаследии, постановил, что царствующий государь имеет право избрать себе преемника по своему усмотрению, не стесняясь правом первородства. Императрица Екатерина I духовным завещанием, дошедшим до нас только в неполной копии, изменила этот закон. Назначив наследником престола после себя великого князя Петра Алексеевича, она пунктом восьмым завещания определила: «Ежели великий князь без наследников преставится, то имеет по нем цесаревна Анна со своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета с ее десцендентами, а потом великая княжна (Наталья Алексеевна) с ее десцендентами наследовать, однако же, мужеского пола наследники пред женскими предпочтены быть имеют». Но духовное завещание Екатерины давало поводы для разных толкований и споров, тем более что и самая подлинность его еще подлежала и подлежит сомнению. Поэтому, когда после кончины Петра II, члены Верховного тайного совета и другие светские сановники собрались для решения вопроса, кому должен достаться престол, то лишь весьма немногие из них решились сослаться на духовное завещание Екатерины; князь Алексей Григорьевич Долгорукий потребовал короны для своей дочери «яко обрученной невесты»; несколько голосов упомянули имя царицы бабки Евдокии Федоровны; но скоро все единодушно согласилось с мнением князя Дмитрия Михайловича Голицына, сказавшего, что так как дом Петра Великого пресекся смертью Петра II, то справедливость требует перейти к старшей линии — царя Ивана Алексеевича. Старшая дочь его, Екатерина, была замужем за герцогом Мекленбургским, который пользовался весьма дурною репутацией, и потому выбор остановился на второй — вдовствующей герцогине Курляндской Анне Ивановне. При этом, по мысли того же Голицына, было решено ограничить самодержавие и вместе с престолом предложить новоизбранной императрице «условия», заключающиеся главным образом в том, чтобы она управляла государством не иначе, как с содействием Верховного совета, и без его согласия не объявляла войны, не заключала мира, не подвергала дворян уголовным наказаниям, не увеличивала подати и т. п. Известно, что Анна Ивановна

приняла предложенные ей условия, но впоследствии уничтожила их и объявила себя самодержавной.

¹⁴ Загородный дом князя Меншикова в Москве находился за рекою Яузой; он был деревянный, одноэтажный и окружен большим тенистым садом с прудами. Место это давно уже вошло в черту города.

¹⁵ Московский Новодевичий монастырь (на Девичьем поле), в котором провела последние четыре года своей жизни первая жена Петра Великого, царица Евдокия Федоровна, построен в 1524 г. великим князем Василием Ивановичем в память победы над казанскими татарами при реке Свиязи. В нем была заточена, с 1689 г. до самой кончины, последовавшей в 1704 г., сестра Петра Великого, царевна Софья Алексеевна. При монастыре, с 1724 г., существовал приют для содержания подкидышей и беспризорных детей женского пола, которых в 1725 г. числилось более 250. Воспитываясь в монастыре до совершеннолетия, они обучались прядению голландских ниток и плетению кружев; учительницами их были выписанные Петром Великим питомицы из брабантских монастырей.

¹⁶ Неожиданное и загадочное для многих современников заточение и пострижение в монахини Петром Великим его первой жены, затем привлечение ее к кикинскому и суздальскому розыскам, подробности которых долго оставались неизвестными, ужасная казнь Глебова и, наконец, ссылка Евдокии под стражею в отдаленный монастырь, с лишением всякой возможности сообщаться с внешним миром, породили в народе множество легенд, большею частью сочувственных несчастной узнице и распускаемых, преимущественно, ее приверженцами. Одну из таких легенд, почерпнутую очевидно из плохого источника и доверчиво принятую за истинное событие, леди Рондо и сообщает своей приятельнице.

Петр женился на Лопухиной в 1689 г., по желанию своей матери, царицы Натальи Кирилловны. Евдокия Федоровна, воспитанная в правилах старины, по своим понятиям, характеру и стремлениям вовсе не годилась в

жены молодому и энергическому царю. Петр охладел к ней почти с первого же месяца женитьбы, но из уважения к матери щадил сделанный ею выбор и не обнаруживал своих истинных чувств к Евдокии; после же смерти Натальи Кирилловны, не связываемый никем, он совершенно забросил жену и сошелся с Анною Монс. Таким образом, поводы к ревности явились не со стороны Петра, а со стороны покинутой царицы. Лишенная ласк мужа, оскорбленная предпочтением, оказанным иноземке, Евдокия замкнулась в тесном кружке своих приближенных, большею частью недовольных вводимыми новизнами и не расположенных к Петру. Открытый в 1697 г. заговор Циклера, Соковнина и Пушкина обнаружил явное сочувствие царицы к врагам мужа и привел Петра к решению: навсегда развязаться с нею. После нескольких неудачных попыток склонить ее к добровольному пострижению царица была сослана в 1698 г. в суздальский Покровский монастырь и в следующем году насильно пострижена под именем Елены. Пользуясь здесь некоторой свободой, Евдокия вела деятельные сношения с лицами, враждебными Петру, и здесь же познакомилась с майором Степаном Богдановичем Глебовым, который, по собственному его признанию, «сошелся с нею в любовь». В 1718 г., с открытием по делу царевича Алексея Петровича кикинского розыска, а затем и суздальского, Евдокия, как причастная первому и главная виновница второго, была привезена в Москву, подвергнута допросам и между прочим дала следующее показание: «1718 г., февраля в 21-й день, я, бывшая царица, старица Елена, привожена на генеральный двор и с Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что я с ним блудно жила в то время, как он был у рекрутского набора, и в том я виновата. Писала своею рукою я, Елена». Суд Петра был короток и жесток: Глебов, посаженный на кол, погиб мученическою смертью, а Евдокия, в сопровождении карлицы, повара и двенадцати солдат, отправлена в Ладогу, в Успенский монастырь, где и содержалась под самым строгим присмотром, в нужде и тесноте, до воцарения Екатерины I, при которой перемещена в Шлиссельбург на более удобную жизнь. По восшествии на престол внука Евдокии, Петра II, она, по собственному желанию, была переведена, в 1727 г., в мо-

сковский Новодевичий монастырь, а отсюда, после первого свидания с юным государем, приглашена им на житье в Воскресенский монастырь в Кремле, причем на содержание ее назначено 60 000 руб. в год и при ней учрежден особый двор; однако вскоре, по интригам Долгоруких, опасавшихся влияния старой царицы на внука, она была вынуждена возвратиться в Новодевичий монастырь. Пережив Петра II и ласкаемая императрицею Анною Ивановною, царица Евдокия Федоровна скончалась в 1731 г. и погребена в соборной монастырской церкви.

¹⁷ Леди Рондо говорит здесь о первой невесте императора Петра II, княжне Марье Александровне Меншиковой, обрученной с ним 25 мая 1727 г., а через несколько месяцев сосланной, вместе с отцом, в отдаленный Березов, где она и скончалась 12 ноября 1729 г.

¹⁸ Анна Ивановна, терпевшая, в бытность свою герцогиней Курляндской, много неприятностей от Меншикова, в особенности ненавидела его за то, что он из личных целей, добиваясь для себя Курляндского герцогства, расстроил брак ее с графом Морицом Саксонским, который очень ей нравился. Но при восшествии ее на престол Меншикова уже не было в живых, а против детей его она не могла питать никакого неприязненного чувства. Распоряжение об освобождении их из ссылки было сделано еще Петром II. За десять дней до своей кончины император отдал Верховному тайному совету следующее приказание: «Освободить из ссылки детей Меншикова, с позволением им жить, не въезжая в Москву, в деревне дяди их, Василия Арсеньева, и дать им на прокормление сто дворов, приискав из нижегородских меншиковских деревень, а сына записать в полк и отдать для обучения хорошему офицеру».

¹⁹ Русский двор оставался в Москве четыре года — с января 1728 по январь 1732. При Петре II в среде лиц, приближенных к молодому государю, возникла мысль перенести столицу из Петербурга обратно в Москву; но мысль эта тотчас же была покинута после его кончины.

Императрица Анна Ивановна долгое время не переезжала в Петербург единственно вследствие разных неудобств и страшной дороговизны тамошней жизни. По устранении этих неудобств и окончании Ладожского канала, посредством которого обеспечивалось продовольствие новой столицы, императрица поспешила покинуть не любимую ею Москву.

В «Русском архиве» 1867 г. напечатан подробный церемониал въезда императрицы в Петербург 16 января 1732 г.

²⁰ Герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, третья дочь царя Ивана Алексеевича, родилась в 1692 г. По политическим соображениям Петра Великого она была выдана, в 1716 г., замуж за герцога Карла-Леопольда Мекленбургского, человека взбалмошного, грубого и необразованного. Прожив с мужем шесть лет в постоянных неприятностях, герцогиня, наконец, покинула его и, в 1722 г., вместе с малолетнею дочерью Анною, приехала в Россию, которую более уже не оставляла до своей кончины, последовавшей в 1732 г.

«Герцогиня Мекленбургская,— говорит де Лириа,— женщина с необыкновенно живым характером. В ней очень мало скромности; она ничем не затрудняется и болтает все, что ей приходит в голову. Она чрезвычайно толста и любит мужчин» (Extrait du journal. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 116).

²¹ Царевна Прасковья Ивановна, пятая дочь царя Ивана Алексеевича, родилась в 1694 г. Она была ограниченного ума, очень некрасива, худа и с самого детства хворала. Она находилась в тайном браке с генерал-аншефом Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым, от которого не имела детей. Скончалась в 1731 г. в Москве.

²² Бездетная императрица Анна Ивановна, имея намерение утвердить престол в своем роде, решила выдать дочь своей сестры, герцогини Мекленбургской, Екатерины Ивановны, принцессу Елизавету-Екатерину-Христину, замуж за какого-нибудь иностранного принца и назначить своим наследником одного из детей, которые произойдут

от этого брака (см. примеч. 48). С этой целью в 1731 г. принцесса, которой шел тогда тринадцатый год, была взята ко двору, помещена в императорских покоях, воспитана в правилах православной веры и, наконец, в 1733 г., торжественно миропомазана и наречена Анною, что и дало повод некоторым иностранным писателям о России, в том числе и леди Рондо, уверять, будто императрица «удочерила» Анну Леопольдовну.

²³ Все описания наружности Елисаветы Петровны, сделанные современниками, представляют ее красавицей. Французский посланник Ла Ви, видевший цесаревну в 1719 г., пишет: «Княжна эта прелестна, очень стройна и могла бы считаться совершенной красавицей, если б цвет ее волос не был немного рыжеват, что, впрочем, может измениться с годами. Она умна, добродушна и сострадательна» (Известия о замечательных лицах в царствование Петра I и Екатерины I, извлеченные из донесений французских послов при русском дворе А. И. Тургеневым. Отрывки из этих известий напечатаны в «Журн. М-ва нар. просвещения». 1844. № 2).

Берхгольц говорит о ней, в 1721 г.: «Великая княжна белокура и очень нежна; лицо у нее, как у старшей сестры, чрезвычайно доброе и приятное; руки прекрасны». (Дневник. Ч. I. С. 54).

Дюк де Лириа, в 1728 г., делает такой портрет цесаревны: «Принцесса Елисавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза и рот, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива; но фальшива, честолюбива и имеет слишком нежное сердце. Петр II был некоторое время влюблен в нее и, кажется, намеревался даже жениться на ней; но дурное поведение принцессы скоро отдалило от нее молодого императора. Она влюбилась в человека низкого происхождения и ни от кого не скрывала своих чувств к нему. Можно думать, что она пойдет по следам своей матери» (Extrait des mémoires. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 115).

Фельдмаршал граф Миних, уже в позднейшее время, описывает ее следующим образом: «Императрица Елисавета обладала прекрасною наружностью и редкими душевными качествами. Она имела необыкновенно живой характер, была очень стройна и хороша собою, смела на лошади и на воде и, несмотря на свою полноту, ходила так скоро, что все вообще, а дамы в особенности, едва могли за нею поспевать» (Ebauche. С. 167).

Екатерина II, описывая бывший в 1744 г. при дворе маскарад, в котором, по приказанию Елисаветы Петровны, все мужчины явились в дамских костюмах, а женщины — в мужских, говорит: «Из всех дам мужской костюм шел вполне только к одной императрице. При своем высоком росте и некоторой дородности, она была чудно хороша в мужском наряде. Ни у одного мужчины я никогда в жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги была удивительно стройна. Ее величество отлично танцевала и во всяком наряде, мужском и женском, умела придавать всем своим движениям какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться и, бывало, с сожалением перестаешь смотреть на нее, потому что ничего лучшего больше не увидишь» (Записки. С. 107).

²⁴ Петербургский дворец герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны находился недалеко от Царицына луга. В царствование императрицы Екатерины I герцогиня получала от казны на содержание своего двора только 4500 р.; но, по воцарении Анны Ивановны, сумма эта была увеличена до 30 000 р. Кроме того, по распоряжению императрицы, к герцогине ежедневно назначался от гвардейских полков почетный караул, из одного обер-офицера, сержанта, барабанщика, двух капралов, двенадцати гренадер и сорока солдат.

Дворец цесаревны Елизаветы Петровны, в Петербурге, стоял почти на том самом месте, где теперь казармы лейб-гвардии Павловского полка, на углу нынешней Большой Миллионной улицы и Царицына луга. В царствование Анны Ивановны доходы цесаревны, включая сюда ее собственные с имений, простирались до 40 000 р. в год. В кратковременное регентство Бирона ей было назначено

ежегодное содержание от казны в 50 000 р. Привыкшая к роскоши и любившая наряды и удовольствия, цесаревна постоянно нуждалась в деньгах и занимала везде, где только могла достать.

²⁵ В 1733 г. турецкий султан Махмуд V, находившийся в войне с Персией, приказал крымскому хану двинуться с татарами в кавказские владения Персии. Чтобы исполнить султанское повеление, татары должны были проходить через Кабарду, которую Россия считала издавна принадлежащею ей. Для объяснений по этому поводу и уверений, что движение татар направлено единственно против Персии, был прислан в Петербург турецкий уполномоченный Халиль-Мир-Алем. Несмотря на все старания Халиля устроить дело, русское правительство не соглашалось пропустить татар через Кабарду. Султан, однако, не обратил внимания на протест нашего двора, и татары, пользуясь оплошностью русского главнокомандующего на Кавказе, принца Гессен-Гомбургского (см. примеч. 33), пробились сквозь рассеянные отряды русского войска в Персию. Такое нарушение неприкосновенности наших границ послужило одним из поводов для объявления в следующем году войны Турции (*Histoire de l'empire Ottoman; par Hammer. T. 14. Pg. 315*).

В том же 1733 г. приезжали в Петербург из Астрахани калмыцкие депутаты (а не татарское посольство, как ошибочно говорит леди Рондо), для ходатайства о разных льготах калмыцкому народу, и китайское посольство, для поздравления императрицы с восшествием на престол.

²⁶ Иоанн Лефорт, швейцарский уроженец и племянник известного Франца Лефорта, любимца Петра Великого, находился сперва в русской службе, потом в прусской и, наконец, в саксонской. В 1721 г., имея чин легационного советника, он был прислан королем Августом II к русскому двору в звании саксонско-польского посланника и исполнял эту обязанность до своей отставки с пенсией, следовавшею в 1734 г. Дюк де Лириа делает следующую характеристику Лефорта: «Это был весьма хороший человек, неспособный ни к чему такому, что могло бы запятнать

его имя. Он отличался бескорыстием и готовностью жертвовать всем для своих друзей. Хотя он был и неглуп, но о делах говорил так дурно, как будто ни одно не бывало у него в руках. Он жил открыто и довольно хорошо» (Extrait du journal. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 131).

²⁷ Леди Рондо, хорошо принятая при русском дворе и обласканная императрицей, относится к Анне Ивановне, очевидно, с некоторым пристрастием. Мы имеем еще несколько описаний наружности и характеристик этой государыни, сделанных ее современниками. Приводим в подлиннике отзывы эти, во многом сходные между собою.

Голштинский камер-юнкер Берхгольц: «15 марта (1724 г.) его королевское высочество (герцог Голштинский) делал парадный визит герцогине Курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказывала разносить вино, как обыкновенно здесь водится. Герцогиня женщина живая и приятная, хорошо сложена, недурна собою и держит себя так, что чувствуешь к ней почтение» (Дневник Берхгольца. Ч. 4. С. 30).

Дюк де Лириа: «Императрица Анна толста, смугловата, и лицо у нее более мужское, нежели женское. В обхождении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность чрезмерно, от чего двор ее великолепием превосходит все прочие европейские. Она строго требует повиновения к себе и желает знать все, что делается в ее государстве; не забывает услуг, ей оказанных, но вместе с тем хорошо помнит и нанесенные ей оскорбления. Говорят, что у нее нежное сердце, и я этому верю, хотя она и скрывает тщательно свои поступки. Вообще могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования» (Extrait du journal. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 114).

Манштейн: «Императрица Анна была от природы добра и сострадательна и не любила строгих мер; но она имела недостаток, общий всем слабым государям,— позволять своим приближенным делать зло, прикрываясь ее именем. Ее фаворит, человек жестокий и мстительный, постоянно

злоупотреблял данной ему властью. В царствование этой государыни совершилось много кровавых казней и, кроме того, было сослано в Сибирь бесконечное число лиц; но она об этом ничего не знала» (*Mémoires sur la Russie*; Ed. 1860. Т. 2. Pg. 117).

Фельдмаршал граф Миних: «Императрица Анна обладала великими достоинствами. Она имела проницательный ум, знала свойства окружавших ее лиц, любила порядок и великолепие, и никогда двор не был так хорошо устроен, как при ней. Она была великодушна и щедро награждала заслуги. Главный недостаток ее заключался в том, что она слишком любила спокойствие и не занималась делами, предоставляя все произволу своих министров. Этому обстоятельству должно приписать несчастья Долгоруких и Голицыных, которые сделались жертвами Остермана и Черкасского только потому, что превышали их умом и способностями. Бирон погубил Волынского, Еропкина и их друзей за то, что Волынский подал императрице записку, где проводилась мысль о необходимости удаления любимца. Я сам был свидетелем, как императрица горько плакала, когда Бирон, в раздражении, угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и его друзьями» (*Ebauche pour donner une idée sur la forme du gouvernement de l'empire de Russie*. Pg. 117 и 118).

Граф Миних, сын фельдмаршала: «Императрица Анна была одарена хорошим разумом, имела беспримерную память и говорила на природном языке лучше, нежели, статья может, кто другой в России. В публичных церемониях умела она показать себя с превеличайшею важностью и приличием. Если же хотела кому-либо благоприятство свое изъявить, то знала употреблять на то выражения лестнейшие и обязательнейшие. Выговоры ее были чувствительны, но без всякой обиды. Она упоена была честолюбием и во всех предприятиях своих стремилась к славе. За оказанные заслуги награждала она щедро и не токмо слушала ежедневно предлагаемые ей дела с великим вниманием и терпением, но не оставляла рачительно осведомляться об исполнении оных; но когда желания ее не так, как должно, выполнялись, то всю вину должно относить частью к особенному интересу известных особ,

частью же к прилепленью к некоторым худым старинным правилам. Даже ничто не помрачило бы сияния сей императрицы, кроме (что из многих над знаменитыми и великими особами смертельных приговоров оказалось), что она собственному прогневлению, нежели законам и справедливости, следовала. В приватном обхождении была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ее наполнено было великодушием, щедротою и соболезнаванием; но ее воля почти всегда зависела больше от других, нежели от нее самой. Верховную власть над оною сохранял герцог Курляндский даже до кончины ее неослабно, и в угождение ему сильнейшая монархиня в христианских землях лишила себя вольности своей до того, что не токмо все поступки свои по его мыслям наиточнейше распоряджала, но также ни единого мгновения без него обойтись не могла и редко другого кого к себе принимала, когда его не было. Никогда в свете, чаю, не бывало дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрица с герцогом. Оба почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствовать. Если герцог являлся с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Буде тот весел, то на лице монархини явное напечатлевалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену. Всех милостей надлежало испрашивать от герцога, и через него одного императрица на оные решалась. Она была богомольна и притом несколько суеверна; однако духовенству никаких вольностей не позволяла, но по сей части держалась точно правил Петра Великого.

Станом была она велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карие и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильный и пронзительный. Сложением тела она была крепка и могла сносить многие удручения» (Записки графа Миниха-сына. С. 175—187).

Есть еще одно описание наружности Анны Ивановны, сделанное женщиною, видевшею императрицу только

раз в жизни, но имевшею много причин ее ненавидеть,— княгиней Натальей Борисовною Долгорукой. Приводим и это описание, несмотря на его крайнее пристрастие: «Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имела; так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше и чрезвычайно толста» (Записки княгини Н. Б. Долгорукой // Рус. арх. 1867. С. 18).

²⁸ В 1733 г., после смерти короля польского Августа II, явилось несколько кандидатов на польский престол. Франция желала доставить польскую корону тестю Людовика XV, Станиславу Лещинскому, но Россия и Австрия решились всеми средствами противодействовать этому и выставили кандидатом сына умершего Августа II, курфюрста саксонского Августа III. Одна часть польского шляхетства, подчиняясь влиянию России и Австрии, выбрала королем Августа, а другая — сочувствовавшая Франции, объявила королем Станислава. Тогда русские войска, под начальством генерала Ласси, вступили в Польшу, рассеяли приверженцев Лещинского, принудили его самого скрыться в укрепленный Данциг и осадили этот город, в котором находилось 12 000 регулярного войска и до 8000 вооруженных граждан. Осада, по недостатку артиллерии и снарядов и малочисленности осаждающих, затянулась на долгое время. Русское правительство, недовольное медленными действиями осторожного Ласси, поручило начальство над осадным корпусом графу Миниху. Новый главнокомандующий повел дело скорее и решительнее своего предшественника. Принудив двухтысячный отряд французских войск, явившийся на помощь к Лещинскому морем и высадившийся в устьях Вислы, сдать в плен, Миних тесно обложил Данциг и открыл по нему такое жестокое бомбардирование, что город запылал в нескольких местах. Жители, большею частью люди торговые и богатые, пришли в отчаяние. Тогда Лещинский, не желая долее подвергать мирных жителей страданиям и разорению за приверженность к нему, решился удалиться. Переодетый крестьянином, он тайно вышел из города и, пространствовав пять суток среди постоянной опасности и лишений по болотам и лесам, достиг прусской грани-

цы. По удалении Лещинского, Данциг отворил ворота победителям. Миних, самолюбию которого льстила надежда представить в Петербург пленного короля, был страшно раздражен, узнав, что его уже нет в городе, и наложил за это на Данциг контрибуцию в 2 000 000 талеров, впоследствии уменьшенную императрицей наполовину.

²⁹ В дополнение к характеристике Анны Леопольдовны, сделанной леди Рондо, приводим еще несколько описаний этой принцессы, относящихся, впрочем, к позднему времени, именно к 1740—1741 г.

Манштейн нарисовал вообще не очень лестное изображение принцессы, которое в анонимных замечаниях на его записки, приписываемых г. Куником графу Ивану Андреевичу Остерману, а г. Щебальским графу Миниху-сыну, называется «вымышленным». — «Принцесса, — говорит Манштейн, — была чрезвычайно капризна, вспыльчива, беспечна и нерешительна, как в больших, так и в малых делах. В продолжение своего годовичного регентства она управляла кротко, любила делать добро, но вместе с тем не умела делать его кстати. В образе жизни она подчинялась совершенно своей фаворитке (Юлиане Менгден), не обращала внимания на советы министров и людей опытных и не обладала ни одним качеством, необходимым для правителя. Ее постоянно печальный и скучный вид происходил, может быть, от неприятностей, испытанных ею от герцога Курляндского, в царствование императрицы Анны. Впрочем, она была очень красива и хорошо сложена и легко говорила на нескольких языках» (Memoirs. 1860. Т. 2. Pp. 201. — Замечания на них в «Отеч. зап.». 1829. Ч. 39).

Граф Миних-сын, занимавший должность обер-гофмейстера при принцессе, пользовавшийся ее доверенностью и обязанный ей, как говорит сам, признательностью, делает о ней в своих записках совершенно иной отзыв, на который признательность имела, без сомнения, некоторое влияние.

«Принцесса Анна сопрягала со многим остроумием благородное и добродетельное сердце. Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нее неслеснее, как столь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, приобвык-

шие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменною и якобы всех презирающею. Под видом внешней холодности, была она внутренне снисходительна. Принужденная жизнь, которую она вела от двенадцати лет своего возраста даже до кончины императрицы Анны Ивановны (почему тогда, кроме торжественных дней, никто посторонний к ней входить не смел и за всеми поступками ее строго присматривали), вселила в ней такой вкус к уединению, что она всегда с неудовольствием наряжалась, когда во время ее регентства надлежало ей принимать и являться в публике. Приятнейшие часы для нее были те, когда она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она свободна и весела в обхождении. Дела слушать и решать не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подавать во дворце кабинетному секретарю. Она знала ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и доброхотно. Великодушные ее и скромность произвели, что она вовсе не была недоверчива, и многих основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо, впрочем, и несомненному обвинению. Для снискания ее благоволения нужна была более откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Хотя она привезена в Россию на втором году возраста своего, однако, пособием окружавших ее иностранцев, знала немецкий язык совершенно. По-французски разумела она лучше, нежели говорила. До чтения книг была великая охотница; много читала на обоих помянутых языках и отменный вкус имела к драматическому стихотворению. Она почитала много людей с так называемым счастливым лицерасположением и судила большею частью по лицу о душевных качествах человека. К домашним служителям своим была она снисходительна и благотворна. Я, с моей стороны, имею причину, как за многие излианные на меня милости, так и за дружественное обхождение, которым она меня удостаивала, почитать память ее во всю жизнь мою с величайшей признательностью. Что касается внешнего

вида ее, то была она роста среднего, собою статна и полна, волосы имела темноцветные, а лиценачертание хотя и не регулярно пригожее, однако приятное и благородное, в одежде была она великолепна и с хорошим вкусом. В уборке волос никогда моде не следовала, но собственному изобретению, от чего большею частью убиралась не к лицу» (Записки. С. 212—215).

Английский посланник Финч, в одной из депеш своих 1741 г., следующим образом выражается об Анне Леопольдовне: «Правительница, кажется, одарена умом, проницательностью, хорошими природными качествами и человеколюбием; но она имеет скрытный характер и слишком любит уединяться. Она, видимо, страдает, являясь в публику, и предпочитает проводить время в обществе своей фаворитки и ее родных. Все дела пошли бы лучше, если б правительница чаще показывалась публике и обладала бы той приветливостью, к которой приучены здешние придворные прежними государями и которая произвела бы теперь самые лучшие последствия» (*La cour de Russie il y a cent ans. Pg. 85—86*).

Фельдмаршал граф Миних, не отличающийся, впрочем, беспристрастием в отзывах о своих современниках, говорит о принцессе: «Она имела с самого малолетства дурные привычки, и родительница ее, царица Екатерина Ивановна, мало обращала на них внимания; определенная к ней воспитательницею госпожа Адеркас очень худо выполняла свои обязанности, за что и была выслана из России с повелением никогда в нее не возвращаться. Характер принцессы обнаружился вполне в то время, как она сделалась правительницею. Главным природным ее недостатком было нерадение к делам. Она никогда не показывалась в Кабинете. Не раз, когда мне случалось приходить к ней с отчетом по делам Кабинета или испрашивать ее разрешений, она, сознавая свою неспособность, говорила мне: «Как бы я желала, чтобы сын мой вырос поскорее и начал сам управлять делами!». Она была очень невнимательна к своему наряду: голову повязывала белым платком и часто в спальном платье ходила к обеду, иногда оставалась даже в таком костюме в обществе, за обедом и по вечерам,

проводя их в карточной игре с избранными ею особами» (Ebauche. Pg. 139—142).

³⁰ Младшая дочь князя Меншикова и крестница Петра Великого, княжна Александра Александровна, родилась в 1712 г. и отличалась прекрасною наружностью. Она была очень дружна с сестрой Петра II, великой княжной Натальей Алексеевной, которая в письмах своих называла ее «вселюбезнейшей и дорогой сестрицей». Императрица Екатерина I пожаловала княжне Александре Александровне в 1727 г. свой портрет, осыпанный бриллиантами, для ношения на груди, а император Петр II, в том же году, в день своего обручения с ее сестрой — орден Св. Екатерины. Она была почти просватана за принца Ангальт-Дессауского; но неожиданное падение и ссылка в Березов отца, которого она должна была сопровождать, разрушили этот брак. По возвращении из ссылки княжна Александра Александровна была сделана, в 1731 г., фрейлиной. Так как в английском банке хранились значительные суммы, положенные Меншиковым на имя детей, и княжна могла считаться богатой невестой, то императрица Анна Ивановна выдала ее, в следующем году, замуж за брата своего фаворита, Густава Бирона (см. след. примеч.). По словам Бантыша-Каменского (Дополн. к слов. достопамят. людей. Ч. 8. С. 368), княжна, несмотря на блеск и пышность, окружавшие ее, не могла гордиться семейным счастьем. Она скончалась от родов 13 сентября 1736 г.

³¹ Густав Бирон, младший брат герцога Курляндского, родился в 1700 г., в Курляндии, служил в польских войсках и, в 1730 г., по избрании на престол императрицы Анны Ивановны, перешел в русскую службу, причем из польских капитанов переименован прямо в майоры вновь учрежденного гвардейского Измайловского полка. Благодаря влиянию своего брата Густав Бирон скоро занял видное положение при русском дворе. В 1732 г. он был пожалован генерал-майором и сделан генерал-адъютантом императрицы, и в том же году женился на дочери князя Меншикова, княжне Александре Александровне. Произведенный в 1734 г. в полковники гвардии, Густав Бирон ездил в сле-

дующем году волонтером в австрийскую армию, пробыл около четырех месяцев под непосредственным начальством знаменитого принца Евгения и, возвратясь в Россию, овдовел в 1736 г. Во время турецкой войны 1737—1739 гг. он командовал сводным гвардейским отрядом и за оказанные отличия и храбрость получил бриллиантовую шпагу и чины: генерал-поручика и генерал-аншефа. В 1740 г., одновременно с арестом брата своего, регента, Густав Бирон был отвезен под караулом в Шлиссельбург и затем сослан в Нижнеколымск, но, не доезжая до места своего заточения, обращен (в 1742 г.), по указу новой императрицы Елисаветы Петровны, на жительство в Ярославль, с ежегодным содержанием по тысяче рублей. Прожив здесь два года, Густав Бирон получил полную свободу, был обнадежен обещанием служебного назначения, но не дождался его и умер в 1746 г. в Петербурге. Густав Бирон не походил душевными свойствами на своего брата. Ограниченный от природы, он казался, вследствие совершенного недостатка воспитания, грубым и жестоким в обращении, но был добр, снисходителен, храбр и справедливо пользовался репутацией честного и прямодушного человека.

³² Подобные же отзывы о Минихе делают и другие лица, находившиеся с ним в более или менее близких отношениях.

«Миних отлично знал военное искусство,— говорит де Лириа,— и был превосходным инженером; но его самолюбие, тщеславие и честолюбие выходило из всяких границ. Он был лжив, двоедушен, казался каждому другом, а на деле не был ничьим. Внимательный и вежливый с посторонними, он был несносен в обращении со своими подчиненными» (Extrait du journal. Фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 123).

«В графе Минихе,— пишет Манштейн,— были соединены самые противоположные качества, дурные и хорошие. Попеременно вежливый и грубый, кроткий и вспыльчивый, он легко привязывал к себе тех, с кем имел дела; но иногда, через минуту, обращался с ними так сурово и резко, что невольно возбуждал в них ненависть к себе. В иных случаях он выказывал необыкновенную щедрость,

а в других отвратительную скарედность. Он имел самую возвышенную душу, и в то же время ему случалось делать величайшие низости. Гордость была его господствующим пороком; он готов был жертвовать всем на свете для удовлетворения своего непомерного самолюбия. Он не знал иного друга, кроме своего личного интереса, и тот, кто умел подделаться и льстить ему, мог рассчитывать на его расположение. Он был одним из лучших инженеров Европы и одним из величайших полководцев своего времени. Отважный всегда, он не признавал невозможного, потому что все, что он ни предпринимал, как бы это ни было трудно, постоянно ему удавалось. Одаренный представительною наружностью, высоким ростом и крепким здоровьем, энергический и неутомимый, он, казалось, был рожден полководцем. Плохой государственный человек, он, однако, добивался всеми средствами звания министра, достиг его разными интригами и этим положил начало своему несчастью. Для того чтобы выведать от него самые сокровенные мысли, было достаточно противоречить ему. Можно сказать по справедливости, что в нем все было замечательно; как пороки, так и добродетели его одинаково делали из него человека необыкновенного» (*Mémoires*. 1860. Т. 2. Pg. 206—210).

«Миних,— замечает в одном из своих писем граф Альгаротти,— не дорожил нисколько кровью своих солдат, которые скорее боятся его, нежели любят. Предприимчивость его переходит границы, предписываемые долгом. Побуждаемый чрезмерным честолюбием, он желал бы управлять всем на свете, хотя, впрочем, нужно отдать ему справедливость, вполне достоин этого своими великими качествами. Русское государство обязано ему весьма многим» (*Lettres du comte Algarotti*. 1759. Pg. 106).

«Миниха можно назвать,— говорит Фридрих II,— русским принцем Евгением. Он имел все качества и недостатки великих полководцев. Искусный, даровитый и счастливый, но вместе с тем гордый, надменный, самолюбивый и часто самовластный, он, не задумываясь, приносил жизнь солдат в жертву своему честолюбию» (*Oeuvres de Frédéric le grand*. 1830. Т. 2. Pg. 47).

Отзывы о Минихе, весьма сходные с приведенными выше, рассеяны также в депешах саксонского посланника Лефорта (см.: Сб. Рус. ист. о-ва. Т. 5. С. 396, 451—458 и др.).

³³ Людвиг-Иоанн-Вильгельм, принц Гессен-Гомбургский, сын ландграфа Фридриха-Якова, родился в 1705 г., приехал в Россию в 1723 г. и тогда же принят в русскую службу с чином полковника. Петр Великий предполагал женить его на цесаревне Елизавете Петровне, но брак этот не состоялся по случаю смерти государя, а потом по нежеланию цесаревны. Император Петр II произвел принца Людвига в генерал-майоры, а императрица Анна Ивановна пожаловала его, в 1730 г., генерал-лейтенантом, премьер-майором Преображенского полка и членом Военной коллегии. Принц успел сблизиться с Бироном и в 1732 г. был назначен главнокомандующим русскими войсками на Кавказе. В следующем году, когда турецкий султан, находившийся в войне с Персией, приказал крымскому хану вторгнуться с татарами через принадлежавшую нам Кабарду в кавказские владения Персии, принц Людвиг получил от императрицы повеление противиться вооруженной рукой вторжению крымцев. Не позаботившись сосредоточить свои разбросанные войска, принц двинулся с 4000 человек против татарских полчищ, сразился с ними у селения Горанчи и, окруженный со всех сторон многочисленным неприятелем, понес огромную потерю и едва избегнул плена. Вследствие этого он был отозван, но оправдался в своей неудаче и получил за службу ордена Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного и звание генерал-фельдцейхмейстера. В турецкую войну 1734—1739 гг. принц Людвиг состоял при армии, находившейся под начальством Миниха, но постоянно ссорился с фельдмаршалом и, наконец, должен был вернуться в Петербург, где своими жалобами и доносами на Миниха возбудил против последнего неудовольствие Бирона, который приказал назначить над фельдмаршалом суд, окончившийся, однако, ничем. С объявлением войны Швеции, в 1740 г. принц Людвиг снова обнажил шпагу, но, по свидетельству Манштейна, находился в почтительном расстоянии от неприятеля. В день восшествия на пре-

стол императрицы Елизаветы Петровны, в 1741 г., принц Людвиг, содействовавший этому перевороту, сделан капитан-поручиком учрежденной тогда Лейб-кампании, а в день коронации государыни пожалован генерал-фельдмаршалом, подполковником Измайловского полка и назначен директором Шляхетного кадетского корпуса. Вслед за тем принц Людвиг, по случаю возникших между ним и канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым неудовольствий, решил оставить Россию и жить в своем княжестве; но, выехав за границу, умер в Берлине, в 1745 г.

«Принц Людвиг Гессен-Гомбургский,— говорит Манштейн,— не имел ни ума, ни образования, ни манер; он был сварлив, трус и готов на всевозможные низости; но несмотря на это постоянно повышался по службе. При императрице Анне он был сделан генерал-фельдцейхмейстером и так дурно исполнял свои обязанности, что привел все дела артиллерийского управления в величайший беспорядок. Императрица Елисавета пожаловала его генерал-фельдмаршалом, и в первые месяцы ее царствования он находился в большой милости, но скоро выказал себя в настоящем свете и потерял всякое уважение. Презираемый в армии, он сделался посмешищем при дворе, где его называли не иначе, как «фельдмаршалом-комедиантом» (*Mémoires*. 1860 Т. 2. Pg. 229 и 230).

Фельдмаршал граф Миних в поданной им императрице Анне Ивановне, в 1737 г., записке о свойствах подчиненных ему генералов, следующим образом выражается о принце Людвиге: «Весьма горяч и вспыльчив; не соблюдает никакого чиновочтения и повиновения; имеет бледное лицо во время дела; ему недостает твердой решимости, часто бывает нездоров и потому не годится к полевой службе; так как он хорошо понимает русский язык и службу, то можно сделать его или вице-президентом Военной коллегии, или президентом в артиллерийской канцелярии» (Сев. арх. 1822. № 3).

³⁴ Мы не знаем, о женах каких именно послов говорит в этом письме леди Рондо. В 1735 г. при русском дворе находились четыре посланника, носившие графский титул, именно: австрийский — граф Остен; голштинский,— граф

Бонде, датский — граф фон Дек и польско-саксонский — граф Линар (холостой). Сведения эти мы заимствуем из списка иностранных послов, бывших в России в царствование императрицы Анны Ивановны, который обязательно сообщен нам директором Моск. арх. М-ва иностр. дел, гофмейстером бароном Ф. А. Бюлером, столь радушно оказывающим свое содействие всем, занимающимся русской историей. Кстати, на случай могущих встретиться справок, считаем нелишним привести здесь список этот вполне.

Австрия. 1) Гогенгольц Николай-Себастиан, резидент, с октября 1727 по декабрь 1747 г. — 2) Граф Вратислав Карл-Франциск, тайный советник, чрезвычайный посланник, с июня 1728 по январь 1733 г. — 3) Граф Остен Карл-Генрих, полномочный министр, с сентября 1734 по январь 1739 г. — 4) Маркиз де Ботта д'Адорно, фельдмаршал-лейтенант, с февраля по март 1738 г. в характере посла с июня 1739 по июль 1740 г.

Англия. 1) Рондо Клавдий (бывший секретарь консула Вордо), резидент с ноября 1731 по октябрь 1739 г. — 2) Форбес, лорд, полномочный министр, с июня 1733 по май 1734 г. — 3) Финч Эдуард, полномочный министр, с июня 1740 по февраль 1742 г.

Голландия. 1) Де Дие Даниил, чрезвычайный посланник, с июля 1730 по июль 1732 г. — 2) Шварц, резидент, с сентября 1733 по июнь 1760 г.

Голштиния. 1) Граф Бонде, обер-камергер, чрезвычайный посол, с ноября 1728 по июль 1736 г. — 2) Тессин, генерал-майор, с декабря 1729 по август 1731 г.

Дания. 1) Вестфаль Ганс-Георг, чрезвычайный посланник, с июня 1722 по ноябрь 1733 г. — 2) Граф фон Дек, чрезвычайный посланник, с августа 1734 по июль 1736 г. — 3) Барон фон Бокгоф Иоанн, резидент с 1736 по август 1740 г., а с этого времени посланник по ноябрь 1741 г.

Испания. Дюк де Лириа, гранд, камергер, фельдмаршал, посланник с декабря 1727 по октябрь 1730 г. По его отбытии остался королевский секретарь де Каскос, о времени отъезда которого сведений в архиве не имеется.

Польша (и Саксония). 1) Лефорт, чрезвычайный посланник, с июля 1730 по май 1734 г. — 2) Граф Линар, чрезвычайный посланник, с апреля 1733 по декабрь 1736 г. —

3) Сум, тайный советник, чрезвычайный посланник, с февраля 1737 по август 1740 г. — 4) Князь Огинский, литовский обозный, с января по июнь 1740 г.

Пруссия. Барон Мардефельд Аксель, тайный военный советник и камергер, чрезвычайный посланник, с июня 1728 по август 1746 г.

Франция. 1) По отъезде во Францию полномочного министра Кампредона в мае 1726 г., остался в России секретарь посольства Маньян, о времени отъезда которого сведений нет. — 2) Маркиз де ла Шетарди, чрезвычайный посол, с декабря 1739 по август 1742 г.

Швеция. 1) Фон Дитмер Иоахим, канцелярии советник, чрезвычайный посланник, с августа 1729 по сентябрь 1738 г. — 2) Фон Нолькен Эрик-Мариас, чрезвычайный посланник, с сентября 1738 по июль 1741 г.

Германские княжества: Ангальт-Бернбург. Фон Ротмелер, тайный советник, в сентябре 1735 г. **Брауншвейг.**

1) Фон Крамер, Август-Адольф, тайный советник, с августа 1727 по март 1731 г.; вторично — с мая по июль 1739 г. —

2) Гросс Христиан-Фридрих, секретарь посольства, с мая 1731 по март 1741 г. **Вольфенбютель.** 1) Фон Книстедт

Христиан-Фридрих, тайный посольства советник, с февраля по сентябрь 1733 г. — 2) Сомерланд, полковник, с марта по май 1735 г. (Приезжал с известием о кончине герцога

Брауншвейг-Вольфенбютельского Рудольфа). — 3) Фон Кейзерлинг Иоанн-Гебгардт, тайный посольства советник, чрезвычайный посланник, с марта 1735 по декабрь 1740 г.

Гессен-Гомбург. 1) Пассер Христиан-Готлиб, надворный советник посольства, в феврале 1734 г. **Мекленбург.**

1) Остерман Иоанн-Христофор, сначала надворный, а потом тайный советник, полномочный министр, с декабря 1716 по декабрь 1741 г. — 2) Тидеман Георг-Иоахим, с января по июнь 1731 г. — 3) Гейль, надворный советник, с августа по ноябрь 1734 г.

35 У короля прусского Фридриха-Вильгельма была особенная страсть к рослым солдатам. Не обращая внимания на всеобщие насмешки и протесты, он вербовал везде, где только мог, то с помощью хитрости, то силою, то наконец за значительные суммы, великанов, из которых сформиро-

вал трехбатальонный полк потсдамских лейб-гренадеров. Некоторые государи, в том числе Петр Великий, чтобы расположить к себе Фридриха-Вильгельма, ежегодно присылали в Потсдамскую гвардию несколько великорослых солдат.

³⁶ Леди Рондо говорит о Стрельне, где Петр Великий начал строить, в 1711 г., по плану архитектора Леблонда и по образцу Версальского дворца, большой каменный двухэтажный дворец, окруженный валом, каналами и обширным садом с террасами, гротами, прудами и фонтанами. Дворец этот не только не был окончен при жизни Петра, но оставался неотстроенным до 1797 г., когда Стрельна сделалась собственностью великого князя Константина Павловича, который возобновил Стрельнинский дворец, расширил его новыми пристройками, привел в порядок сад и вообще значительно украсил это место.

³⁷ Приводим еще три отзыва современников о Бироне. Один из них сделан дюком де Лириа, который, впрочем, не мог хорошо узнать фаворита Анны Ивановны, потому что уехал из России в 1731 г., когда Бирон еще сдерживался и мало занимался государственными делами. Остальные два — принадлежат фельдмаршалу графу Миниху и Манштейну.

«Граф Бирон,— пишет де Лириа,— много лет верно служил ее величеству, исполняя в то же время обязанности супруга. Он был очень вежлив, внимателен, хорошо воспитан, ревнив к славе своей государыни и готов на всякую услугу; но вместе с тем имел ограниченный ум, находился под влиянием лиц, умевших вкратиться в его доверие, и не мог отличать дурных советов от хороших. Обхождение его было любезно, разговор приятен. Он обладал недурною наружностью и непомерным честолюбием, с большою примесью тщеславия» (Extrait du journal, фр. рукопись; Записки дюка Лирийского. Изд. 1845 г. С. 122).

«Бирон имел красивую наружность, — говорит Манштейн,— он не получил никакого образования и был обязан теми незначительными знаниями, которыми обладал, исключительно только самому себе. Он не отличался

умом, но не был лишен здравого смысла, хотя многие и отказывают ему в этом. К нему можно по справедливости отнести пословицу, что обстоятельства создают человека: приехав в Россию, он не имел ни малейшего понятия о политике, но через несколько лет коротко узнал все, что касалось государства; первые два года он устранился от дел, но потом пристрастился к ним и управлял всем. Он чрезвычайно любил роскошь и великолепие, в особенности лошадей. По этому поводу граф Остен, австрийский посол, ненавидевший его, выражался, что он говорит о лошадях и с лошадьми как человек, а с людьми как лошадь. Он имел много пороков; был высокомерен, самолюбив до крайности, груб и даже дерзок, корыстолюбив, враг неумолимый и жестокий в мести. Он старался быть скрытным, но не мог никогда сравниться в этом искусстве с графом Остерманом» (Mémoires. 1860. Т. 1. Pg. 70).

«Бирон, столь быстро достигший первых государственных степеней,— пишет Миних,— не имел никакого образования, говорил только по-немецки и на своем природном курляндском наречии; он даже худо читал по-немецки, в особенности если при этом попадались латинские или французские слова. Он не стыдился прямо говорить всем, при жизни императрицы, что не хочет учиться русскому языку для того, чтоб не быть вынужденным читать государыне донесений, просьб и других бумаг, присылавшихся ему ежедневно.

У него были две страсти: одна, довольно благородная,— к лошадям и верховой езде; в бытность свою обер-камергером, он отлично выезжал себе лошадей и всякий день упражнялся в верховой езде в манеже, куда императрица часто приезжала и куда, по ее приказанию, являлись иногда министры с докладами о государственных делах. По желанию Бирона были издержаны огромные суммы на устройство конских заводов в России, для которых, по недостатку местных лошадей, выписывались жеребцы из Испании, Англии, Италии, Германии, Пруссии и Турции. Второй страстью его была — игра. Он не мог провести дня без карт и нередко ставил избранных им партнеров в весьма неловкое положение, потому что играл по большой. Он был довольно хорош собою, умел нравиться и питал

такую привязанность к императрице, что не покидал ее ни на минуту; в случае же своего отсутствия непременно оставлял при ней свою жену. Он был щедр, но вместе с тем расчетлив, пронырлив и чрезвычайно мстителен, лучшим доказательством чему служит гибель Волынского, вся вина которого заключалась только в том, что он желал удалить его от двора» (Ebauche. Pg. 127—129).

Кстати, приведем также мнение о Бироне короля прусского Фридриха II: «Бирон один имел заметное влияние на императрицу Анну. От природы тщеславный, грубый и жестокий, он, однако ж, был тверд и решителен в делах и склонен к предприятиям самым обширным. Побуждаемый честолюбием, он желал прославить имя своей государыни по всему свету. Жадный к приобретениям и вместе с тем расточительный, он обладал несколькими полезными качествами, не имея ни одного хорошего или привлекательного» (Oeuvres historiques de Frédéric II. 1830. T. 2. Pg. 46).

³⁸ Бенигна-Готлиб фон Тротта-Трейден, дочь курляндского дворянина, родилась в 1703 г., и благодаря связям своего отца была сделана в 1720 г. фрейлиной при дворе герцогини Курляндской Анны Ивановны. Некрасивая, болезненная, с ограниченным умом и дурными манерами, Бенигна-Готлиб скоро приобрела искреннее расположение герцогини своею преданностью ей и безусловным подчинением всем ее требованиям и капризам. В 1723 г. Анна Ивановна, чтобы прикрыть отношения свои к Бирону, женила его на Бенигне-Готлиб, которая с этого времени сделалась ее неразлучной собеседницею и другом и ревниво оберегала положение своего мужа при герцогине от всякого постороннего влияния. Анна Ивановна, даже впоследствии, не имела своего стола и постоянно обедала и проводила вечера в семействе фаворита. В 1730 г., по восшествии на престол Анны Ивановны, жена Бирона была пожалована статс-дамой; через семь лет сделалась герцогинею Курляндской и затем кавалерственной дамой ордена Св. Екатерины. За свое высокомерие и тщеславие она пользовалась общей нелюбовью при дворе. Получив титул герцогини, Бенигна-Готлиб старалась разыгрывать роль владетельной особы; в торжественные дни показыва-

лась посетителям не иначе как осыпанная бриллиантами, сидя на высоком кресле, напоминавшем трон, протягивала для целования обе руки и оскорблялась, если целовали одну, и т. п. В 1740 г., разделяя участь мужа, она была арестована, лишена ордена и сослана сперва в Пелым, а потом в Ярославль, где прожила до 1762 г. Во время пребывания своего в ссылке Бенигна-Готлиб сочиняла на немецком языке стихотворения духовного содержания, которые в 1777 г. были изданы в Митаве под заглавием: «Eine grosse Kreuzstra gerin». Императрица Екатерина II, вступив на престол, возвратила ей екатерининский орден, а ее мужу герцогство Курляндское. Поселившись в Митаве, окруженная пышной обстановкой, двором и наружным почетом, Бенигна-Готлиб провела последние годы жизни в полном довольстве, имея все способы для удовлетворения своего мелочного тщеславия. Она умерла в 1788 г.

³⁹ Остерман был женат на дочери ближнего стольника, Марфе Ивановне Стрешневой, принадлежавшей к фамилии, родственной с царским домом и весьма богатой. Существует рассказ, что когда Остерман, возведенный за заключение Ништадтского мира в баронское достоинство и награжденный деньгами и деревнями, явился благодарить Петра Великого, то царь, обняв и расцеловав его, сказал ему с дружеским участием: «Все хорошо, Андрей Иванович, ты теперь и знатен, и богат, но в России ты чужой человек и не имеешь родственных связей. Я хочу посватать тебе невесту». Остерман с радостью изъявил согласие на такое предложение, и Петр через несколько дней женил его на Стрешневой.

Графиня Марфа Ивановна была пожалована в 1725 г. статс-дамой и состояла в этом звании при императрицах Екатерине I и Анне Ивановне и при правительнице Анне Леопольдовне. В 1742 г. она сопровождала мужа в ссылку в Березов, а по кончине его, в 1747 г., поселилась в Москве, где и умерла, в 1781 г., восьмидесяти трех лет от роду.

⁴⁰ Две характеристики Остермана, сделанные дюком де Лириа и мужем леди Рондо, а равно и краткие биографические сведения о нем читатели найдут в приложении

к этой книге. В дополнение к ним приводим отзывы об Остермане Фридриха II и Манштейна.

«Царствование Петра Великого,— говорит Фридрих II,— образовало человека, как бы нарочно созданного для того, чтобы нести на себе бремя государственного управления при преемниках Петра,— графа Остермана. Подобно опытному кормчему, он в эпоху переворотов самых бурных верною рукою управлял кормилом империи, являл осторожность или отважность, смотря по обстоятельствам, и знал Россию, как Верней человеческое тело» (*Oeuvres de Frédéric II. 1730. T. 2. Pg. 44*).

«Граф Остерман,— пишет Манштейн,— был, бесспорно, одним из величайших государственных людей своего времени. Он подробно изучил и отлично понимал политику всех европейских дворов. Быстрота соображения и обширный ум соединялись в нем с редким трудолюбием и способностью скоро и легко работать. Бескорыстный и неподкупный, он никогда не брал подарков от иностранных дворов без разрешения русского правительства. Однако, с другой стороны, он был слишком недоверчив и подозрителен, не терпел не только высших, но и равных себе, если они в чем-либо превосходили его. Сотоварищи его по управлению были постоянно им недовольны, потому что он хотел управлять всем, требуя от других лишь безусловного одобрения своих действий. В затруднительных обстоятельствах он избегал высказывать свое мнение и в подобных случаях, обыкновенно, притворялся больным; благодаря такой тактике ему удалось удержаться при шести разных правительствах. Он имел особенную манеру выражать свои мысли, так что немногие могли похвалиться тем, что понимали его. Часто иностранные послы, после продолжительной беседы с ним, уходили из его кабинета, не узнав ровно ничего. Все, что он говорил или писал, можно было понимать двояким образом. Хитрый и скрытный, он умел владеть собою и, если встречалась надобность, мог казаться растроганным до слез. Он никогда ни на кого не смотрел прямо, опасаясь, чтобы глаза не выдали его задушевных помыслов» (*Mémoires. 1860. T. 2. Pg. 211—214*).

⁴¹ Леди Рондо ошибочно относит назначение князя Черкасского кабинет-министром к 1736 г. — он получил это звание в 1731 г., при самом учреждении Кабинета, который возник по мысли Остермана, желавшего поставить между верховною властью и Сенатом особое учреждение, где он мог бы занять видное место. Установление Кабинета, по словам манифеста, изданного по этому случаю, имело целью «лучшее и порядочное управление всех государственных дел и пользу подданных». Кабинету был предоставлен высший надзор за течением дел во всех государственных учреждениях, а Сенату, Синоду, коллегиям и канцеляриям приказано представлять ежемесячно в Кабинет рапорты о производящихся в них «челобитчиковых» делах, «для усмотрения безволокитно ли по оным решения бывают». Кабинет состоял первоначально из трех членов: канцлера, графа Г. И. Головкина, Остермана и князя Черкасского, называвшихся «кабинет-министрами». Через год после смерти Головкина, в 1735 г., место его занял Ягужинский. Затем кабинет-министрами были: Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин, Миних (носивший при правительнице Анне Леопольдовне звание «первого» министра) и, наконец, граф М. Г. Головкин. В 1741 г., через десять дней по воцарении Елисаветы Петровны, Сенат представил ей доклад, где между прочим говорилось, что по причине учреждения Кабинета «произошло многое упущение дел государственных, внутренних, всякого звания, а правосудие уже и весьма в слабость пришло». Вследствие этого доклада 12 декабря того же года состоялся высочайший указ об уничтожении Кабинета.

⁴² Краткие биографические сведения о князе Черкасском и мнения о нем мужа леди Рондо и дюка де Лириа находятся в приложении. К ним мы можем добавить только отзыв о Черкасском историка, князя М. М. Щербатова.

«Сей человек,— говорит Щербатов,— весьма посредственный разумом своим, ленив, незнающ в делах и, одним словом, таскающий, а не носящий свое имя, и гордящийся единым своим богатством, все в угодность монархине, со всем возможным великолепием жил. Одежды его наносили ему тягость от золота и серебра, и блистанием — ослепля-

ли очи; экипажи его, к чему он и охоты не имел, кроме что лучшего вкуса, были выписаны из Франции, наидрагоценнейшие; стол его великолепен, услуга многочисленна и житье его, одним словом, было таково, что не однажды случилось, что нечаянно приехавшую к нему императрицу с немалым числом придворных он в вечернем кушании, якобы изготавливаясь, мог угощать, а сие ему достоинством служило, и он во всяком случае у двора, невзирая на разные перемены, в рассуждении его особы, был особливо уважаем» (О повреждении нравов в России // Рус. старина. 1870. Ч. 2. С. 104).

⁴³ Краткие биографические сведения о Ягужинском и характеристики его, сделанные дюком де Лириа и мужем леди Рондо, находятся в приложении. При этом считаем нелишним заметить, что отзыв последнего противоречит не только отзыву, сделанному его женой, но и всем другим историческим сведениям о Ягужинском.

⁴⁴ Известно, что императрица Анна Ивановна очень любила охоту и стрельбу из ружей, в чем приобрела такую сноровку, что без промаха попадала в цель и на лету убивала птиц. Во внутренних покоях ее стояли всегда заряженные ружья, и она стреляла из них через окна в мимо летавших ласточек, воробьев, галок и т. п. В галерее дворца находился большой тир, где назначалась иногда призовая стрельба, в которой должны были обязательно принимать участие все придворные, не исключая и дам.

⁴⁵ Наталья Федоровна Лопухина, рожденная Балк, была дочерью родной сестры Анны Монс (см. примеч. 9), Матрены Ивановны, находившейся в замужестве за генерал-лейтенантом Ф. Н. Балком. Наталья Федоровна отличалась замечательною красотой, обращавшей на нее общее внимание мужчин и зависть женщин. В 1718 г., имея шестнадцать лет от роду, она вышла замуж за двоюродного брата первой жены Петра Великого, царицы Евдокии Федоровны (см. примеч. 16), Степана Васильевича Лопухина, который долгое время жил в Лондоне, обучаясь морским наукам, служил в царствование Петра на флоте и впослед-

ствии был камергером, генерал-лейтенантом и генерал-кригс-комиссаром. Открытая связь Лопухиной с графом Левенвольде (см. примеч. 46) продолжалась много лет и, несмотря на ветреность и беспрестанные измены своего любовника, она страстно любила его. Когда Левенвольде, при восшествии на престол Елисаветы Петровны, был арестован, судим и потом сослан, Лопухина всеми мерами старалась облегчить его участь и неоднократно обращалась с ходатайством и просьбами к императрице; но, встречая постоянно отказы, возненавидела Елисавету Петровну и, в кружке родных и друзей, не скрывала неприязненных чувств своих к императрице и надежд на скорое освобождение из ссылки и воцарение брауншвейгской фамилии. Сын Натальи Федоровны, подполковник Иван Лопухин, разделявший взгляды своей матери, имел неосторожность сказать при двух знакомых ему офицерах несколько оскорбительных для императрицы слов. Арестованный по доносу этих офицеров и подвергнутый пытке, он выдал мать и ее друзей. Хотя произведенное следствие не обнаружило существования каких-либо замыслов против государыни, тем не менее делу этому было придано значение политического заговора и виновные пострадали жестоко. В августе 1743 г. Наталья Федоровна, публично наказанная плетьюми с урезанием языка, была сослана в Сибирь, где и прожила в нужде и бедности до воцарения императрицы Екатерины II, которая возвратила ей свободу. Она скончалась в 1763 г.

⁴⁶ Граф Карл-Рейнгольд Левенвольде, сын обер-гофмаршала двора супруги царевича Алексея Петровича, родился около 1700 г. в Лифляндии, начал службу камер-юнкером при дворе императрицы Екатерины I и, благодаря своей красивой наружности, сделался фаворитом этой государыни, которая наградила его званием камергера, графским достоинством, александровской лентой и, наконец, своим портретом, осыпанным бриллиантами. Не занимая особенно видного места при дворе Петра II, Левенвольде, по воцарении Анны Ивановны, был сделан обер-гофмаршалом, получил в 1732 г. орден Св. Андрея Первозванного, но, кроме угождения Бирону, не вмешивался ни в ка-

кие дела. Волокита, страстный игрок и любитель всевозможных удовольствий, он занимался только покорением женских сердец, картами и устройством блестящих придворных праздников. В кратковременное правление Анны Леопольдовны Левенвольде против воли был впутан в политику и дворские интриги и за это жестоко пострадал при перевороте, доставившем престол императрице Елисавете Петровне. Лишенный в 1742 г. чинов и орденов, он был сослан в Соликамск, где и умер в 1758 г.

⁴⁷ Савва Владиславич Рагузинский, родом иллириец, прибыл в Россию в 1702 г. под именем «греческого купца», открыл в Архангельске контору и, пользуясь покровительством Петра Великого, завел обширную торговлю с европейскими государствами, преимущественно с Италией, куда Петр неоднократно посылал его с разными поручениями. В одну из поездок своих в Венецию Рагузинский купил себе титул графа и, сверх того, как уверяет леди Рондо, жену. В начале царствования императрицы Екатерины I, имея уже чин действительного статского советника, он был отправлен чрезвычайным послом в Китай для более точного определения границ этого государства с Россией и восстановления торговых сношений с китайцами. Успешно выполнив поручение и заключив в 1727 г. небезвыгодный для России договор с Китаем в Буре, Рагузинский вернулся в Москву в 1728 г. и был пожалован чином тайного советника и орденом Св. Александра Невского. Он умер в Петербурге в 1738 г.

⁴⁸ Вскоре после вступления на престол императрицы Анны Ивановны, графы Остерман и (Карл-Густав) Левенвольде-старший, видя решительное намерение государыни не вступать во вторичный брак и опасаясь самых дурных последствий для немецкой партии в случае внезапной кончины бездетной императрицы, подняли вопрос о престолонаследии. Они советовали Анне Ивановне выдать замуж племянницу ее, принцессу Мекленбургскую Анну Леопольдовну, за какого-нибудь иностранного принца и потом избрать наследника престола из детей, которые произойдут от этого брака, не обращая внимания на

право первородства. Остерман и Левенвольде указывали прямо на будущих детей Анны Леопольдовны, а не на нее лично, имея в виду, во-первых, утвердить на троне мужское поколение и, во-вторых, устранить всякое влияние и вмешательство находившегося еще в живых отца принцессы, беспокойного герцога Мекленбургского, который не замедлил бы причинить России много затруднений и неприятностей, если б дочь его сделалась русской императрицей. После некоторых колебаний императрица согласилась на такое предложение и поручила графу Левенвольде отправиться за границу и высмотреть под рукою принца, достойного сделаться родителем будущего русского императора. Австрийский император Карл VI, узнав о решении, принятом русской императрицей, поспешил, в интересах своей политики, рекомендовать в женихи Анне Леопольдовне племянника своего, принца Брауншвейг-Беверн-Люнебургского Антона-Ульриха. Благодаря представлениям венского двора и стараниям задобренного Карлом VI Левенвольде, принц Антон был приглашен в Россию и в феврале 1733 г. приехал в Петербург. Девятнадцатилетний принц, худой, небольшого роста, неловкий и застенчивый, произвел весьма невыгодное впечатление на императрицу и на свою будущую супругу, но, несмотря на это, был принят очень вежливо и сделан подполковником кирасирского полка, названного в честь его Бевернским. «Принц нравится мне так же мало, как и принцесса,— говорила Анна Ивановна своим приближенным,— но высокие особы не всегда соединяются по склонности. Впрочем, он кажется мне человеком миролюбивым и уступчивым, и я во всяком случае не удалю его от двора, чтоб не обидеть австрийского императора». В ожидании совершеннолетия невесты, принц остался жить при русском дворе. Несмотря на все старания его сблизиться с Анной Леопольдовной, он постоянно встречал со стороны ее лишь холодность и явное нерасположение. Вскоре открылось, что сердце молодой принцессы уже принадлежит красивому саксонскому посланнику, графу Линару, и что гувернантка ее, г-жа Адеркас, вместо наблюдения за своей воспитанницей, содействует развитию в ней этой страсти. Адеркас была немедленно выслана за границу, а Линар, по просьбе

императрицы, отозван своим двором. Между тем Бирон, убедившись в полном равнодушии Анны Леопольдовны к принцу Антону, задумал воспользоваться этим обстоятельством и женить на ней старшего сына своего Петра (см. примеч. 51). Чтобы иметь более свободы и времени для достижения цели, он, под предлогом военного образования принца Антона, отправил последнего в армию Миниха, действовавшую против турок. Состоя при Минихе волонтером, принц участвовал в кампании 1737—1738 гг., успел несколько раз отличиться и, по возвращении в Петербург, в награду за оказанную храбрость, получил чин генерал-майора и ордена Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного. Надежды Бирона на доставление своему потомству русского престола не осуществились. Когда императрица предложила племяннице сделать окончательный выбор между сыном Бирона и принцем Антоном,— Анна Леопольдовна, ненавидевшая фаворита и все его семейство, отвечала прямо: «Если на то воля вашего величества, я лучше пойду за принца Брауншвейгского, потому что он в совершенных летах и старого дома». Такой ответ принцессы и настойчивые представления венского двора решили, наконец, судьбу принца Антона. 3 июля 1739 г. было торжественно совершено бракосочетание его с Анной Леопольдовной, которая, через тринадцать месяцев, родила сына Ивана, объявленного 6 октября 1740 г. наследником русского престола, а 17-го числа того же месяца и года, в день кончины императрицы Анны Ивановны, провозглашенного императором под опекой Бирона. В кратковременное регентство герцога Курляндского и правление своей супруги принц Антон не принимал почти никакого участия в государственных делах, хотя и носил почетное звание генералиссимуса русских войск. При перевороте 1741 г., доставившем корону цесаревне Елисавете Петровне, принц Антон был арестован и содержался с семейством сперва в Рижской крепости, потом в Динамюнде, Раненбурге и, наконец, Холмогорах. Здесь он лишился жены, оплакал сына, давно уже разлученного с ним и погибшего в 1764 г. в Шлиссельбурге, наконец, ослеп и умер в 1774 г.

⁴⁹ Маркиз Антоний Ботта де Адорно родился в 1693 г. в Павии, поступил на службу в 1712 г. в австро-венгер-

скую армию, с отличием участвовал во многих кампаниях под начальством принца Евгения, отзывавшегося весьма лестно о его военных способностях, и очень скоро дослужился до чина генерал-фельдмаршал-лейтенанта. Имея, кроме того, звания камергера и гофкригсрата, он неоднократно исполнял дипломатические поручения при разных европейских дворах и в 1738 г. был назначен австрийским послом в Петербург. Ботта с особенной настойчивостью хлопотал о бракосочетании принца Антона-Ульриха с Анной Леопольдовной, надеясь, посредством этого союза, доставить венскому кабинету преобладающее влияние при русском дворе. Когда неожиданное вступление на престол Елисаветы Петровны расстроило его планы, он вошел в сношения с кружком лиц, недовольных новой государыней, и, замешанный в 1743 г. в дело Лопухиной (см. примеч. 45), был заключен своим правительством, из угождения русской императрице, в крепость Шпильберг, где содержался, впрочем, только для виду и самое короткое время. Он умер в 1745 г.

⁵⁰ Младший сын Бирона, Карл, любимец императрицы Анны Ивановны, родился в 1728 г. в Митаве и, четырех лет от роду, был сделан бомбардир-капитаном Преображенского полка, а в 1740 г. получил александровский и андреевский ордена, последний — с бриллиантами. Разделяя ссылку отца в Пельме и Ярославле, принц Карл, по вступлении на престол Петра III, был произведен в генерал-майоры и вторично пожалован александровским кавалером. При императрице Екатерине II он уехал в Курляндию, жил большею частью за границею и умер в 1801 г., заслужив себе репутацию величайшего шалуна и повесы.

⁵¹ Старший сын Бирона, Петр, родился в 1724 г. в Митаве и, по воцарении императрицы Анны Ивановны, был пожалован на восьмом году своего возраста прямо в ротмистры Минихова кирасирского полка. Когда отец его был избран в 1736 г. в герцоги Курляндские, Петр Бирон начал именоваться наследным принцем и в 1740 г. получил чин подполковника конной гвардии и ордена Св. Александра Невского

и Св. Андрея Первозванного, последний — с бриллиантовыми звездой и крестом. По низвержении отца принц Петр, лишенный чинов и орденов, последовал за ним в ссылку сперва в Пелым, а потом в Ярославль, где прожил около двадцати лет. Император Петр III возвратил Биронам свободу, пригласил их в Петербург и пожаловал принца Петра генерал-майором и вторично александровским кавалером. Императрица Екатерина II отдала бывшему герцогу его герцогство, а принцу Петру титул наследного принца и в 1764 г., при посещении своем Митава, возложила на него андреевский орден. В 1769 г. принц Петр заменил в управлении герцогством Курляндским своего одряхлевшего отца и стал писаться «владеющим», а по смерти его, в 1772 г., наследовал его титул, двадцать три года был герцогом Курляндским и в 1795 г. уступил свое владение русской императрице за 500 000 червонцев и ежегодную пенсию в 25 000 червонцев. После этого экс-герцог Петр купил себе в прусской Силезии поместье Саган, где и умер в 1800 г.

⁵² Единственная дочь Бирона, Гедвига-Елисавета, родилась в 1727 г. в Митаве, и в 1740 г. была сделана камерфрейлиной и получила портрет императрицы, богато осыпанный бриллиантами. Находясь вместе с отцом в ссылке в Ярославле, она бежала оттуда в 1749 г. и, изъявив желание креститься в православную веру, приобрела этим расположение императрицы Елисаветы Петровны, была сделана надзирательницей над фрейлинами и в 1759 г. выдана замуж за барона А. И. Черкасова. Она скончалась около 1796 г.

⁵³ Василий Феодорович Салтыков, родственник императрицы по матери ее, царице Прасковье Феодоровне, рожденной Салтыковой, родился в 1675 г. и в царствование Анны Ивановны был генерал-полицеймейстером в Петербурге и сенатором; при правительнице пожалован генерал-аншефом, а в день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны получил андреевскую ленту. Он умер в 1755 г. Леди Рондо ошибочно называет его графом; Салтыков не имел этого титула.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСКА
английского резидента К. Рондо

О НЕКОТОРЫХЪ ВЕЛЬМОЖАХ
РУССКОГО ДВОРА
в 1730 году

В 1858 году, быв допущен к обозрению хранящихся в Лондонском королевском архиве бумаг, относящихся к русской истории, я нашел, между прочими любопытными документами, записку под заглавием: «*Характеры некоторых Русских вельмож*» (Characters of some Russian noblemen). В записке этой я узнал подлинник заметок английского резидента Рондо, упоминаемых в вышедшем несколько лет тому назад в Берлине сочинении «Русский двор в минувшем столетии». Вполне они, кажется, не были до сих пор напечатаны; предлагаю их в русском переводе.

Время составления записки на ней не означено, но она, очевидно, относится к первым числам января 1731 г. Ягужинский в ней называется еще графским титулом, который пожалован ему 19 января 1731 г., а об опале Долгоруковых, отправленных в ссылку из своих деревень 12 июня 1730 г., говорится как о происшествии, случившемся в предшествовавшем году. Этому могло бы противоречить то, что не упоминается о смерти фельдмаршала князя Голицына, последовавшей 10 декабря 1730 г., но он умер в Москве и в немилости; при медленности тогдашних сообщений весьма легко могло случиться, что изве-

стие об его смерти не скоро было получено в Петербурге. Следовательно, безошибочно, кажется, можно отнести составление записки к промежутку времени между 21 декабря 1730 г. (1 января нового стиля) и 19 января 1731 г.

Заметки Рондо часто противоречат подобным же заметкам бывшего испанским послом при русском дворе, французского маршала, герцога де Лириа (Jacques Fitz-James, duc de Berwick et de Liria). Так, например, де Лириа выставляет графа Головкина человеком способным и неподкупным, фельдмаршала князя Голицына умным и щедрым, князя Долгорукого (дипломата) весьма подверженным подкупу. В записке Рондо, напротив, приписываются этим самым лицам совершенно противоположные качества. В ней же находится сведение, которое опровергает доселе общепринятое мнение о честности Ягужинского: по словам Рондо, *он состоял на жалованье у короля датского и у цезаря*. К сожалению, общая испорченность тогдашних нравов наводит на мысль, что де Лириа мог не иметь случая удостовериться в корыстолюбии лиц, которые были доступны подкупам Рондо, и что, наоборот, Рондо нашел неподкупность в тех, в которых не встретил ее де Лириа.

Для сличения отзывов обоих дипломатов и для лучшей проверки служебной деятельности вельмож, описываемых Рондо, в примечаниях к этой статье помещены краткие очерки их службы и заимствованные из русского перевода записок де Лириа «Характеры» их. В выносках исправлены некоторые, сделанные у Рондо, ошибки и изложена вкратце служебная деятельность тех лиц, которых имена попадают в его записке.

Юрий Толстой

ХАРАКТЕРЫ

некоторых русских вельмож

Великий канцлер граф Головкин. Сын бедного дворянина*, бывшего начальником охоты у князя Хованского**, первого министра в царствование царя Алексея Михайловича. Головкин находился в числе домочадцев князя *Алексея Борисовича* (так!) Голицына***, когда сей последний, в правление царевны Софии, был дядькою или воспитателем юного брата

* *Головкин Иван Семенович* (отец канцлера), из московских дворян был пожалован в постельничьи к Петру I в 1682 г.; в окольничьи в 1689; в бояре в 1682; он был двоюродным дядею и крестным отцом матери Петра I, царицы Натальи Кирилловны, рожд. Нарышкиной.

** *Хованский*, боярин-дворецкий, князь *Иван Никитич*, при царе Алексее Михайловиче управлял Приказом большого прихода (1651—1654), до дворечества своего провел четыре года (1645—1649) в ссылке в Сибири; умер в 1675 г. Он был двоюродный брат известного начальника Стрелецкого приказа, князя *Ивана Андреевича Хованского* (*Тараруя*), который также был боярином-дворецким Алексея Михайловича (с 1659 г.) и казнен в правление царевны Софии (17 сентября 1683 г.).

*** *Голицын*, боярин, князь *Борис Алексеевич*, род. 20 июля 1641 г. и был воспитателем Петра I, начав службу комнатным стольником и кравчим; в 1689 г., при опале своего двоюродного брата, знаменитого князя *Василия Васильевича Голицына*, по обвинению Нарышкиных, был сослан в свою деревню, но в следующем же году возвращен ко двору, пожалован в бояре и в 1697 г. назначен одним из пяти лиц, управлявших Россией во время путешествия царя по Европе. Вступив в монашество под именем

ее, царя Петра. Во внимание точных сведений, которые он от времени до времени сообщал о замыслах царевны Софии и по ходатайству князя Голицына, Головкин был пожалован царем в спальники, а потом, за верность свою во время мятежа и заговора царевны, произведен в постельничьи. Находясь безотлучно при особе царя, он мало-помалу снискал милость и доверенность государя, который, после путешествия своего в чужих краях, сделал его великим камергером (*верховным комнатным*), а вскоре потом, после смерти графа Федора Головина* в 1707 г., великим канцлером**, хотя и знал, что Головкин прост и неучен и не имеет никаких других способностей к этой важной должности, кроме самой низкой и искательной угодливости. Лучшее качество Головкина — его приветливое и ласковое обращение; благодаря ему, а также своему усердию и личине набожности, он приобрел большое влияние между старыми русскими ханжами и особенно между духовенством. Он в высшей степени корыстолюбив и употребляет все вообразимые средства, чтобы накопить огромное богатство, и так в этом успел, что в настоящее время богатейший вельможа во всей России.

Генерал-фельдмаршал князь Михаил Михайлович Голицын. С детства воспитан солдатом и доблестно отличился на военном поприще. Он задумчивого нра-

Боголепа (19 июля 1714), он умер в Флорищевой пустыни (близ Гороховца во Владимирской губ.) 18 октября 1714 г.

* Головин, граф Федор Алексеевич, в звании окольного ездил посланником в Китай; за посольство это, продолжавшееся пять лет без пяти дней (с 26 января 1686 до 21 января 1691), награжден боярством, сопровождал царя в путешествии по Европе в звании второго посла Великого российского посольства (1697), был первым андреевским кавалером (1699 марта 10), по смерти Лефорта, генерал-адмиралом (апреля 21); в следующем 1700 г. назначен «ближним боярином, посольской канцелярии начальным президентом и наместником сибирским»; в 1702 г. пожалован в графы Римской империи; умер в Нежине 2 августа 1706 г.

** «Посольских дел президентом»; канцлером пожалован Головкин только в 1709 г.

ва, немного скуп и не блистательных способностей, но приветлив и легко доступен; муж великой доблести и отваги беззаветной; мужество свое он доказал многими подвигами против шведов, особенно штурмом Шлиссельбурга (1703)*, который был взят единственно благодаря ему; смелым нападением при Черной Напе в 1708 г.**, где он атаковал шведского короля в самом его лагере и совершил выгодное отступление, и сражением в Финляндии в 1713***. Таким образом он приобрел более познаний в искусстве войны, чем кто-либо из русских генералов, и этим снискал уважение и любовь всего войска. По этой же причине покойный царь Петр I никому не оказывал большего уважения, чем князю.

Князь Дмитрий Михайлович Голицын. Старший брат вышеупомянутого князя Михаила, тайный советник и генерал-губернатор Киевский****, имеет необыкновенные природные способности, которые изощрены наукой и опытом; одарен умом и глубокой проницательностью, предусмотрителен в суждениях, важен и угрюм; никто лучше его не знает русских законов; он красноречив, смел, предприимчив, исполнен честолюбия и хитрости, замечательно воздержан, но надменен, жесток и неумолим.

Духовенство и простой народ питают к нему величайшее уважение, но низшее дворянство скорее его боится, чем любит. Словом, нет человека более способного и более готового стать во главе партии,

* Шлиссельбург (Schitelbourg) взят не в 1703 г., а 12 октября 1702 г.

** Сражение это известно в наших военных летописях под названием битвы под Красным, которое лежит при р. Черной Напе, впадающей в р. Сож.

*** Вероятно, сражение у деревни Лапола, близ Вазы; оно происходило не в 1713 г., а 19 февраля 1714 г.

**** Князь Д. М. Голицын уже за три года до кончины Петра I (1722) оставил киевское губернаторство и был с 1726 г. членом Верховного тайного совета.

чтобы задумать и совершить переворот в русском государстве.

Граф Остерман. Родился в Вестфальском городе Эссене (Essen)*; сын бедного тамошнего пастора; в 1703 г. взят в камердинеры (valet de chambre)** вице-адмиралом Крюйсом***; за прилежание свое к изучению русского языка сделан его секретарем и, вскоре потом, рекомендован Крюйсом тогдашнему вице-канцлеру (или статс-секретарю) барону Шафирову**** для

* В Бохумбе, или Бокуме (Bochumb), в графстве Маркском, в Вестфалии.

** Известие это едва ли справедливо: старший брат Остермана (Иоанн-Христофор-Дитрих) в это время уже был наставником трех царевен, дочерей Иоанна Алексеевича; впоследствии он был мекленбургским посланником при петербургском дворе.

*** Крюйс Корнилий Иванович, норвежец, вывезен из Голландии Петром I и определен в русскую службу вице-адмиралом в 1697 г.; деятельно способствовал царю в устройстве флота и был его сподвижником на море против шведов; произведен в адмиралы в 1719 г.; умер в 1727 г.

**** Шафиров, барон Петр Павлович, сын переводчика Посольского приказа, 1691 г. взят Петром I из сидельцев панского ряда в Москве и определен на службу в Посольский приказ, который через 15 лет (1706) поручен его управлению; в 1709 г. пожалован в подканцлеры в самый день (июля 16) назначения графа Головкина канцлером; в 1710 г. бароном; 1711 июля 12 заключил Прутский договор. Оставленный заложником, следующие три года провел в Константинополе, где подвергся двукратному заключению в Едикуле (семибашенном замке). В 1719 г. удостоенный андреевской ленты, а в 1722 г. чина действит. тайного советника, влиянием своим, насмешливостью и вспыльчивостью возбудил зависть и ненависть князя Меншикова, графа Головкина и обер-прокурора Скорнякова-Писарева. Неблагопристойная ссора с сим последним в заседании Сената, в которой Писарев называл его сыном жида-холопа *Шаюшки*, а Шафиров Писарева сыном скорняка и площадного писаря, подвергла его поступки рассмотрению нарочно учрежденного *вышнего суда*, который приговорил его к смертной казни, замененной ссылкой (1723 г. февр. 15). Екатерина I возвратила Шафирову баронский титул (1725) и назначила его президентом Коммерц-коллегии с чином действит. статского советника. При Анне Иоанновне он произведен (Зарештский трактат) в тайные (1730 августа 23) и потом в действ. тайные советники (1734 января 28); умер 1 марта 1739 г.

служения по заграничным делам. По благосклонности Шафирова он был сделан сперва толмачом (interpréter), потом переводчиком (translator), несколько лет спустя подсекретарем и, наконец, советником канцелярии иностранных дел. Он имеет хорошие познания в новейших языках, но плохо знает латинский. Никак нельзя отнять у него ума и ловкости, но он преисполнен изворотливости и лукавства, лжив и обманчив; в обращении угодлив и вкрадчив; принимает личину чистосердечия и низкопоклонен; это качество считается вернейшим залогом успеха у русских, а он превосходит в нем даже русских. Он любит пожить (he isa bon-vivant), довольно щедр, но неблагодарен. Когда при дворе возник спор между князем Меншиковым* и великим канцлером Головкиным, с

Один английский купец (Jonas Hanway), проезжавший из Персии через С.-Петербург в 1745 г., рассказывает, что, уже после ссылки Шафирова, в бумагах его найдены улики в сообщении им английскому кабинету, за 10 тысяч фунтов стерлингов, переговоров Петра I со шведским министром Герцем о нападении на Англию и что помилованием своим Шафиров обязан был единственно заступничеству барона Остермана. Известие это не подтверждается, однако же, никакими фактами, и в приговоре Шафирова он обвиняется в утайке почтовых доходов, упорстве, в противность царскому указу, присутствовать при обсуждении этого дела и в передержательстве беглых в своих имениях.

* Меншиков, светлейший князь Александр Данилович, «дитя сердца» (Herzenskind) Петра I, вступил в службу его в 1686 г., в конце его царствования титуловался «Мы, Александр Меншиков, Римского и Российского государств князь, герцог Ижерский, наследный господин Аранибурха и иных, его царского величества всероссийского первый действительной тайной советник, командующий генерал-фельдмаршал войск, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербурхской и многих провинций, его императорского величества, кавалер Святого Андрея, и Слона, и Белого и Черного орлов, и прочая, и прочая, и прочая». Кончиною Петра I спасен от угрожавшей ему гибели; Екатериною I назначен первым членом Верховного тайного совета; по восшествии на престол Петра II провозгласил себя генералиссимусом сухопутных и морских сил (1727 мая 12) и самовластно управлял Россией. В сентябре 1727 г., лишенный всех своих званий и орденов, сослан в Раненбург, откуда, по отобрании всего его имущества (состояв-

одной стороны, и бароном Шафировым, с другой, Остерман, оставив своего покровителя и благодетеля, Шафирова, пристал к его противникам и показаниями своими усугубил взводимые против него обвинения, в надежде получить высокую должность, им занимаемую; следствием сего было низвержение Шафирова и ссылка его в Архангельск*, а как после него никого не оставалось, кто бы хорошо знал иностранные языки, то два года спустя Остерман, по просьбе князя Меншикова, был назначен вице-канцлером. Князя Меншикова он отблагодарил, погубив его в царствование Петра II, как известно всему свету. Известна также и благодарность его фамилии Долгоруких в минувшем году**.

Генерал Ягужинский. Сын лютеранского органиста, служившего в лютеранской церкви в Москве, обязан всеми своими успехами в жизни своей красивой наружности; ибо, быв красивым мальчиком, он был взят в пажи великим канцлером*** Головкиным (который

шего из 91 тысячи душ крестьян и семи миллионов *тогдашних* рублей деньгами, бриллиантами и банковыми билетами), сослан (1728 июля 2) в Березов, где умер 22 октября 1729 г.

* Шафиров присужден был к ссылке в Сибирь, но содержался в Новгороде.

** Остерман был одним из деятельных участников во вступительном эпизоде царствования Анны Ивановны — погублении князей Долгоруких. Опала их началась в апреле 1730 г. ссылкой членов Верховного тайного совета, князей Василия Лукича, Михаила Владимировича и Алексея Григорьевича с сыном, оберкамергером, князем Иваном Алексеевичем, и братьями, тайными советниками, князьями Сергеем и Иваном Григорьевичами; 12 июня того же года князь Василий Лукич, Алексей Григорьевич с сыном, Сергей и Иван Григорьевичи разосланы в Соловки, Березов, Раненбург и Пустозерск. В 1731 г. (декабря 23) фельдмаршал князь Василий Владимирович посажен в Нарвскую цитадель, откуда, вместе с кн. Михаилом, переведен в Соловецкий монастырь, 8 ноября 1739 г., в самый день, когда кровавая драма оканчивалась казнью остальных четырех ссыльных его сродников (кн. Алексей Григорьев, умер в 1734 г.).

*** Не канцлером, но «начальным президентом посольской канцелярии».

был известен своими пороками) и два года спустя, по той же причине, взят покойным царем Петром I в звание камер-пажа. Способности его, соединенные с живым и деятельным умом, скоро подвинули его и побудили царя пожаловать его разом в капитаны Преображенского полка, а вскоре потом в генерал-адъютанты*. Это повышение и многие знаки увеличивающейся милости царя весьма встревожили князя Меншикова и возбудили в нем большую зависть; он несколько раз старался погубить Ягужинского, но без успеха. Напротив, царь, потеряв много своего прежнего благорасположения к князю и заметив его происки, намеренно оскорблял его, беспрестанно оказывая новые милости Ягужинскому, которого, наконец, объявил своим любимцем. Ягужинский не имел необыкновенных дарований, но придворная жизнь придала ему учтивость в обращении. Он был бы любим за свое доброе сердце, если бы природная его вспыльчивость, очень часто воспламеняемая неумеренностью в напитках, не лишала его власти над рассудком, часто не побуждала ругать своих лучших друзей и разглашать самые важные тайны. В трусости ему нет равного; в расточительности он не знает пределов: он растратил огромное богатство своей жены**, не говоря уже о значительных подарках, которые он получил

* Что соответствовало чину полковника.

** Ягужинский был женат два раза: с первой супругою он развелся в 1721 г., по причине ее *задумчивого и странного нрава*; она была по царскому повелению заключена в один из московских монастырей. Вторая его жена, дочь канцлера Головкина, фрейлина, графиня *Анна Гавриловна*, была статс-дамою Екатерины I (1725); овдовев, она вышла за обер-гофмаршала графа Бестужева (1743); за участие в заговоре против императрицы Елисаветы наказана кнутом и, *по вырезании языка*, сослана в Сибирь. Она была высока ростом, имела прекрасный стан; рябоватость ее лица выкупалась приятностью в обхождении, и она пользовалась славою лучшей танцовщицы во всем Петербурге.

в России и из чужих краев, состоя на жалованье у датского двора и у императора римского*.

Фельдмаршал, князь Иван Юрьевич Трубецкой. Воспитан в войске и, в звании генерал-лейтенанта**, начальствовал первою осадю Нарвы в 1701 г., при которой русские были наголову разбиты королем шведским, а он взят в плен и потом отвезен в Стокгольм. В 1716 г. разменен на шведского генерала и, по возвращении в Петербург, за свои долгие страдания произведен в чин генерала от инфантерии. Он человек со здравым смыслом, не имеет никакого понятия об иностранных делах, нрава мягкого и миролюбивого, учтив и обязателен, скорее боязлив, чем решителен.

Князь Алексей Михайлович Черкасский. Происходит из поколения грузинских князей; отец его в молодости выехал из Грузии***, крестился в греческую веру, сделан русским князем и, с честью носив звание боярина в продолжение нескольких царствований, был наконец назначен царем Петром I губернатором в Сибирь****, где он вел себя к удовольствию и государя, и народа. Он умер в 1707 г., оставив большое достоинство означенному единственному своему сыну, который сперва был женат на Нарышкиной, двоюродной

* Последнее известие совершенно противоречит другим историческим свидетельствам, которые, напротив, представляют Ягужинского образцом бескорыстия и неподкупности.

** При первой осаде Нарвы (1700) князь Трубецкой был генерал-майором и имел начальство только над одним из русских корпусов; главное начальство вверено было генерал-фельдмаршалу, герцогу де Круа (фон Крой).

*** Не отец, а дед князя А. М. Черкасского, *Урускан-мурза* (в православии князь *Яков Куденетович*) выехал в Россию при царе Михаиле; в 1627 г. упоминается в стольниках; в 1646 г. пожалован в бояре дворецкие; прославился в войнах царя Алексея; умер в 1666 г.

**** Сын боярина князя Якова Куденетовича, боярин князь *Михаил Яковлевич*, действительно, в конце XVII столетия был губернатором в Тобольске; умер в 1712 г.

сестре царя Петра I*, и, таким образом, сделался свойственником императорского дома. По смерти ее князь Черкасский женился на дочери князя Юрия Юрьевича Трубецкого**, брата вышеупомянутого князя Ивана. Князь Черкасский человек строгой честности, свято соблюдает свое слово, имеет хорошие природные дарования, но скромн и застенчив. Все его сведения ограничиваются Россиею; иностранные дела ему совершенно чужды, и он противник чужеземных обычаев и последних нововведений в России.

Генерал-фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий. Сын князя Владимира, полководца, прославившегося во время царя Алексея Михайловича***. Человек рассудительный, приветливый и ласковый; эти качества снискали ему любовь большей части низшего дворянства и офицеров в армии, где он, так сказать, получил все свое воспитание. От природы он щедр, смел, откровенен, а в разговоре и в речах своих свободен, даже до дерзости. За это он дорого поплатился, потому что в деле покойного царевича Алексея Петровича, за слишком вольные осуждения действий царя, он подвергся опале, был лишен всех движимых и недвижимых имений и сослан в Соликамск, близ границ Сибири****. После кончины царя, милостью покойной царицы, он был вызван

* Аграфене Львовне, дочери родного дяди Петра I, боярина Льва Кирилловича Нарышкина; умерла в 1709 г.

** Отец княжны Марьи Юрьевны был боярином, действительным статским советником и александровским кавалером; он род. 27 марта 1696 г., умер 16 августа 1747 г.

*** Бантыш-Каменский в «Деяниях полководцев и министров Петра Великого» ошибочно называет фельдмаршала, князя Долгорукого, сыном комнатного стольника князя *Владимира Михайловича*. Отец князя Василия был князь *Владимир Дмитриевич*, стольник, потом окольный царя Алексея, боярин царя Федора (1677), сподвижник князя Василия Васильевича Голицына при царевне Софии (1688—1689) и, наконец, при Петре I, один из судей по розыску о стрелецком мятеже; умер 13 июня 1701 г. (см. сказания о роде князей Долгоруких).

**** Не в Соликамск, а в Казань.

из ссылки, с возвращением ему его имения и звания в войске*, но в скором времени, за вольные речи, и говоренные им при дворе о поведении царицы, он снова был отправлен в некоторого рода почетную ссылку, будучи назначен командовать армией в Персии. В настоящее время он один из семьи Долгоруких, который остался при дворе; все остальные сосланы были в Сибирь, за поддержание нового предположения об ограничении (верховой) власти.

Князь Василий Лукич Долгорукий, двоюродный брат (cousin german) вышеупомянутого фельдмаршала**. Человек опытный и рассудительный, очень честный, добрый и щедрый. С самого 1704 г. постоянно был употребляем для переговоров при разных дворах, а именно: в Дании, Польше, Франции и Швеции. Навыком он приобрел отличное познание иностранных дел, а обязательностью в обхождении снискал общую любовь всех сословий, но, будучи беззаботного нрава, предпочитал развлечения делам. После кончины Петра II принял на себя составление проекта об ограничении самодержавной власти преемника русского престола. Хотя предположение это и было одобрено большею частью сенаторов***, однако ж потом, происками Остермана, за составление его, он был сослан в Сибирь и лишен всего движимого и недвижимого имения.

* Он был возвращен из ссылки почти за год до смерти Петра I (1724 мая 7) и принят на службу полковником.

** Ошибочно: князь Василий Владимирович и князь Василий Лукич вовсе не были родственниками, будучи потомками двух братьев в восьмом колене.

*** Т. е. членов Верховного тайного совета.

ПРИМЕЧАНИЯ

Головкин, граф Гаврило Иванович, род. 1660 г., начал службу в стольниках, сперва при царице Наталье Кирилловне (внучатной сестре своей), потом при царях Иоанне и Петре Алексеевичах (1677); до единодержавия последнего был он при нем комнатным стольником (1686) и постельничьим (1689). Равно сведущий в делах военных и посольских, Головкин сопровождал царя в его походах и в его путешествиях; за истребление эскадры шведского вице-адмирала Нумберса при устье Невы (17 мая 1703 г.) награжден андреевской лентой; по смерти графа Ф. А. Головина (1706) назначен «посольских дел президентом»; в 1707 г. возведен в графы Римской империи; 1709 июля 16, за Полтавскую битву сделан государственным канцлером и графом Российской империи; при учреждении Верховного тайного совета назначен третьим его членом (8 февраля 1726); в 1730 г. назначен императрицею Анною* сенатором, а в 1731 г.**

высок и худощав и отличался скупостью, которая замечалась даже в его одежде.

* Анна Ивановна была двоюродною сестрою невестки канцлера, графини Натальи Федоровны, рожд. княжны Ромодановской, родной племянницы, по матери, царицы Прасковьи Федоровны, рожд. Салтыковой.

** Далее, на следующей странице оригинала в опубликованном издании С. Н. Шубинского начинается текст, никак не связанный с предыдущим. По всей видимости, исходный текст содержал еще одну страницу, пропущенную при типографском наборе. (Примеч. изд-ва).

«Старец, почтенный во всех отношениях, ученый, скромный, осторожный, рассудительный, с большими способностями. Любил свое отечество и, хотя имел склонность к старинным нравам, но не порицал и новых, если видел в них что-либо хорошее. Привязанный к своим государям, был неподкупим, и потому удержался во все времена, даже самые трудные, ибо его не в чем было укорить»*.

Голицын, князь Михаил Михайлович, род. 1675 г.; 12-ти лет из стольников поступил солдатом в Семеновский полк и, продолжая в нем службу, за взятие Нарвы (1702 г. октября 12) пожалован в гвардии полковники, т. е. в генерал-майоры, война 1708 и 1709 гг. представляет целый ряд его подвигов; важнейшие из них: разбитие правого крыла Карла XII под Красным (1708 августа 29); победа над Левенгауптом под Лесным (сентября 28): командование правым крылом русской армии под Полтавой (1709 г. июня 27); взятие в плен 16-тысячного корпуса шведов под Переволочною (июля 1). За дело при Красном Голицын был награжден андреевскою лентой (в чине генерал-майора); за Лесной — чином генерал-поручика; с 1714 до 1721 г., совершив покорение Финляндии, особенно отличился двумя победами: сухопутною над генералом Аренфельдом при Вазе (1714 г. февр. 19) и морскою — над вице-адмиралом Зейблатом, при Гренгаме, первенствующим членом в совете кабинет-министров; умер 20 янв. 1734. По словам Берхольца, Голицын был (1720 июля 27) за первую произведен в генерал-аншефы, за вторую получил шпагу и трость, осыпанные бриллиантами. При Екатерине I пожалован в генерал-фельдмаршалы (1725 г.), при Петре II назначен президентом Военной коллегии (1728 г.). В продолжение трехнедельного междуцарствия, предшествовавшего воцарению Анны Ивановны, приглашен в члены Верховного тайного совета (19 января до 10 февраля 1730 г.); в течение первых месяцев ее царствования не только не подвергся опале, но даже назначен был сенатором (2 марта), а супруге его дано звание главной статс-

* *Traité particulier des caractères des différentes personnes*, сочин. испанского посланника герцога де Лириа; напечатано в русском переводе в «Сыне Отечества» 1839 г. Т. XII. С. 106.

дамы (22 апреля); но вскоре принужден был удалиться от двора и умер в Москве 10 декабря 1730 г.

«Герой, человек с умом и с честью. Он хорошо знал военное искусство, был храбр и очень любим войсками. Он был смел и отважен, не терпел иностранцев, но в то же время воздавал справедливость имевшим достоинства; был щедр и очень любезен; боялся знатных и особенно Петра Великого. Если бы Россия была более просвещена, он мог бы быть истинно великим человеком»^{*}.

Голицын, князь Дмитрий Михайлович, род. 1665 г., был посланником в Константинополе с 1700 до 1702 г.; с 1702 до 1722 г. киевским губернатором; 1722 г. назначен сенатором и президентом Камер-коллегии; при учреждении Верховного тайного совета (1726 г. февр. 8) назначен в него членом; 1727 г. января 1 получил орден Св. Андрея. По кончине Петра II, первый предложил ограничить власть его преемницы (19 янв. 1730 г.). По восприятии императрицею Анною самодержавия, назначен ею сенатором (12 марта), но оставил службу и жил в своем подмосковном селе, Архангельском, занимаясь науками и устраивая свою библиотеку и музей; и там, однако же, не укрылся он от гонений Бирона, которым сослан в Шлиссельбург, где умер в 1738 г.

«Он был один из тех стариков, которые вместо всякой системы твердят одно: «Для чего нам все новые обычаи? Разве не можем мы жить, как живали наши отцы, так, чтобы иностранцы не предписывали нам новых законов?» У него было достаточно ума, но было много и злости, тщеславие невыносимое и гордость беспримерная»^{**}.

Остерман, граф Андрей Иванович, Генрих Иоанн Фридрих, род. 30 мая 1686; в 1704 г. поступил секретарем к вице-адмиралу Крюйсу; в 1707 г. определен Петром I в посольскую канцелярию, где, пройдя должности письмоводителя, тайного секретаря (1711 г.) и советника (1716 г.), при заключении Ништадтского мира (1721 г. августа 20)

^{*} Сын Отечества. 1839. Т. XII С. 111.

^{**} Там же. С. 108.

пожалован чином тайного советника и званием барона. После ссылки вице-канцлера Шафирова (1733 г. февраля 15), назначен на его место вице-президентом Коллегии иностранных дел и сенатором. В трехлетнее царствование Екатерины I награжден чином верховного тайного советника (1725 г. мая 21), званием вице-канцлера (ноября 24), назначен членом Верховного тайного совета (1726 г. февраля 8), воспитателем (обер-гофмейстером) великого князя наследника, Петра Алексеевича, и пожалован андреевским кавалером (1727 г. января 1). Неподписание Остерманом проекта Верховного тайного совета об ограничении самодержавной власти заслужило ему не меньшую благосклонность бывшей воспитанницы его брата, императрицы Анны, которая возвела его в звание графа (1730 г. апреля 28) и назначила вторым кабинет-министром (1731 г. ноября 9). Сочинение им манифеста об утверждении престолонаследия за младенцем Иоанном Антоновичем доставило ему, в правление Анны Леопольдовны, титул генерал-адмирала (1740 г. ноября 10) и было причиной его ссылки по восшествии на престол Елисаветы Петровны (19 января 1742 г.). Он умер в Березове 20 мая 1747 г.

«У него были все необходимые для хорошего министра дарования, и он был притом неумомим. Действительно желал он добра России, но был лжив в возможной степени, бывши притом мало религиозен или, лучше сказать, не имея вовсе никакой религии. Он был еще чрезвычайно скуп, но ничего и ни от кого не брал. Совершенно обладая искусством притворяться, он давал такую наружность правды тому, что было ей совершенно противоположно, что мог обмануть самого хитрого человека»*.

Ягужинский, граф Павел Иванович, род. 1684 г. в Польше; четырех лет от роду привезен в Москву с семейством своего отца, школьного учителя, вызванного прихожанами московской лютеранской церкви**. В 1701 г. взят Петром I в услужение, записан им в гвардию, вскоре пожалован в

* Сын Отечества. 1839. Т. XII. С. 108.

** Впоследствии отец и брат Ягужинского служили в русском войске и умерли: первый — майором, второй — полковником русской службы.

денщики царские (флигель-адъютанты) и наконец (1712 г.) в генерал-адъютанты (полковники). Заключил договоры с Данией о союзе против Швеции (1714 г.) и с Австрией, о принуждении Дании возвратить Голштинию зятю царя, герцогу Карлу-Фридриху* (1721 г.). 18 января 1722 г. он был назначен *первым генерал-прокурором* Сената (министром юстиции). В чине генерал-лейтенанта присутствовал при короновании Екатерины I (1724 г. мая 7) и пожалован в кавалеры Св. Андрея и в капитаны вновь учрежденной кавалергардской роты. При Петре II произведен в генерал-аншефы (1727 г. октября 24) и получил звание обер-штаб-мейстера (1728 г. февраля 25). За предупреждение Анны Ивановны о замыслах Верховного тайного совета арестован и, только благодаря заступлению своего тестя, канцлера графа Головкина, спасся от смертной казни. Титул графский был его наградой за эту услугу новой императрице (1731 г. января 19); она до того хранила о ней память, что даже впоследствии, при ссоре Ягужинского с Бироном, не выдала его своему всесильному любимцу и, желая избавить его от гонений, отправила посланником в Берлин. Ягужинский умер в звании кабинет-министра (6 апреля 1736 г.).

«Военное дело знал он плохо, да и не имел на то претензий, человек был умный, с дарованиями, смелый и чрезвычайно решительный. Однажды сделавшись другом, был им без притворства; зато не скрывал и вражды своей. Говорили, будто он был лжив, но я не могу сказать, чтобы заметил в нем такой порок. Он был очень тверд в своих решениях и весьма привязан к своим государям, но способен наделать тысячи шалостей, когда, бывало, подопьет. Удаляясь от сей дурной привычки, становился он совсем другим человеком. Словом, он был одним из самых способных людей в России»**.

Трубецкой, князь Иван Юрьевич, род. 1667 г.; в чине генерал-майора взят в плен шведами под Нарвою (1700 г. ноября 19); генерал-аншеф при Петре I; генерал-фельд-маршал при Петре II; сенатор и андреевский кавалер при

* Отцу Карла-Петра-Ульриха (Петра III).

** Сын Отечества. 1839. Т. XII. С. 117.

Анне Ивановне; умер 16 января 1750 г. Замечателен как *последний русский боярин*, переживший боярство целым полустолетием.

«Невежда, каких можно встретить не много. Его мало уважали, но считали добряком. Незнающий в своем деле, он был при том заика и исполнен тщеславия»*.

Черкасской, князь Алексей Михайлович, род. 1680 г.; был губернатором в Сибири (1722), потом сенатором; благодаря не столько своим дарованиям, довольно посредственным, сколько огромному состоянию (он имел более 70 тысяч крестьян), он явился одним из главных деятелей при подании Анне Ивановне просьбы об уничтожении условий, предписанных ей Верховным тайным советом (1730 г. февраля 23); чин действительного тайного советника (1 марта) и орден Св. Андрея (22 марта) были его наградой. Участие в свержении Бирона доставило ему от Анны Леопольдовны звание государственного канцлера (1740 г. ноября 10), которое оставлено за ним Елисаветой Петровной (двоюродной племянницей его первой жены). С восшествием ее на престол он, однако же, оставил двор и удалился от дел; умер в Москве 4 ноября 1742 г.

«Любезный человек и с умом; знал больше, нежели знали обыкновенно его земляки; не был врагом иностранцев, был весьма бескорыстен, весьма благороден, но только робок и нерешителен»**.

Долгорукый, князь Василий Владимирович, крестный отец императрицы Елисаветы Петровны, род. 1667 г.; из стольников поступил в Преображенский полк; за усмирение Булавинского бунта произведен в полковники гвардии (1708 г.); за участие в Полтавской битве — в генерал-поручики (1709 июня 27); за Прутский поход награжден андреевской лентой (1711). Подозреваемый в единомыслии с царевичем Алексеем Петровичем, лишен чинов, орденов и деревень и сослан в Казань (1718 г. февраля 20); прощен и принят на службу полковником только при короновании Екатерины I (1724 г. мая 7); в ее царствование

* Сын Отечества. 1839. Т. XII. С. 112.

** Там же.

вновь пожалован в генерал-майоры, генерал-лейтенанты (1725 г.), генерал-аншефы и андреевские кавалеры (1726 г.). Назначенный главнокомандующим русскими войсками в Персии, он оставался там два года, до пожалования своего в фельдмаршалы. По смерти Петра II, призванный в Верховный тайный совет, подавал голос о возведении на престол свойственницы своей, вдовствующей царицы инокини Евдокии Федоровны (рожденной Лопухиной)*; но, являясь в то же время поборником самодержавия, в первый год царствования Анны Ивановны; он избегнул общей участи своих сродников, опалы и ссылки, и даже был назначен сенатором (1730 г. марта 1), но в следующем году (1731 декабря 23), по обвинению его жены в дерзких речах о государыне, сослан сперва в Иван-Город, а потом (1739 г. ноября 12) в Соловецкий монастырь, где оставался до восшествия на престол крестницы своей, Елисаветы Петровны, которая возвратила ему звание фельдмаршала и орден Св. Андрея (1742 г. августа 25). В течение 79-летней жизни, проведя шесть лет в ссылке, одиннадцать лет в заточении, быв два раза фельдмаршалом и три раза андреевским кавалером, он умер в звании президента Военной коллегии 11 февраля 1746 г.

«Человек умный, храбрый, праводушный, но малоопытный в военном деле. Притворяться он не умел, и недостаток его был тот, что он слишком был откровенен и искренен. Был он отважен, но весьма тщеславен, добрый друг, но и враг непримиримый. Иностранцев врагом он не был, не слишком, однако же, и любил. Жил открыто, и вообще сказать можно, что он принадлежал к числу вельмож, делавших честь своей отчизне**.

Долгорукый, князь Василий Лукич, в звании посольского дворянина сопровождал двум своим дядям, князю Якову Федоровичу во Францию (1687 г.) и князю Григорию Федоровичу в Польшу (1700 г.); в первое из этих посольств оставался в Париже для изучения наук, и уже при Петре I

* Первая жена фельдмаршала была двоюродной сестрой кн. Бор. Ив. Куракина, зятя царицы, мужа ее сестры, Ксении Федоровны, рожд. Лопухиной.

** Сын Отечества. 1839. Т. XII С. 110.

успел показать свои дипломатические дарования в званиях чрезвычайного посла при дворах: копенгагенском (1705 г.), версальском (1715) и варшавском (1724 г.). За посольства эти был награжден чинами тайного (1723 г.) и действ. тайного советника (1725) и званием сенатора (1723 г.). После посольства в Стокгольм (1726 г.) занял место в Верховном тайном совете; первый предложил ограничить самодержавие (1730 г. января 19) и, как депутат совета, поднес в Митаве, к подписанию герцогини Курляндской, условия к восприятию ею престола всероссийского (января 28). Наказан сперва ссылкой в Соловецкий монастырь (июня 12), а через девять лет (1739 г. ноября 8) отсечением головы.

«Человек с умом и добрый по виду, он был послом в Швеции, Дании, Польше и Франции, и везде приобретал известность министра ловкого и способного. Весьма хорошо говорил он на многих языках и был такой человек, с которым жить было можно, но в то же время был он весьма подвержен подкупу, не имея ни веры, ни закона, и способен всем пожертвовать для низкого интереса. Он заплатил дорого за свои интриги, ибо царица Анна сослала его, наконец, на отдаленный остров Белого моря»*.

* Сын Отечества. 1839. Т. XII. С. 109.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Август II, король. Посылка к русскому двору Иоанна Лефорта 191. Кандидаты на польский престол после его смерти 195.

Август III, король. Влияние и содействие России и Австрии к его избранию в польские короли 195.

Австрийский император. См. Карл VI.

Австрия. Влияние на избрание Августа III в польские короли 195. Договор с Россией против Дании 237. См. *Посланники*.

Адеркас, гувернантка Анны Леопольдовны. Отзыв о ней леди Рондо 122. Биографические сведения и характеристика 163. Наружность и характер ее дочери 163.

Отзыв гр. Миниха 198. Содействие Анне Леопольдовне в сношениях с гр. Линаром; высылка за границу 215.

Александр Невский. Легенда о нем неизвестна леди Рондо 96. Перевоз его мощей из Владимира в Петербург и учреждение ордена его имени 178.

* В «указателе» этом все, относящееся до какого-либо лица или предмета, размещено не в хронологическом порядке событий, а преимущественно, по порядку страниц книги, для того, чтобы в случае справки не было надобности много раз перелистывать книгу, обращаясь то от начала ее к концу или середине, то обратно, но чтобы *по порядку* можно было проследить все без исключения, упоминаемое в настоящем издании о каждом лице и предмете. П. Е.

Александро-Невская лавра. Местонахождение ее 96. Построение монастыря 178. Погребение там дочери кн. Меншикова, Александры, жены Густава Бирона 139. Въезд оттуда в Петербург австрийского посланника маркиза Ботты 169.

Алексей Михайлович, царь. Служба при нем кн. Хованских 223, кн. Я. К. Черкасского и кн. Вл. Дм. Долгорукого 230, 231.

Алексей Петрович, царевич. Участие в его деле царицы Евдокии Федоровны 186 и князя Вас. Влад. Долгорукого 231, 238. Служба гр. Левенвольде при дворе его жены 213.

Альгаротти, граф. Отзыв его о гр. Минихе 201.

Ангальт-Дессауский, принц. Сватовство его за кн. Александру Меншикову 199.

Английский банк. Суммы, положенные туда кн. Меншиковым 199.

Англичанин, определявшийся в русскую службу. Просьбы о нем фельдмаршалу и императрице; отзыв ее о нем; его наружность 147. Определение его, насмешки над дамской протекцией; ходатайство Кл. Рондо. Отзыв Анны Ивановны; представление ей и ее насмешка 147, 148.

Англичанка. Ее семейные отношения; мнимое безрассудство и глупое замужество 145. Просьба о посредничестве между ней и ее теткой; заступничество леди Рондо 146. Дурной отзыв о тетке и сожаление о племяннице 146. Неуспех посредничества и заступничества за племянницу 148, 149. Рассуждение о невозможности примирения их и сожаление о вмешательстве в это дело 152.

Англия. Переговоры Петра Великого со шведами о нападении на нее 227. См. *Посланники*.

Анна Ивановна. Объявление ее императрицею и ожидание приезда 106, 107. Кончина мужа ее, герцога Курляндского 107. Уважение ее к царице Евдокии Федоровне и свидание с ней после коронации 112, 113, 187. Балы и маскарады при дворе; посещение ею иностранных по-

сланников; собрания при дворе 113. Переезд в Петербург из Москвы и церемония встречи 121, 187, 188. Изображение ее 121. Отношения к Анне Леопольдовне 122, 188, 189. Приемы и игра в карты 123. Разговор с китайским посланником 126. Посещения герцогини Бирон; работа за пальцами и разговоры с леди Рондо об Англии и королеве 128. Впечатлительность и чувствительность; характеристика и изображение ее 129. Празднование годовщины восшествия 131. Обед в празднество взятия Данцига и поступок с пленными французами 133, 134. Разговоры по поводу определения молодого англичанина в русскую службу 147—148. Намерение прорыть канал в Стрельне 150. Катанье с гор при дворе 151, 152. Прощение впавшего в немилость 158. Стрельба при дворе 161, 162, 212. История ее шутихи с венецианкой 166. Предложения от имени ее Анне Леопольдовне о браке 167, 168. Прием австрийского посланника для сватовства принцессы 169, 170. Празднование свадьбы 167—176. Избрание нового дворца 177 и постройка летнего 178. Ссылка кн. Долгоруких 180. Место ее в порядке престолонаследия 184, 185. Принятие и уничтожение условий ограничения самодержавия 185. Отношения к ней кн. Меншикова и расстройство брака с Морицем Саксонским 187. Причина долгого непееезда в Петербург после коронации 187, 188. Назначение содержания Екатерине Ивановне 190, дворца и содержания Елизавете Петровне 190, 191. Отзывы о ней: Берхгольца и герцога де Лириа 192, Манштейна и гр. Миниха 192, 193, гр. Миниха-сына 193, 194 и кн. Н.Б. Долгорукой 195. Освобождение кн. Александры Меншиковой и выдача ее в замужество 199. Производство принца Гессен-Гомбургского 202, 203 и отзыв ей о нем гр. Миниха 203. Посланники, бывшие при ней 203—205. Отношения ее к герцогу Бирону 206—208 и к герцогине 208. Назначение и пожалование гр. Левенвольде 213, 214. Поднятый им и гр. Остерманом вопрос о престолонаследии; советы ей о браке принцессы и избрании наследника 214, 215. Поручение графу Левенвольде выбора жениха 215. Невыгодное впечатление, произведенное принцем Брауншвейгским, и отзыв ее о нем 215. Провозглашение сына Анны Леопольдовны наследником

престола 216. Расположение к младшему сыну Бирона 217 и пожалования старшему 217, 218 и дочери герцога 218. Барон Шафиров 226, 227. Падение кн. Долгоруких при участии гр. Остермана 228. Родство с гр. Головкиными 233. Служба кн. М. М. Голицына 234, 235. Назначение кн. Д. М. Голицына сенатором 235. Благоволение к гр. Остерману 235, 236. Предупреждение от гр. Ягужинского о замыслах верховников 236, 237. Пожалование его 236, 237 и кн. И. Ю. Трубецкого 237, 238. Участие кн. А. М. Черкасского в просьбе об уничтожении условий ограничения 238. Пощада кн. Василия Владимировича Долгорукого и потом ссылка 238, 239. Поднесение ей кн. Василием Лукичом Долгоруким условий принятия престола; ссылка и казнь князя 239, 240. Портрет ее, приложенный к настоящему изданию 82.

Анна Леопольдовна. Изображение ее и отзыв леди Рондо о ее гувернантке Адеркас 122. Помещение во дворце и отношения к императрице Анне 123, 188. Характеристика ее 136. Приготовления к ее свадьбе 167, 168. Презрение ее к жениху 168, 171. Неудавшееся намерение герцога Бирона женить на ней своего сына, ответ ее герцогу и ненависть к нему 168, 216. Сватовство принца Брауншвейгского 167—170. Свадьба ее 167—176. Приезд в Россию с матерью 188. Отзывы о ней: Манштейна 196, гр. Миниха-сына 196—198, английского посланника Финча 198, гр. Миниха 198, 199. Положение при ней графини М. А. Остерман 209 и гр. Миниха 211. Участие гр. Левенвольде в интригах ее двора 213, 214. Советы гр. Остермана и Левенвольде о ее браке и престолонаследии 214, 215. Выбор и приезд жениха и невыгодное впечатление, им произведенное 215. Склонность к гр. Линару 216. Бракосочетание и рождение сына; кратковременное правление, заточение и кончина 216. Участие маркиза Ботты в ее браке 216, 217. Пожалование гр. Остермана 236. Благоволение к кн. А. М. Черкасскому 238.

Анна Петровна, герцогиня Голштинская. Пристройке к дворцу по случаю ее свадьбы 177, 178. Первое пожалование орденом Св. Александра Невского в день ее бракосочетания 178.

Антон-Ульрих, герцог Брауншвейгский. Приготовление к свадьбе его с Анной Леопольдовной 167, 168. Презрение к нему невесты, изображение его и положение при дворе 168, 171. Сватовство 167—170. Свадьба 167—176. Приглашение и проезд в Россию 215, 216. Наружность и невыгодное впечатление на императрицу и невесту 215. Интриги Бирона; пребывание в армии гр. Миниха; возвращение; награды 216. Бракосочетание 216. Рождение сына; устранение от дел при Бироне; арест, ссылка и кончина 216. Участие Австрии и маркиза Ботты в его браке 216, 217.

Антоний, святой. Монастырь его имени 98. Жизнеописание его и сведения о монастыре 179.

Апраксин, гр. Федор Матвеевич, генерал-адмирал. Подарок дома Петру II и обращение его во дворец 177.

Аренфельд, шведский генерал. Победа над ним кн. М. М. Голицына 234.

Арсеньев Василий. Разрешение детям кн. Меншикова жить в его деревнях 187.

Архангельск. Открытие там конторы и торговли С. В. Рагузинским 214. Мнимое место ссылки бар. Шаффира 228.

Архангельское, подмосковное село. Место жительства кн. Дмитрия Михайловича Голицына 235.

Астрахань. Приезд оттуда в Петербург калмыцких депутатов 191.

Б., знакомый приятельницы леди Рондо. Рекомендация ему прочесть рассказ о Монсах 100. Совет ему поступать двоедушно против любимой им дамы 152. Жестокость ее к нему 159.

Балк Ф. Н., генерал-лейтенант. Муж Matr. Ив. Монс и отец Нат. Федор. Лопухиной 212.

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич. Замечание его о княжне Меншиковой 199. Неверность его указания об отце кн. Вас. Вл. Долгорукого 231.

Березов. Ссылка кн. Долгоруких 180, 182, 228. Кончина кн. Меншиковой 187. Ссылка кн. Меншикова 198, 228. Ссылка гр. Остермана 209, 236.

Берлин. Посольство туда гр. П. И. Ягужинского 237.

Берхгольц, голштинский камер-юнкер. Отзывы его: о Елизавете Петровне 189, об Анне Ивановне 192 и о гр. М. М. Голицыне 234.

Бестужев-Рюмин, гр. Алексей Петрович. Неудовольствия с принцем Гессен-Гомбургским 203. Кабинет-министр 211.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич, профессор СПб. ун-та. Его предисловие к настоящему изданию 85—92. Принадлежащая ему рукопись записок герцога де Лириа 181.

Бестужева, гр. А. Г. См. *Ягужинская.*

Бидло, доктор. Лечение Петра II 183.

Бирон, герцогиня Бенигна-Готлиб. Ее положение при Анне Ивановне и изображение 122. Поднесение ей узоров для вышиванья; посещения императрицею и работы в пальцах 128—129. Изображение ее и характеристика 154, 156. Отсутствие при церемонии сватовства Анны Леопольдовны 169. Участие в праздновании свадьбы принцессы 172, 173, 175. Раздевание Анны Леопольдовны в брачную ночь 174. Биографические сведения 197—199. Мнимое соучастие с леди Рондо в контрабанде и сближение с нею леди Рондо 89.

Бирон Гедвига-Елизавета, дочь предыдущей. Участие в церемонии свадьбы Анны Леопольдовны 172. Наряд ее на свадебном торжестве 173. В маскараде по случаю свадьбы 175. Биографические сведения 218.

Бирон Густав, брат герцога. Похороны его жены 138, 139. Прощание его с телом жены 139—140. Мнимое его равнодушие и действительное горе о ней 140. Выдача за него кн. Ал. Меншиковой императрицею 199. Биографические сведения 199.

Бирон Карл, младший сын герцога. Участие в церемонии свадьбы Анны Леопольдовны 171, 173, 175. Биографические сведения 217.

Бирон Петр, старший сын герцога. Участие в церемонии свадьбы Анны Леопольдовны 171, 173. Присутствие в маскараде 175. Неудавшееся намерение герцога женить его на принцессе и презрительный ответ ее 168, 216. Биографические сведения 217, 218.

Бирон, герцог Эрнст-Иоган. Его положение при императрице и отзыв о нем леди Рондо 122, 123. Женитьба брата его на кн. Меншиковой 138. Соперничество ему принца Гессен-Гомбургского 141—142. Изображение и характеристика 153—155. Намерение женить сына на Анне Леопольдовне 168, 216. Ненависть ее к герцогу 168, 196. Отсутствие при церемонии сватовства ее 169. Сопровождение императрицы при свадьбе 173. Сопровождение принца в брачную комнату и поцелуй императрицы 174. Семейство его на свадебном ужине 174. Гонение на кн. Долгоруких 180. Содержание Елизавете Петровне в его регентство 190—191. Об аресте его 209, 218. Сближение с принцем Гессен-Гомбургским и неудовольствие на гр. Миниха 202. Отзывы о нем герцога де Лириа 206, Манштейна 206, 207, 192, 193, гр. Миниха 193, 207, графа Миниха-сына 194 и Фридриха II 208. Угодливость гр. Левенвольде 213. Интриги против принца Брауншвейгского 216. Неудача в расстройстве брака принца и опека над Иваном VI 216. Возвращение герцогства; кончина 218. Гонение на кн. Дм. Мих. Голицына 235. Ссора с гр. П. И. Ягужинским 237. Участие кн. А. М. Черкасского в падении его 238. Мнимое соучастие с леди Рондо в контрабанде 89.

Блументросты, доктора. Неудачное лечение Петра II 183.

Бонде, граф, голштинский посланник 203, 204.

Ботта, маркиз, австрийский посланник. Принятие титула посла; въезд в Петербург; сватовство Анны Леопольдовны 169, 170. Жена его не участвовала в церемонии

монии свадьбы по болезни 174. Упоминание в списке посланников 204. Биографические сведения 216, 217.

Бохумб, или **Бокум**. Родина гр. А. И. Остермана 226.

Боярин последний — кн. И. Ю. Трубецкой 237, 238.

Брауншвейгская фамилия. Предполагавшееся освобождение ее 213. Арест и заточение 216. См.: *Анна Лепольдовна, Антон-Ульрих и Посланники*.

Брюс, гр. **Александр Романович**. Брак его с кн. Ек. Ал. Долгорукой 182, 183.

Буктон, поместье лорда Монтегю. Сравнение с ним Летнего сада 96, 178.

Булавинский бунт. Производство кн. Вас. Влад. Долгорукого за его усмирение 238.

Бура. Заключение там договора с Китаем 214.

Белое море. Остров на нем — мнимое место ссылки кн. Вас. Лук. Долгорукого 240.

Бюлер, бар. Федор Андреевич. Сообщение им списка посланников при имп. Анне 204.

Ваза, город. Сражение со шведами 225, 234.

Вард (или **Вордо**), англ. консул в Петербурге. Предположения, что он был первым мужем леди Рондо, и указания о нем в донесении герцога де Лириа 86—87. Известия о нем в письмах леди Рондо 87. Поездка с ним по окрестностям Петербурга 97. Посещение ее старыми его знакомыми 99. Болезнь его 113. Смерть 114. Участие, оказанное Х. во время болезни его 115. Сравнение его характера с Бироновым 122. В списке *посланников* 204.

Варшавский двор. Посольство кн. Вас. Лук. Долгорукого 240.

Василий Иванович, великий князь. Основание Новодевичьего монастыря в Москве 185.

Венецианка. См. *Рагузинская*.

Венеция. Покупка там С. В. Рагузинским графского титула и жены 214.

Верней, доктор. Сравнение с ним гр. Остермана 210.

Версальский двор. Посольство кн. Вас. Лук. Долгорукого 240.

Верховный тайный совет. Решение им вопроса о престолонаследии по смерти Петра II и предложение условий ограничения самодержавия 184, 238, 239. Члены его: кн. Меншиков 227, гр. Головкин 233, кн. М.М. и Дм. М. Голицыны 235, гр. Остерман 235, 236. Предупреждение гр. Ягужинским имп. Анны о замыслах его 236, 237. Противодействие намерениям совета кн. А.М. Черкасского 238. Кн. Вас. Вл. Долгорукий 238, 239.

Вестфалия. Родина гр. А. И. Остермана 226.

Вестфаль Ганс-Георг, датский посланник 204.

Вигор Виллиам, квакер, третий муж леди Рондо. О том, что не он был первым мужем 86. Замужество ее по смерти второго мужа 89.

Владимир. Перенесение оттуда мощей св. Александра Невского в Петербург 178.

Водосвятие крещенское. Празднование его и парад 105, 106. Простуда Петра II 106.

Волынский Артемий Петрович. Бирон погубил его 193. Желание его удалить Бирона от двора 208. Кабинет-министр 211.

Вольфенбютельский герцог. Его посланник при сватовстве Анны Леопольдовны 170.

Вордо. См. *Вард*.

Воскресенский монастырь. Местопребывание царицы Евдокии Федоровны 186, 187.

Вратислав, гр. Карл-Франциск, австрийский посланник. Любовь кн. Ек. Ал. Долгорукой к шуринау его гр. Милисимо 182. В списке *посланников* 204.

Габриэль-Жан. Сочинение его, несоразмерное с предисловием 108.

Гейль, мекленбургский посланник 205.

Генвей, английский купец. Рассказ его о подкупности бар. Шафирова 227.

Генерал-прокурор Сената. Первое назначение в это звание 237.

Герц, шведский министр. Переговоры с ним Петра Великого о нападении на Англию 227.

Гессен-Гомбургский принц Людвиг-Иоанн-Вильгельм. Характеристика его и изображение 141, 142. Оплошность его во время войны Турции с Персией 191. Биографические сведения 202, 203. Отзывы о нем: Манштейна и гр. Миниха 203. Ср. 91.

Глебов Степан Богданович, любимец царицы Евдокии Федоровны. Его допросы и казнь 111, 112, 186.

Гогенгольц Николай-Себастьян, австрийский резидент 204.

Голицын, кн. Борис Алексеевич, боярин. Биографические сведения 223, 224.

Голицын, кн. Василий Васильевич. Об его опале 223. О службе с ним кн. Вл. Дм. Долгорукого 231.

Голицын, кн. Дмитрий Михайлович. Его мнение о порядке престолонаследия и мысль об ограничении самодержавия 184. Известие о нем Кл. Рондо 225, 226. Биографические сведения Ю. Толстого 235. Отзыв герцога де Лириа 235.

Голицын, кн. Михаил Михайлович, генерал фельд-маршал. Известие о нем Кл. Рондо 224, 225. Биографические сведения Ю. Толстого 221, 222, 234. Отзыв герцога де Лириа 235. Ср. 193.

Голландия. См. *Посланники*.

Головин, гр. Федор Алексеевич. Биографические сведения 224. Назначение после него гр. Головкина 233.

Головкин, гр. Гаврило Иванович, канцлер. Член Кабинета 211. Известие о нем Кл. Рондо 222—224. Подканцлером при нем бар. Шафиров 226. Ненависть его к последнему 226. Спор с ним 227, 228. Отношение к гр. Ягужинскому 228—229. Замужество его дочери Анны и

судьба ее (см. *Ягужинская*) 229. Биографические сведения о нем Ю. Толстого 233. Отзыв герцога де Лириа 234. Заступничество за гр. Ягужинского 237.

Головкин Иван Семенович, отец предыдущего. Биографические сведения о нем 223.

Головкин, гр. Михаил Гаврилович. Последний кабинет-министр. 211.

Головкина, гр. Наталья Федоровна. Родство ее с царской фамилией 233.

Голштинский герцог, Карл-Фридрих. Брак с Анною Петровною 177, 178. Визит к герцогине Курляндской (Анне Ивановне) 192. Договор Петра Великого с Австриею против Дании для возвращения ему Голштинии 236, 237. См. *Берхгольц* и *Бонде* (голштинские: камер-юнкер и посланник).

Горанчи, селение. Сражение с татарами 202.

Горицкий воскресенский монастырь. Место заточения кн. Екат. Ал. Долгорукой 182.

Гороховец, гор. Близ него место кончины кн. Б. А. Голицына 224.

Гренгам. Морская битва при нем со шведами 234.

Гросс Христиан-Фридрих. Секретарь брауншвейгского посольства 205.

Д., знакомый приятельницы леди Рондо. Об отношениях к ней 140.

Д., граф. Посещение леди Рондо и просьба его не рассказывать истории Ф. и о перчатках. Дурной отзыв о нем 149, 150.

Дания. Переговоры с нею через кн. Вас. Лук. Долгорукого 232, 240. Договоры России: о союзе с нею против Швеции и о союзе против нее с Австриею 236, 237. См.: *Копенгагенский двор* и *Посланники*.

Данциг. Придворные празднества по случаю его взятия 132, 133. Осада его Ласси и гр. Минихом; бомбардирование и взятие 195, 196. Ср. 91.

Двор петербургский. Перенесение его в Москву — причина запустения многих домов в Петербурге 96, 97. При дворе Петра II не было собраний 99. Двор царицы Евдокии Федоровны 111, 112. Двор имп. Анны, балы, маскарады и собрания 113. Предположение о переезде в Петербург 120. Переезд 121. Дворы Елизаветы Петровны и Екатерины Ивановны 123. Отзыв французских пленных о петерб. дворе 134, 135. Двор герцогов Биронов 155. Общий отзыв о придворных имп. Анны 161, 162. Четырехлетнее пребывание спб. двора в Москве 187—188. Дворы: Варшавский, Версальский и Копенгагенский 240.

Дворцы. Зимний и Летний 96. Описание их 96, 177—178. Петергофский 97. Головинский — помещение в нем кн. Ек. Ал. Долгорукой с семьей. 103. Дворец в Стрельне 150, 151. Обед в Летнем и ужин в Зимнем дворце по случаю свадьбы Анны Леопольдовны 177. Маскарад в саду Летнего 176. Дворец Екатерины Ивановны 190 и Елизаветы Петровны 190.

Дворянство. О принадлежности ему прекрасных домов в Петербурге 96, 97.

Де дие Даниил, голландский посланник 204.

Де Каскос, секретарь испанского посольства 204.

Де ла Мотт, граф. Начальник французов, взятых в плен под Данцигом. Представление императрице на торжестве взятия Данцига; его наружность; разговор с ним Анны Ивановны 133, 134.

Дети беспризорные и подкидыши. Приют для них 185.

Динамюнде. Место заточения брауншвейгской фамилии 216.

Дмитриев-Мамонов Иван Ильич. Тайный брак его с царевною Прасковьей Ивановной 188.

Долгорукая, княжна Екатерина Алексеевна. Встреча с нею леди Рондо; отзыв о ней; предмет ее любви; ожидание свадьбы ее 101, 180. Помолвка и обручение с Пе-

тром II 103, 104. Поведение ее при целовании ее руки и поступок гр. Милиссимо 104. Страдания от безнадежной любви 105. Приготовления к свадьбе 105. Участие ее в крещенском водосвятии 105, 106. Влияние на нее кончины Петра II и положение ее 107, 108. Ссылка ее 119. Биографические сведения о ней 182, 183. Требование ее отцом короны для нее 184.

Долгорукая, княгиня Наталья Борисовна, рожденная гр. Шереметева. Брак ее 180. Отзыв ее об императрице Анне Ивановне 194, 195.

Долгорукие, князья. Общие указания об их опале, ссылке и казни 119, 182, 193, 231, 232, 238—240.

Долгорукий, кн. Алексей Григорьевич. Отношения его к императрице Анне 119. Биографические сведения о нем 179, 180. Требование им короны для дочери 184. Ссылка его и смерть 228.

Долгорукий, кн. Василий Владимирович, фельдмаршал. Заключение его в Нарвскую цитадель и ссылка в Соловки 238, 239. Отзыв о нем и об отце его Клавдия Рондо 231—232. Биографические сведения о нем Ю. Толстого 238, 239 и отзыв герцога де Лириа 239. Родство с кн. Куракиными и царицей Евдокией Федоровной 239.

Долгорукий, кн. Василий Лукич. Ссылка его 232, 240. Отзыв о нем Кл. Рондо 232. Поправка в указании о родстве его с князем Вас. Влад. 232. Биографические сведения Ю. Толстого и отзыв герцога де Лириа 239, 240.

Долгорукий, кн. Владимир Дмитриевич. Поправка сведений о нем Бантыш-Каменского и биографическое известие 231.

Долгорукий, кн. Григорий Федорович. Сопутствие ему князя Вас. Лукича в Польшу 239.

Долгорукий, кн. Иван Алексеевич, обер-камергер. Вредное влияние его на Петра II 99. Старания его о браке сестры с императором Петром II 103. Ссылка семейства кн. Долгоруких 119. Замена им при императоре гр. Остермана 156. Биографические сведения о нем 179—181. Интриги его против царицы Евдокии Федоровны 187. Ссылка его и казнь 228.

Долгорукий, кн. Иван Григорьевич. Ссылка его 228.

Долгорукий, кн. Михаил Васильевич. Заключение и ссылка его 228.

Долгорукий, кн. Михаил Владимирович. Ссылка его 228.

Долгорукий, кн. Петр Владимирович, писатель. Биографическое сведение о Кл. Рондо и характеристика его 89. Неверные известия о леди Рондо, о ее интригах, о занятии контрабандою и проч. 89.

Долгорукий, кн. Сергей Григорьевич. Указание на то, что он был причиною болезни Петра II 183. Ссылка его 228.

Долгорукий, кн. Яков Федорович. Сопутствие ему кн. Василия Лукича во Францию 239.

Дома петербургские. Отзыв леди Рондо об их внешности 96, 97. Летние дома под Петергофом 97. Дом кн. Меншикова под Москвою 109, 185. Дом, купленный леди Рондо 131, 132.

Дрейер. Отцовская фамилия одной из двух дам, поссорившихся в Петербурге 144.

Дудергоф, гора. Близ нее были мельницы для производства писчей бумаги и обоев 178.

Евгений, принц. Сравнение с ним гр. Миниха 201. Служба под его начальством маркиза Ботты 216, 217.

Евдокия Федоровна, царица. Ее пребывание в Новодевичьем монастыре 110—112. Рассказ о ней; отношения к ней Петра Великого; ссылка ее и заключение в монастырь 91, 111, 112, 185—187. Уважение, оказываемое ей императрицею Анной Ивановной; присутствие ее при коронации императрицы; приветствия ей; разговор ее с леди Рондо и мнения ее об английских женщинах и нарядах 112, 113. Наружность ее 113. Требование для нее короны по смерти Петра II 184, 239. Ее родство со Степаном Васильевичем и Натальей Федоровной Лопухиными 212.

Едикуле, семибашенный замок в Константинополе. Заключение там бар. Шафирова 226.

Екатерина I. Место погребения ее 96. Упоминание о женитьбе на ней Петра Великого 112. Увеличение при ней Зимнего дворца 177 и пристройки к Летнему 177, 178. Учреждение ордена Св. Александра Невского 178. Изменение в порядке престолонаследия и духовное завещание ее 184. Перемещение в Петербург царицы Евдокии Федоровны 186. Упоминание 189. Содержание Екатерине Ивановне 190. Пожалование портрета княжне Ал. Ал. Меншиковой 199. Служба при ней графини М. И. Остерман 209. Расположение к гр. Левенвольде 213. Посольство С. В. Рагузинского в Китай 214. Прощение бар. Шафирова 226. Назначение кн. Меншикова первым членом Верховного тайного совета 227. Служба при ней гр. А. Г. Ягужинской 229. Пожалование кн. М. М. Голицына 234. Награждение гр. Остермана 236. Присутствие при ее коронации гр. Ягужинского 237. Прощение и служба при ней кн. Вас. Влад. Долгорукого 238, 239.

Екатерина II. Отзыв ее о Елизавете Петровне 190. Возвращение Биронам герцогства и проч. 209, 218. Возвращение свободы Н. Ф. Лопухиной 213. Положение Карла Бирона в ее царствование 217. Пожалования Петру Бирону 218.

Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская. Ее супружество и причина, почему она была обойдена в престолонаследии 106, 184. Изображение ее 122. Дочь ее, Анна Леопольдовна 122, 188. Двор ее, помещение и быт 123. Биографические сведения о ней 188. Отзыв о ней герцога де Лириа 188. Дворец ее и содержание 190, 191. Отзыв о ней гр. Миниха 198.

Елизавета Петровна. Изображение ее 122. Двор, помещение и быт 123. Отзыв о ее наружности китайского посланника 126. Отношения ее к леди Рондо и характеристика ее 135, 136. Присутствие при обручении Анны Леопольдовны 169, 170. Участие в церемонии свадьбы принцессы 170—175. Присутствие в маскараде 175. Летний деревянный дворец до ее восшествия на престол 177, 178. Украшение ею Петергофа 178, 179. Освобождение княжны Долгорукой из заточения и выдача в замужество за гр. Брюса 182, 183. Место ее в порядке престоло-

наследия 184. Отзывы о ней: Ла Ви, Берхгольца, герцога де Лириа, гр. Миниха и Екатерины II 189, 190. Дворец и содержание 190, 191. Возвращение Густава Бирона 200. Предполагавшийся брак ее с принцем Гессен-Гомбургским 202. Производство принца 203. Уничтожение Кабинета 211. Ненависть к ней Н. Ф. Лопухиной за гр. Левенвольде 213. Наказания Лопухиных 213 и гр. Левенвольде 214. Арест и заточение Брауншвейгской фамилии 216. Интриги и участие в деле Лопухиной маркиза Ботты 217. Расположение ее к дочери герцога Бирона и выдача ее в замужество за бар. А. И. Черкасова 218. Пожалование В. Ф. Салтыкова 218. Участие гр. А. Г. Бестужевой в заговоре против императрицы 229. Ссылка гр. А. И. Остермана 236. Удаление кн. А. М. Черкасского от дел и родство с ним 238. Отношение к кн. Вас. Вл. Долгорукому (ее крестный отец) 239. Помилование его с возвращением званий и орденов 239.

Еропкин. Участие Бирона в его гибели 193.

Зейблат, шведский вице-адмирал. Победа над ним кн. М. М. Голицына 234.

Знакомые леди Рондо и ее приятельницы. См. под буквами Б., Д., Л., М., П., Р., С., Т., Ф. и Х. (как они означены в «Письмах»), также *Вард*, *Рондо*.

Иван IV Васильевич Грозный. Перевоз им в Москву драгоценностей *Антониева* новгородского монастыря 179.

Иван V Алексеевич. Нисходящее его потомство 106, 107, 184. Дочери его: Екатерина 188, Прасковья 188 (См. эти имена). Наставник его дочерей И. Х.-Д. Остерман 226. Служба при нем гр. Г. И. Головкина 233.

Иван VI Антонович. Его рождение, объявление наследником престола и императором; кончина 216. Манифест об утверждении за ним престолонаследия 236.

Иван-город. Место ссылки кн. Вас. Влад. Долгорукого 239.

Испания. См. *Посланники*.

История графа Д. и г-жи Ф. и просьба графа о неразглашении ее 149, 150.

Италия. Приплытие оттуда в Новгород св. Антония на камне 179. Поездка туда С. В. Рагузинского 214.

Кабарда. Переход через нее татар во время войны Турции с Персией; сопротивление России и объявление войны Турции 191, 202.

Кабинет. Мысль гр. Остермана об его учреждении; установление его манифестом; круг подведомственных ему дел и первоначальный состав 211. Кабинет-министры за все время его существования 211. Уничтожение его Елизаветою Петровной 211.

Казань. Место ссылки кн. Вас. Влад. Долгорукого 231, 238.

Калмыцкие депутаты. Приезд их в Петербург и ошибочное название их леди Рондо татарами 191.

Кампредон, французский посланник 205.

Карл VI, австрийский император. Его рекомендация принца Брауншвейгского в женихи Анне Леопольдовне 215. Нежелание Анны Ивановны обидеть его обратной отсылкой не понравившегося принца 215. См. *Ботта*.

Карл XII, шведский король. Разбитие его войск под Красным 234.

Карл-Леопольд. См. *Мекленбургский герцог*.

Карл-Фридрих. См. *Голштинский герцог*.

Карнович Евгений Петрович. Его перевод «Писем леди Рондо» для настоящего издания 83.

Картины в Петергофе. Порча их 97.

Карточная игра в России. Ее развитие 101, 123, 207, 208.

Каскос. См. *Де Каскос*.

Касторский Михаил Иванович, профессор СПб. ун-та. Его русский перевод «Писем леди Рондо» с искажениями и пропусками 83.

Катанье с гор при дворе. Описание его; опасность этой забавы 151, 152. Невозможность придворным избавиться от катанья и освобождение от него леди Рондо по случаю беременности 152, 161, 162.

Кейзерлинг, граф, прусский посланник. Его любовь к Анне Монс и женитьба на ней 182. См. *Фон Кейзерлинг*.

Кенигсек, саксонско-польский посланник. Смерть его и история его связи с Анной Монс 99, 100, 181.

Киев. Губернаторство кн. Дм. М. Голицына 225, 235.

Кикинский розыск. Упоминание о нем 185, 186.

Китай и китайцы. Посольство их в Петербурге; наружность их, поведение во дворце; разговор с императрицей и комплимент Елизавете Петровне 126. Удивление их видеть на престоле женщину; посещение маскарада и мнение их, что в России все — маскарад; разговор с Кл. и леди Рондо; встреча с ними в Летнем саду; их расположение к англичанам 126, 127. Отзыв об англ. женщинах 127. Война китайцев с татарами 137. Посольство в Китай С. В. Рагузинского для определения границ и восстановления торговли 214. Посольство гр. Ф. А. Головина 224.

Константин Павлович, великий князь. Возобновление им дворца в Стрельне 206.

Константинополь. Русское посольство там 125. Оставление заложником и заключение бар. Шафирова 226. Посольство кн. Дм. М. Голицына 235.

Копенгагенский двор. Посольство кн. Вас. Лук. Долгорукова 239, 240.

Коронация Анны Ивановны. Присутствие при этом царицы Евдокии Федоровны и свидание с императрицею 112, 113. О коронации Екатерины I 237.

Красное. Битва со шведами 225, 234.

Красное Село под Петербургом. Прежде близ него были мельницы для приготовления писчей бумаги и обоев 178.

Крестины русские. Описание их 102. Публичное крещение татарского семейства в Петербурге 138. Крещение в православие дочери герцога Бирона 218.

Круа (де Круа или фон Крой), герцог. Главное начальство его над русским войском при осаде Нарвы 230.

Крюйс Корнилий Иванович, вице-адмирал. Биографическое известие о нем 226. Гр. Остерман был его камердинером 226 или секретарем 235.

Крюков В. С. Изготовление им портрета Анны Ивановны для настоящего издания 82, 84.

Куник Арист Аристович, академик. Его мнение о «замечаниях» на записки Манштейна 196.

Купцы петербургские. Назначение им места жительства на Васильевском острове 96. Рассказы английского купца о подкупности бар. Шафирова 227.

Куракин, кн. Борис Иванович. Родство его с царицей Евдокией Федоровной и с кн. Вас. Влад. Долгоруким 239.

Курляндия. Отъезд туда Карла Бирона 217. Управление Петра Бирона 217, 218. Уступка им своего владения России за деньги 218.

Курляндская герцогиня. См. *Анна Ивановна и Бирон Бенigna.*

Курляндский герцог. Супружество с ним второй дочери царя Ивана Алексеевича, Анны, и смерть его 106, 107. См. *Бирон Эрнст.*

Л; знакомая леди Рондо. Сообщение ей друзьями из Петербурга о ссоре двух придворных дам 142, 143.

Ла Ви, французский посланник. Отзыв его о Елизавете Петровне 189.

Ладожский канал. Окончание его устранило дороговизну в прежнем Петербурге 188.

Лалола, деревня близ Вазы. Сражение со шведами 225.

Ласси. Вступление с войсками в Польшу и смена его 195.

Леблонд, архитектор. Постройка дворца в Стрельне 206.

Левенвольде, граф Карл-Густав. Вопрос, поднятый им о престолонаследии 215. Посылка его за границу для выбора жениха Анне Леопольдовне 215.

Левенвольде, граф Карл-Рейнгольд. Его открытая связь с Н. Ф. Лопухиной 164, 165, 213. Биографические сведения о нем 213, 214.

Левенгаупт. Победа над ним под Лесным 234.

Лесное. Победа над Левенгауптом 234.

Лефорт Иоанн, саксонско-польский посланник. Собрания у него 101. Описание им наружности Петра II и известие о кончине императора 183. Биографические сведения о нем 191, 192. Характеристика его, сделанная герцогом де Лириа 191, 192. Отзывы его о гр. Минихе 202. В списке *посланников* 204.

Лефорт Франц, адмирал. Связь его с Анною Монс 181. Родство с предыдущим 191. После его смерти гр. Ф. А. Головин назначен генерал-адмиралом 224.

Лиар, граф, польский посланник 204. Склонность к нему Анны Леопольдовны и высылка его за границу 215, 216.

Липман, банкир. Мнимое соучастие его в контрабанде с леди Рондо 89.

Лириа, герцог, испанский посланник. Отзыв его о вел. кн. Наталье Алексеевне 181. Французская рукопись его записок 181. Его описание наружности Петра II 183. Отзывы его: о Екатерине Ивановне 188, о Елизавете Петровне 189, об Иоанне Лефорте 191, 192, об Анне Ивановне 192, о гр. Минихе 200, о герцоге Бироне 206 (ср. 206—208). Замечание о записках герцога де Лириа 222. Отзывы его: о гр. Г. И. Головкине 234, о кн. М. М. Голицыне 235, о кн. Д. М. Голицыне 235, о гр. А. И. Остермане 236, о гр. П. И. Ягужинском 237, о кн. И. Ю. Трубецком 238, о кн. А. М. Черкасском 238, о кн. Вас. Вл. Долгору-

ком 239, о кн. Вас. Лук. Долгоруком 240, о Варде, первом муже леди Рондо 86, 87, о Кл. Рондо 88, 89. Отношения к Кл. Рондо 88, 89.

Лифляндия. Родина гр. Левенвольде 213.

Лопухин Иван Степанович, подполковник, сын Степана Васильевича и Нат. Федоровны. Его неосторожность в словах; арест и пытка 213.

Лопухин Степан Васильевич. Полное равнодушие его к связи жены с гр. Левенвольде 164, 165. Биографические сведения о нем 212, 213.

Лопухина. См. *Евдокия Федоровна*.

Лопухина Ксения Федоровна, сестра царицы. Родство ее с кн. Куракиными и замужество за кн. Вас. Влад. Долгоруким 239.

Лопухина Наталья Федоровна, рожденная Балк. Знакомство с нею леди Рондо 164. Открытая связь ее с гр. Левенвольде и равнодушие мужа; о браке ее; роды 164, 165. Ее наружность 164. Биографические сведения о ней 212, 213. Участие в ее деле маркиза Ботты 217.

Любовные похождения на Севере. История молодого человека, высеченного дамами 91, 117, 118.

Людвиг-Иоанн-Вильгельм. См. *Гессен-Гомбургский*.

Людовик XV, король французский. Желание его доставить польскую корону тестю своему Станиславу Лещинскому 195, 196.

М., знакомый леди Рондо. Неприличный вопрос его о бане 146.

Манштейн. Отзывы его: об Анне Ивановне 192, 193, об Анне Леопольдовне 196, о гр. Минихе 200, 201, о принце Гессен-Гомбургском 203, о Бироне 206, 207, о гр. Остермане 210. Мнение г. Куника о «замечаниях» на записки Манштейна 196.

Маньян, секретарь французского посольства 205.

Мардефельд, барон, прусский посланник. Острота леди Рондо по поводу потсдамских гренадеров 150. В списке *посланников* 205.

Маркское графство. Родина гр. Остермана 226.

Марли, домик в Петергофе. Упоминание 178, 179.

Маскарад по случаю свадьбы Анны Леопольдовны 175, 176. Маскарад, описанный Екатериною II 190. Ср. 113.

Махмуд V, султан турецкий. Война его с Персией; посольство в Россию; несогласие России на пропуск его войск через Кабарду 191. Нарушение неприкосновенности русской границы; объявление ему войны 191.

Мекленбургская герцогиня. См. *Екатерина Ивановна*.

Мекленбургский герцог, Карл-Леопольд. Брак с первой дочерью царя Ивана Алексеевича, Екатериною; изгнание его из владений; его беспокойный характер 106; дурная репутация 184. Неприятности и разрыв с женою 188. Заботы гр. Остермана и Левенвольде об устранении его влияния и вмешательства в дела России 214, 215. См. *Посланники*.

Мельницы для приготовления бумаги. Их прежнее местонахождение 27, 178.

Менгден Юлия, любимица Анны Леопольдовны 196.

Меншиков кн. Александр Данилович. Дом его под Москвою 109, 185. Возвращение его детей и ссылка кн. Долгоруких на место его пребывания 119. Гр. Остерман был орудием его падения 156. Дурные отношения к герцогине Курляндской Анне Ивановне и расстройство ее брака с Морицом Саксонским 187. Капиталы, положенные им в английский банк 199. Ненависть к бар. Шафирову 226 и спор с ним 227, 228. Полный титул кн. Меншикова и биографические сведения о нем 227, 228. Происки его против гр. Ягужинского и утрата расположения Петра Великого 229.

Меншикова, княжна Александра Александровна. Похороны ее 138—140. Биографические сведения о ней 199.

Меншикова, княжна Мария Александровна. Предположение о встрече ее с княжной Е. А. Долгорукой в Березове 119. Биографические сведения о ней 187.

Милицимо, граф. Любовь к нему княжны Ек. Ал. Долгорукой и предполагавшийся брак 101, 104. Поступок его при целовании ее руки и отъезд 104, 105. Родство его с гр. Вратиславом 182.

Миллер, пленный шведский капитан, жених Анны Монс, умершей за несколько дней до свадьбы 182.

Миллионная улица. На ней был дворец Петра Великого 177 и Елизаветы Петровны 190.

Миних, граф. Отзыв о нем французских пленных 134, 135. Изображение его и характеристика 90, 140—142. Просьба к нему о молодом англичанине 147. Служба принца Брауншвейгского под его начальством 168, 216. Отзывы его: о Елизавете Петровне 190 и об Анне Ивановне 193. Действия его против Данцига 195, 196. Отзывы о Екатерине Ивановне и Анне Леопольдовне 198, 199. Отзывы о нем: герцога де Лириа 200, Манштейна 200, 201, гр. Альгаротти 201, Фридриха II и Иоанна Лефорта 201, 202. Жалобы и доносы на него принца Гессен-Гомбургского и неудовольствие герцога Бирона 202. Отзыв графа о принце 203 и о Бироне 207, 208. Первый министр при Анне Леопольдовне 211.

Миних-сын, граф. Отзывы его: об Анне Ивановне 193, 194 и об Анне Леопольдовне 196—198. Приписываемые ему «замечания» на Манштейна 196.

Митава. Место жительства, кончины и издания стихотворений герцогини Бирон 209. Место рождения Карла, Петра и Гедвиги Биронов 217, 218. Подача Анне Ивановне условий ограничения самодержавия 240.

Михаил Федорович. Прибытие при нем в Россию кн. Черкасского (Урускан-мурза) 230.

Мишо. Сведения о леди Рондо в его *Biographie universelle* 86.

Мойка, канава. Летний сад занимал по ней обширное пространство 178.

Монастыри московские. Их внешность и посещение настоятеля одного из них 110, 185. Заключение первой жены гр. Ягужинского 229. См.: *Антоньевский новгородский, Воскресенский, Горицкий, Новодевичий, Соловки.*

Монплеzir в Петергофе. Упоминание 179.

Монс Анна Ивановна. История ее связи с Петром Великим и польским посланником 91, 164, 181, 182, 186. Родство с Н. Ф. Лопухиной 212.

Монс Матрена Ивановна, в замужестве Балк, мать Н. Ф. Лопухиной 212.

Монтегю, лорд. Сравнение его поместья с Летним садом 96, 178.

Мориц Саксонский, граф. Расстройство кн. Меншиковым брака его с Анной Ивановной 187.

Москва. Путешествие туда леди Рондо 97. Окрестности 109, 110. Предположение о переезде оттуда двора в Петербург 119. Переезд 120, 121. Четырехлетнее пребывание в ней двора 187. Запрещение въезда детям кн. Меншикова 120, 121. Пребывание графини Остерман 209. Приезд С. В. Рагузинского из Китая 214. Прибытие Ягужинских 236.

Нарва. Осада под начальством герцога де Круа и кн. И. Ю. Трубецкого 230. Пожалование кн. М. М. Голицына за взятие ее 234. Взятие в плен шведами кн. И. Ю. Трубецкого 237.

Нарвская цитадель. Место заключения кн. Вас. Влад. Долгорукого 228.

Народ русский. Отзыв о нем леди Рондо 95, 98. Его вежливость и забитость 98. Его религия и суеверия 102.

Нарышкин Лев Кириллович. Родство с кн. Черкасским и Петром Великим 230, 231.

Нарышкина Аграфена Львовна. Брак ее с кн. А. М. Черкасским 231.

Нарышкины, родственники царицы Натальи Кирилловны 223.

Наряды дам на празднике по случаю взятия Данцига 133 и на свадьбе Анны Леопольдовны 174, 176.

Настоятель московского монастыря. Посещение его леди Рондо 110.

Наталья Алексеевна, вел. княжна. Усиление влияния кн. Долгорукого на Петра II после ее кончины 99. Биографические сведения о ней 181. Отзыв о ней герцога де Лириа 181. Место ее в порядке престолонаследия 184. Дружба с княжной Ал. Ал. Меншиковой 199.

Наталья Кирилловна, царица. Ее влияние на первую женитьбу Петра Великого 185, 186. Родство ее с гр. Головкиными 223, 233.

Невский проспект — упоминание 178.

Нежин. Место кончины гр. Ф. А. Головина 224.

Ниеншанц — упоминание 182.

Нижнеколымск. Место ссылки Густава Бирона 200.

Ништадтский мир. Пожалование гр. Остермана по случаю его 235, 236.

Новгород. Проезд через него леди Рондо 98, 99. Казнь кн. Долгорукого 180, 181 и смерть кн. Долгорукой 182, 183. Место ссылки бар. Шафирова 228. См.: *Антоньевский* и *Горицкий* монастыри.

Новодевичий монастырь в Москве. Местопребывание царицы Евдокии Федоровны 112, 185, 187. Основание монастыря 185.

Нортгамптон, графство в Англии. Сравнение тамошнего поместья лорда Монтегю с Летним садом 96, 178.

Нумберс, шведский вице-адмирал. Истребление его эскадры 233.

Овцын, офицер Березовского гарнизона. Связь с ним княжны Долгорукой 182.

Огинский, князь. Польский посланник 205.

Ограничение самодержавия. Мысль об этом в Верховном тайном совете и предложение условий ограни-

чения 184, 185. Принятие и потом уничтожение их Анною Ивановною 184, 185. Участие кн. Вас. Лук. и других кн. Долгоруких в предложении ограничения 232—240. Предложение кн. Дм. Мих. Голицына. 235. Неподписание проекта гр. Остерманом 236. Донесение гр. Ягужинского Анне Ивановне 237. Противодействие кн. А. М. Черкасского 238 и кн. Вас. Влад. Долгорукого 239. Подача кн. Вас. Лук. Долгоруким условий ограничения, к подписанию, Анне Ивановне 240.

Опера во дворце, по случаю свадьбы Анны Леопольдовны 175.

Ордена. Учреждение их Петром Великим и Екатериною 96, 178. Пожалование орденами: кн. Ив. Ал. Долгорукого 180, княж. Ал. Ал. Меншиковой 199, принца Гессен-Гомбургского 202, герцогини Бирон 209, гр. Левенвольде 213, С. В. Рагузинского 214, принца Брауншвейгского 216, Карла Бирона 217, Петра Бирона 217, 218, В. Ф. Салтыкова 218, гр. Ф. А. Головина (первый андреевский кавалер) 224, бар. Шафирова 226, гр. Г. И. Головкина 233, кн. М. М. Голицына 234, кн. Дм. М. Голицына 235, гр. Остермана 236, гр. Ягужинского 237, кн. И. Ю. Трубецкого 237, кн. А. М. Черкасского 238, кн. Вас. Влад. Долгорукого 238, 239.

Остен, гр. Карл-Генрих, австрийский посланник 204. Отзыв его о Бироне 207.

Остерман, гр. Андрей Иванович. Приязненные отношения его к Кл. Рондо 88. Характеристика его и изображение леди Рондо 155, 156. Упоминания 156, 193, 207. Женидьба его 209. Отзывы о нем Фридриха II 210 и Манштейна 210. Мысль его об учреждении Кабинета и назначение членом Кабинета 211. Поднятие вопроса о престолонаследии после имп. Анны 214, 215. Известие о нем Кл. Рондо 226—228. Он был камердинером или секретарем Крюйса 226, 235. Заступничество за бар. Шафирова 227 и оставление его 228. Назначение вице-канцлером 228. Неблагодарность к кн. Меншикову и Долгоруким 228. Биографическое известие о нем 226—228. Происки против кн. Долгоруких 232. Биографические сведения, Ю. Толстого 235, 236. Отзыв герцога де Лириа 236.

Остерман, гр. Иван Андреевич. Приписываемые ему замечания на Манштейна 196.

Остерман, Иоанн Христофор Дитрих, брат предыдущего. Мекленбургский посланник 205. Наставник дочерей царя Ивана Алексеевича 226.

Остерман, графиня Марфа Ивановна, рожденная Стрешнева. Биографические сведения о ней 209.

Острова петербургские. Исчисление и описание их 96.

Оттвей, английский поэт. Применение его стихов к гр. Миниху 90, 141.

П., английский доктор, знакомый леди Рондо 154.

Павия. Место рождения маркиза Антония Ботта де Адорно 216.

Париж. Пребывание там кн. Вас. Лукича Долгорукого 239.

Пассер Христиан Готлиб, советник Гессен-Гомбургского посольства 205.

Пелым. Место ссылки семейства Биронов 209, 217.

Переволочна. Взятие в плен шведов 234.

Персидский посланник. Ожидание его в Петербурге 127.

Персия. Война с нею Турции при Махмуде V 191. Приезд из Персии английского купца в Петербург 227. Командование русской армией там кн. Вас. Влад. Долгорукова 232, 239.

Петербург. Описание его 96. Окрестности его 96.

Петергоф. Поездка туда леди Рондо 97. Упоминание 150. Исторические сведения о нем 178, 179.

Петр I. Место погребения его тела 96. Основание Александро-Невской лавры и учреждение орденов 96, 178. Дворец его в Петергофе 9, 178, 179. История связи с Анной Монс 91, 164, 181, 182, 186. Перенесение престолонаследия на женское поколение его старшего брата 106, 107, 184. Заточение его первой супруги 111, 112, 185—

187. О браке его с нею 111, 185, 186. Дочь его Елизавета 122. Дворец, начатый им в Стрельне 150, 151, 206. Определение и женитьба гр. Остермана 155, 209. Расположение к гр. Ягужинскому 158, 159. Принуждение Н. Ф. Балк к браку с Лопухиным 164, 165. Посылка С. В. Рагузинского в Венецию 165. Постройка Зимнего дворца 177, 178. Разведение Летнего сада 178. Установление порядка престолонаследия 184. Заточение Софьи Алексеевны 185. Выписка учительниц в Россию 185. Упоминание 189. Крестины княжны Ал. Меншиковой 199. Предположение женитьбы принца Гессен-Гомбургского на Елизавете Петровне 202. Посылка великорослых солдат прусскому королю 205, 206. Упоминание 210. Покровительство С. В. Рагузинскому и посылки его за границу 214. Упоминание 223, 224. Уважение к кн. М. М. Голицыну 225. Определение в русскую службу Крюйса 226, и бар. Шафирова 226. Наказание его 226. Упоминание 227. Отношения к гр. Ягужинскому и охлаждение к кн. Меншикову 229. Назначение кн. Черкасского губернатором в Сибирь 230. Родство с Нарышкиными и кн. Черкасским 231. Служба кн. Влад. Дм. Долгорукого, ссылка и возвращение его сына 231—232. Служба гр. Г. И. Головкина 233. Боязливость кн. М. М. Голицына 235. Назначение гр. Остермана в посольскую канцелярию 235. Служба гр. П. И. Ягужинского 236, 237. Пожалование кн. И. Ю. Трубецкого 237. Посольства кн. Вас. Лукича Долгорукого 239, 240.

Петр II. Образ жизни и его склонности 98, 180. Помолвка с княжной Долгорукой 103, 104, 182, 183. Изображение его 105. Участие в крещенском водосвятии; простуда, оспа и смерть 105, 106. Впечатление, произведенное ею на царицу Евдокию Федоровну 112, 113 и ср. 111. Гр. Остерман был его наставником 156, 236. Подарок дома гр. Апраксиным 177. Благосклонность к кн. И. А. Долгорукому и дурное влияние фаворита 179, 180. Доброе влияние сестры, Натальи Алексеевны, и отдаление ее кн. Долгорукими 181. Описание наружности Петра II у герцога де Лириа и посланника И. Лефорта 183. О болезни его и кончине, по отзывам Шмидта-Физельдека и И. Лефорта 183. Место его в порядке престолонаследия 184. Отношения его к царице Евдокии Федоровне 186,

187. Распоряжение об освобождении детей кн. Меншикова 187. Намерение перенести столицу в Москву 187. Любовь к Елизавете Петровне 189. Дружба его сестры с княжною Ал. Меншиковой 199. Пожалование ей ордена 199. Производство принца Гессен-Гомбургского 202, 203. Возвышение и ссылка кн. Меншикова 227, 229. Назначение кн. М. М. Голицына президентом Военной коллегии 234. Производство гр. Ягужинского 237. Пожалование кн. И. Ю. Трубецкого 237.

Петр III. Производство Карла Бирона 217, 218. Возвращение семейства Биронов и пожалование Петром Бирона 217, 218. Договоры России с Австрией о возврате Голштинии его отцу 237.

Письма леди Рондо. Их первоначальное английское издание, французский перевод и русский 83, 84. Характеристика «Писем» 85—88. Подробное содержание их 89—92.

Полтавская битва. Командование кн. М. М. Голицына в Полтавской битве 234. Участие в ней кн. Вас. Влад. Долгорукого 238.

Польские дамы. Известие о двух польках, бывших в Петербурге 160.

Польский посланник. Странное поведение польского посланника с леди Рондо 127. Случай с женою польского посла, провалившейся под лед 159, 160. См. *Посланники*.

Польша. Намерение леди Рондо ехать с мужем к русской армии в Польше 129, 130. Отмена поездки 132. Русская армия в Польше 195, 196. Переговоры кн. Вас. Лук. Долгорукого 239. Родина гр. П. И. Ягужинского 236. Пребывание там кн. Г. Ф. и В. Л. Долгоруких 239.

Посланники в Петербурге во время пребывания леди Рондо: турецкий 125, 126, татарский и китайский 126. Отзывы о них, описание их и разговоры китайцев с императрицею 126. Встреча с китайцами в Летнем саду 126, 127. Ожидание персидского 127. Странное поведение польского с леди Рондо 127. Острота леди над прусским посланником 150. Случай с женою польского 159, 160.

Посланники: резиденты, консулы и проч. в России. *Австрийские:* маркиз Ботта 169, 170, 174, 204, 216, 217; гр. Вратислав 182, 204; Гогенгольц 204; гр. Остен 207. *Ангальт-Бернбургский:* фон Ротмелер 205. *Английские:* Вард, Рондо (см. эти слова); Финч 198, 204; Форбес 204. *Брауншвейгские:* Грас и фон Крамер 205. *Вольфенбютельские:* фон Кейзерлинг 170, 205; фон Книстедт и Сомерланд 205. *Гессен-Гомбургский:* Пассер 205. *Голландские:* Де Дие и Шварц 204. *Голштинские:* Бонде и Тессин 204. *Датские:* Вестфаль, фон Бонгар и фон Дек 204. *Испанские:* Де Каскос 204; Де Лириа (см. это). *Китайские:* 126, 127. *Мекленбургские:* Гейль 205; Остерман 205, 226; Тидеман 205. *Персидский* 127. *Польские и Саксонско-Польские:* Кенигсек 99, 100, 184; Лефорт 101, 183, 191, 192, 202, 204; гр. Линар 204, 215, 216; кн. Огинский 205, Сум 205, ср. 127, 169, 161. *Прусские:* гр. Кейзерлинг 182, бар. Мардефельд 150, 205. *Татарский* 126. *Турецкий:* Халиль-мир-алем 191, ср. 125, 126. *Французские:* Кампредон 205; Ла Ви 189, Маньян 205 и Шетарди 205. *Шведские:* фон Дитмер и фон Нолькен 205.

Потсдамские гренадеры. Разговор о них и острота леди Рондо о Потсдамском купидоне 150. Посылка Петром Великим высоких солдат прусскому королю 205, 206.

Похороны дочери кн. Меншикова 138—140.

Празднества в Петербурге по случаю взятия Данцига 132, 133.

Прасковья Ивановна, третья дочь царя Ивана Алексеевича 107. Смерть ее 122. Биографические сведения о ней, ее тайный брак с Дмитриевым-Мамоновым и смерть 188.

Прасковья Федоровна, царица. Ее родство с В. Ф. Салтыковым 218 и с гр. Головкиными 233.

Престолонаследие. Перенесение его по смерти Петра II на женское поколение царя Ивана Алексеевича и причина, по которой обойдена старшая дочь Екатерина 107. Установление порядка престолонаследия и изменения в этом порядке; решение Верховного тайного совета

184. Вопрос, поднятый об этом порядке при Анне Ивановне 214, 215. Манифест об утверждении престолонаследия за Иваном Антоновичем 236.

Пруссия. См.: Берлин, Посланники, Фридрих-Вильгельм и Фридрих II.

Прутский договор. Заключение его бар. Шафировым 226. Награда за Прутский поход кн. Вас. Влад. Долгорукому 238.

Пустозерск. Место ссылки кн. Долгоруких 228.

Путешествия и поездки леди Рондо. Поездки по окрестностям Петербурга, ночлеги 96, 97. Путешествие в Москву, описание его, станции 97. Поездки по окрестностям Москвы 109, 110. Станции и ночлеги при переезде из Москвы в Петербург 120. Спящий крестьянин, открытый в избе при перемене белья дамами 124, 125.

Пушкин. Участие его в заговоре против Петра Великого 186.

Рагузинская. Покупка ее мужем; наружность; отношения к мужу; богатство 165—167. Пощечина, данная ею шутихе императрицы 166. Отзыв леди Рондо о Рагузинской и нежелание сблизиться с нею 166, 167.

Рагузинский Савва Владиславлевич. Его происхождение; посылка в Венецию и покупка там жены 165. Биографические сведения о нем 214.

Раненбург. Место заточения Брауншвейгской фамилии 216 и ссылки кн. Меншикова 227, 228 и кн. Долгоруких 228.

Религия русских. Мнение о ней леди Рондо 102.

Рижская крепость. Место заточения Брауншвейгской фамилии 216.

Ромодановская, княжна Н. Ф. См. Головкина, гр.

Рондо, леди. Английское изд. ее «писем», русский и французский переводы 83, 84, 89, 90. Приезд в Россию; первый брак 86, 87. Заметка о двух первых мужьях ее 87—89. Замужество за Кл. Рондо; ее роды 87.

Семейная жизнь 88. Отзыв о ней кн. П. В. Долгорукого как об интриганке и контрабандистке 89. Сношения ее с Биронами и банкиром Липманом 89. Выезд из России; вдовство; третий брак; издание писем; смерть 89. Характеристика писем 90—92. Известия «писем», лично до нее относящиеся: поездки по окрестностям Петербурга 96, 97. Путешествие в Москву 97. Семейная жизнь 108, 109. Поездка по окрестностям Москвы 109, 110. Посещение настоятеля монастыря 110. Разговор с царицей Евдокией Федоровной 112, 113. Домашний быт и болезнь мужа 113, 114. Смерть его; дела; надежда на возвращение в Англию 114, 115. Ухаживания г. Рондо и отзыв о нем и о французах вообще 116, 117. Отношения к нему и характеристика его 118, 120. Предположение о переезде в Петербург 120. Брак с г. Рондо; приготовления к представлению ко двору и отъезд из Москвы 120, 121. Изображение г-на Рондо 120. Болезнь и перемена в характере 123, 124. Случай при переезде из Москвы, во время перемены белья на ночлеге 124, 125. Роды и их трудность 125. Русский обычай дарить роженицу 125. Разговор с китайским посланником и странное обращение польского 126, 127. Поднесение узоров герцогине Бирон; работы у нее; разговоры с императрицей и поправки Анною неправильностей русской речи леди 128, 129. Намерение ехать с мужем к русской армии в Польше 129, 130. Покупка дачи 131, 132. Домашний быт 132. Отмена поездки к армии, празднества по случаю взятия Данцига; разговор с пленным французом 132—135. Переписка о домашних делах молодой англичанки и заметки о себе 146, 148, 149, 152.хлопоты об определении молодого англичанина в русскую службу; разговор, с императрицей 147, 148. Посещение больной дамы 161. Катанье с гор при дворе 151, 152. Стрельба в цель 162. О своем характере и чопорности 162, 163. Участие в церемонии свадьбы и раздевании в брачную ночь Анны Леопольдовны 174. Возвращение в сопровождении обер-гофмаршала 174. Знакомство с Н. Ф. Лопухиной и разговор с ее мужем 164, 165. См. *Знакомые леди Рондо*.

Рондо Клавдий, английский резидент в Петербурге. Его «записка» о некоторых вельможах русского двора

84, 221, 222. Время пребывания его при русском дворе 204. Известие о нем в донесении герцога де Лириа 86, 87. Женитьба на авторе «писем» 87, 88. Характеристика его в донесении герцога де Лириа 88, 89. Отношения к нему герцога де Лириа и гр. Остермана 88. Биографические сведения о нем и отзыв кн. П. В. Долгорукого 89. Смерть 89. Дружба с гр. П. И. Ягужинским 157, 158. Отсутствие в Петербурге 163. Участие в церемонии свадьбы Анны Леопольдовны 174. В списке *посланников* 204. Ср. 210, 212. Из предыдущего указателя о «леди Рондо» к Кл. Рондо относятся с. 96, 97, 116, 117, 120, 121, 124—132, 147—148.

Рукопись записок герцога де Лириа у К. Н. Бестужева-Рюмина 181.

С.— Знакомая леди Рондо 142.

Саган. Поместье и место кончины Петра Бирона 218.

Сад Летний. 96, 178. Празднество по случаю взятия Данцига 132, 133. Маскарад в нем 176. Сады Александроневской лавры, бывшие по Неве, и сады при домах частных лиц 96, 97. Сад при доме кн. Меншикова 109, 185.

Саксонско-польские. См. *Посланники*.

Салтыков Василий Федорович. Присутствие в маскараде по случаю свадьбы Анны Леопольдовны 175. Биографические сведения о нем 218.

Салтыкова. См. *Прасковья Федоровна*, царица.

Сани русские. Описание их 98.

Свадьба русская. Описание ее; свадебные песни; приданое; икона 102. Приготовлявшаяся свадьба княжны Долгорукой и Петра II 105. Приготовления к свадьбе Анны Леопольдовны 167—170 и празднование свадьбы 169—176. О свадьбе вел. кн. Анны Петровны 177, 178.

Связь, река — упоминание 185.

Семевский М. И., член Педагог., Географ. и Археол. обществ, Археол. комиссии, Моск. музея и проч. Напечатание им в «Русской старине» сообщенного ему плана настоящего издания записок иностранцев о России 84.

Сибирь. Упоминание 136, 193. Ссылка кн. Хованского 223. Присуждение бар. Шафирова к ссылке туда 228. Губернаторство кн. Черкасских 230, 231, 238. Ссылка гр. А.Г. Бестужевой 229 и кн. Долгоруких 231—232.

Силезия. Покупка там поместья Петром Бироном 218.

Скорняков-Писарев, обер-прокурор. Ненависть к бар. Шафирову и ссора с ним в Сенате 226.

Собор Петропавловский. Упоминание 96.

Сож, река. Упоминание 225.

Соковнин. Участие в заговоре против Петра Великого 186.

Соколов И., гравер. Изготовление им портрета Анны Ивановны 82, 84.

Солдаты русские. Употребление их на работы 151. Посылка высоких солдат прусскому королю 205, 206.

Соликамск. Место ссылки и кончины гр. Левенвольде 213, 214. Мнимое место ссылки кн. Вас. Влад. Долгорукого 231.

Соловки. Место ссылки кн. Долгоруких 228, 239, 240.

Сомерланд. Вольфенбютельский посланник 205.

София Алексеевна, сестра Петра Великого. Место ее заточения 185. Упоминание 223, 231.

Ссора двух придворных дам 142—144.

Станислав Лещинский. Противодействие России его избранию 195, 196. Бегство его из Данцига 195, 196.

Стокгольм. Пребывание там в плену кн. И. Ю. Трубецкого 230. Посольство кн. Вас. Лукича Долгорукого 240.

Стрелецкий мятеж. Один из судей по розыску о нем, кн. Вл. Дм. Долгорукий 231.

Стрельба в цель и на лету при дворе имп. Анны Ивановны 162, 212.

Стрельна. Исторические сведения о тамошнем дворце, начатом Петром Великим, и о Стрельне 150, 151, 206.

Стрешнева Марфа Ивановна. Женитьба на ней гр. Остермана 209.

Суеверия и обряды русских. Отзыв о них 102. Обычай делать подарки роженицам 126.

Суздальский Покровский монастырь. Место заточения царицы Евдокии Федоровны 185, 186.

Сум, польский посланник 205.

Т., мисс. Знакомая леди Рондо 148, 149.

Татары. Посольство в Петербурге 126. О войне татар с китайцами 137. Приключения шведки, бывшей в плену у татар 136, 137. Посылка книги, содержащей историю татар 137, 138. Публичное крещение в Петербурге татарской семьи 137, 138. Победа над татарами вел. князя Василия Ивановича 185. Калмыцкие депутаты в Петербурге 191. Участие татар в войнах Турции с Персией 191. Сражение с татарами 202.

Тверь — отзыв о ней 99.

Тессин — голштинский посланник 204.

Тидеман Георг-Иоахим — мекленбургский посланник 205.

Тишин, тобольский подьячий. Донос на кн. Долгорукого 182. Искание любви княжны Долгорукой 182.

Толстой Юрий Васильевич. Найденная им в Лондонском архиве «Записка англ. резидента Рондо» 84. Предисловие его к этой «Записке» 215—216 и примечания к ней 223—240.

Трубецкая, кн. Марья Юрьевна. Женитьба на ней кн. А. М. Черкасского 231.

Трубецкой, кн. Иван Юрьевич, фельдмаршал. Отзыв о нем резидента Рондо 230. Брак его племянницы с кн. А. М. Черкасским 231. Биографическое известие, Ю. Толстого и отзыв герцога де Лириа 237, 238.

Трубецкой, кн. Юрий Юрьевич. Брак его дочери с кн. А. М. Черкасским и биографическое известие 231.

Тургенев Александр Иванович. Сделанные им извлечения из донесений французских послов 189.

Турецкое посольство в Петербурге. Отзыв о посланнике и его разговоры 125, 126. Война Турции с Персией и нарушение при этом неприкосновенности русских границ; объявление войны Турции 191, 202. Заключение бар. Шафирова в Константинополе и Прутский договор 226.

Успенский ладожский монастырь. Место заключения царицы Евдокии Федоровны 186.

Ф., знакомая леди Рондо. Просьба графа Д. не разглашать о бывшей с нею истории 149, 150.

Федор Алексеевич, царь. Служба при нем кн. Влад. Дм. Долгорукого 231.

Фейерверк по случаю свадьбы Анны Леопольдовны 176.

Феофан Прокопович. Присутствие его при обручении Петра II с княжной Долгорукой 104.

Финляндия. Вид на ее берег из Петергофа 97. Сражение со шведами 225. Покорение ее кн. М. М. Голицыным 234.

Финч Эдуард, англ. посланник. Отзыв его об Анне Леопольдовне 198. Упоминание 204.

Флорищева пустынь. Место кончины кн. Б. А. Голицына 223, 224.

Фон Бокгоф, барон Иоанн, датский посланник 204.

Фон Дек, граф, датский посланник 204.

Фон Дитмер Иоахим, шведский посланник 205.

Фон Кейзерлинг, граф Иоанн-Геггардт, посланник герцога Вольфенбютельского. Его участие при сватовстве Анны Леопольдовны 170. Упоминание 205.

Фон Книстедт Христиан-Фридрих, вольфенбютельский посланник 205.

Фон Крамер Август-Адольф, брауншвейгский посланник 205.

Фон Нолькен Эрик-Мариас, шведский посланник 205.

Фон Ротмелер, ангальт-бернбургский посланник 205.

Фонтанка — упоминание 178.

Форбес, лорд, английский посланник 204.

Франция. Переговоры с нею через кн. В. Л. Долгорукого 232. Пребывание там кн. Якова Федоровича и Василия Лукича Долгоруких 239. См. *Посланники*.

Французы. Общая заметка об их характере 116, 117. Пленные на данцигском празднике 91, 133, 134.

Фридрих-Вильгельм, король прусский. Его потсдамские гренадеры 150, 205, 206.

Фридрих II. Отзыв его о гр. Минихе 201, о Бироне 208 и гр. Остермане 210.

Фридрих-Яков, ландграф Гессен-Гомбургский. Упоминание 202.

Х. Поездка его в Англию и рекомендация леди Рондо 115, 116. Увлечение его и ревность жены 118. Сопутствие леди Рондо при переезде в Петербург 120. Упоминание 121, 123, 124, 161.

Халиль-мир-алем, турецкий посланник в Петербурге 191.

Хилкова, княжна Прасковья Юрьевна. Супружество с кн. А. Г. Долгоруким 180.

Хованский, кн. Иван Андреевич, начальник Стрелецкого приказа. Упоминание 223.

Хованский, кн. Иван Никитич, боярин-дворецкий. Биографическая заметка о нем 223.

Холмогоры. Место заточения Брауншвейгской фамилии и кончины Анны Леопольдовны и Антона Ульриха 216.

Царицын луг. Упоминание 190.

Церемониал въезда Анны Ивановны в СПб. 121, 187, 188.

Циклер. Участие его в заговоре против Петра Великого 186.

Черкасов, бар. А. И. Выдача за него в замужество Гедвиги-Елизаветы Бирон 218.

Черкасская, княжна. Самая богатая невеста 156.

Черкасский, кн. Алексей Михайлович. Изображение его и характеристика 156, 157. Упоминание 170. Участие в церемонии свадьбы Анны Леопольдовны 170. Упоминание 193. Биографические сведения о нем 211, 212. Отзыв о нем кн. М. М. Щербатова 211, 212, резидента Рондо 230, 231. Биографические сведения Ю. Толстого 238. Отзыв герцога де Лириа 238.

Черкасский, кн. Михаил Яковлевич. Губернаторство его в Сибири 230—231.

Черкасский, кн. Яков Куденетович (Урускан-мурза). Приезд в Россию и служба в ней 230.

Черная Напа. Битва со шведами при этой реке 225.

Шафиров, барон Петр Павлович, вице-канцлер. Биографическое известие о нем 226. Спор с кн. Меншиковым и гр. Головкиным 227, 228. Назначение гр. Остермана на его место 238.

Шварц, голландский резидент 204.

Шведка, бывшая в плену у татар. Ее приключения 136, 137.

Швеция. Победы над шведами кн. М. М. Голицына 225, 234. Битва под Нарвою 230, 234, 237. Переговоры с нею через кн. В. Л. Долгорукова 232, 240. Договор России с Данией о союзе против нее 236, 237. См. *Посланники*.

Шетарди, маркиз, французский посланник 205.

Шлиссельбург. Упоминание 182. Перемещение сюда царицы Евдокии Федоровны 186. Место заточения и

кончины императора Ивана VI Антоновича 216. Взятие Шлиссельбурга кн. М. М. Голицыным 225. Ссылка туда кн. Д. М. Голицына 235.

Шляхетный кадетский корпус. Назначение принца Гессен-Гомбургского директором 203.

Шмидт-Физельдек. Его известие о болезни и кончине Петра II 183.

Шпильберг. Место заключения маркиза Ботты 217.

Шутиха императрицы. Пощечина, полученная от Рагузинской 166.

Щебальский Петр Карлович. Его мнение о замечаниях на Манштейна 196.

Щербатов, кн. Михаил Михайлович. Отзыв его о кн. Черкасском 211, 212.

Эссен, город. Место рождения гр. А. И. Остермана 226.

Юшкова, камер-фрау Анны Ивановны. Сношения с ней леди Рондо 89.

Ягужинская, первая жена графа, разведена с ним и заключена в монастырь. Вторая — **Анна Гавриловна,** рожденная гр. Головкина; ее вторичное замужество, участие в заговоре против имп. Елизаветы и ссылка в Сибирь; наружность ее и характер 229.

Ягужинский, гр. Павел Иванович. Его наружность и характеристика 91, 157—159. Отзыв о нем Петра Великого 158, 159. Упоминание 211. Указания о нем 212. Время пожалования его графом 237. Отзыв о нем Кл. Рондо 227—230. Ср. 221. Сведения о его женах 229. Биографические сведения о нем Ю. Толстого 236, 237. Известие о его отце и брате 236. Отзыв о нем герцога де Лириа 237.

Ярославль Место жительства семейства Биронов 200, 209, 217, 218.

Яуза, река. Упоминание 185.

СОДЕРЖАНИЕ

А. В. Сазанов. ПОРТРЕТ С МЕНЯЮЩИМИСЯ ФИГУРАМИ	3

ПИСЬМА ЛЕДИ РОНДО

Предисловие С. Шубинского	83
Предисловие К. Бестужева-Рюмина	85

Письмо I	95
Приезд в Петербург.— Описание этого города.— Мона- стырь Св. Александра Невского.— Нева.— Посещение мельниц для выделки писчей бумаги и Петергофа	

Письмо II	98
Путешествие в Москву.— Мнение о русском народе.— Путевые впечатления.— Новгород и монастырь Св. Антония.— Тверь.— Император Петр II и его фаворит князь И. А. Долгорукий. — Рассказ о Петре Великом и Анне Монс	

Письмо III	101
Собрания у польско-саксонского посла Лефорта. — Знакомство с княжной Е. А. Долгорукой. — Ее наруж- ность, характер и любовь к родственнику австрийско- го посланника графу Милиссимо.— Описание русских крестин и свадьбы	

Письмо IV	103
Торжественное обручение императора Петра II с княж- ной Е. А. Долгорукой.— Наряд невесты.— Поступок графа Милиссимо.— Поведение княжны.— Наружность Петра II	

Письмо V	105
Водосвятие на Москве-реке 6 января 1730 г.— Присутствие на нем императора и его невесты.— Болезнь и кончина Петра II.— Избрание императрицей герцогини Курляндской Анны Ивановны.— Положение княжны Е. А. Долгорукой; ее твердость и равнодушие к своей судьбе	
Письмо VI	108
Обычное прохождение времени автора писем.— Окрестности Москвы.— Дом князя Меншикова.— Московские монастыри.— Посещение одного из них и угощение, предложенное настоятелем.— Новодевичий монастырь — местопребывание вдовствующей царицы Евдокии Федоровны	
Письмо VII	111
Рассказ о царице Евдокии Федоровне.— Отношения к ней Петра Великого.— Ссылка и заключение ее в монастырь.— Уважение, оказываемое ей императрицей Анной Ивановной.— Присутствие ее при коронации императрицы.— Разговор ее с автором писем.— Наружность царицы	
Письмо VIII	113
Болезнь господина В.— Рассуждения по этому поводу.— Знакомство с одним русским семейством.— Внимание и услужливость этого семейства	
Письмо IX	114
Рассуждения о человеческих слабостях.— Надежда на возвращение в Англию	
Письмо X	115
Рекомендация господина X., отправляющегося в Англию	
Письмо XI	116
Взгляд на замужество.— Рассказ о молодом русском дворянине, высеченном дамами	
Письмо XII	118
Отзыв о женихе.— Намерение двора переехать в Петербург.— Ссылка семейства Долгоруких в Березов и возвращение оттуда детей Меншикова	

- Письмо XIII** 120
Уведомление о выходе замуж за г. Рондо.— Приготовления к переезду в Петербург
- Письмо XIV** 120
Торжественный въезд императрицы в Петербург.— Наружность и обращение императрицы.— Герцогиня Мекленбургская и ее дочь.— Царевна Прасковья Ивановна.— Цесаревна Елизавета Петровна.— Граф Бирон и его жена
- Письмо XV** 123
Рассуждения о своем характере.— Приключение во время путешествия из Москвы в Петербург.— Обычай русских делать подарки родильницам
- Письмо XVI** 125
Турецкий посланник.— Татарское и китайское посольства.— Поведение китайцев при дворе.— Ответы их императрице и разговор с г. Рондо.— Странное обращение польско-саксонского посла
- Письмо XVII** 128
Сближение с графиней Бирон.— Занятия вместе с ней женскими работами.— Частые свидания и беседы с императрицей.— Простота ее в обращении.— Характеристика императрицы
- Письмо XVIII** 130
Предположение об отъезде в армию и боязнь предстоящих опасностей.— Празднование годовщины восшествия на престол императрицы.— Покупка сельского дома, описание его и образа жизни в нем
- Письмо XIX** 132
Торжество по случаю взятия Данцига.— Наряды дам.— Убранство Летнего сада.— Французские пленные офицеры.— Слова, сказанные императрицей их начальнику.— Ответ его.— Внимание русского двора к пленным.— Разговор с одним из них
- Письмо XX** 135
Характеристика цесаревны Елизаветы Петровны и принцессы Анны.— История шведской дамы, бывшей в плену у татар

- Письмо XXI** 137
 Публичное принятие христианства одним татарским семейством и рассуждения по этому поводу.— Похороны жены генерала Густава Бирона, рожденной княжны Меншиковой.— Подробности печальной церемонии.— Отчаяние брата и мужа усопшей
- Письмо XXII** 140
 Характеристика фельдмаршала графа Миниха и принца Людовика Гессен-Гомбургского
- Письмо XXIII** 142
 Ссора двух жен иностранных послов при русском дворе
- Письмо XXIV** 145
 Рассуждения по поводу брака молодой англичанки и неудовольствий ее с теткой.— Неловкий вопрос о русской бане.—хлопоты об определении в русскую службу молодого англичанина
- Письмо XXV** 147
 Представление молодого англичанина императрице.— Ее милостивые слова.— Новые рассуждения по поводу неудовольствий англичанки с теткой
- Письмо XXVI** 149
 Граф Д.— Невыгодный отзыв о нем.— Прусский король и его высокие гренадеры.— Потсдамский купидон.— Недоконченный дворец Петра Великого в Стрельне.— Предположение императрицы соединить Стрельну с Петербургом каналом
- Письмо XXVII** 151
 Катанье с ледяной горы при дворе.— Мнение об этом удовольствии.— Еще рассуждения об англичанке и ее тетке
- Письмо XXVIII** 153
 Характеристика герцога и герцогини Бирон
- Письмо XXIX** 155
 Официальное положение при русском дворе герцога и герцогини Курляндских.— Биографические сведения о графе А. И. Остермане и его характеристика

Письмо XXX	156
Характеристика кабинет-министров: князя А. М. Черкасского и графа П. И. Ягужинского	
Письмо XXXI	159
Случай с женой польско-саксонского посланника.— Ее хладнокровие и смелость.— Характеристика двух польских дам	
Письмо XXXII	161
Опасный переезд через Неву по льду.— Заметка о лицах, составляющих русский двор.— Стрельба в цель при дворе и рассуждения по этому поводу	
Письмо XXXIII	162
Гувернантка принцессы Анны г-жа Адеркас и ее дочь	
Письмо XXXIV	164
Н. Ф. Лопухина.— Открытая связь ее с графом Левенвольде.— Взгляд на эту связь мужа Лопухиной	
Письмо XXXV	165
Приключение с венецианкой и рассуждения по этому поводу	
Письмо XXXVI	167
Приготовления к свадьбе принцессы Анны с принцем Антоном-Ульрихом Брауншвейтским.— Характеристика принца.— Неудавшаяся попытка Бирона женить своего сына на принцессе	
Письмо XXXVII	169
Торжественное обручение и бракосочетание принцессы Анны с принцем Антоном-Ульрихом.— Описание празднеств, бывших по этому случаю при русском дворе	
Примечания С. Н. Шубинского	177

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАПИСКА АНГЛИЙСКОГО РЕЗИДЕНТА К. РОНДО

О некоторых вельможах русского двора в 1730 году	221
Характеры некоторых русских вельмож	223
<i>Примечания Ю. В. Толстого</i>	233
<i>Алфавитный указатель.....</i>	241

Подписано в печать 26.09.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 500 экз.
Заказ № 9. Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

На обложке: фрагмент портрета императрицы
Анны Иоанновны Луи Каравакка. 1730 г.

ISBN 978-5-85209-380-6

9 785852 093806

Леди Рондо (1699–1783), Джейн Форд Рондо Вигор, урожденная Кудвин, супруга английского посланника при русском дворе в царствование Анны Иоанновны, жила в России с 1731 по 1739 год и письма адресовала подруге, оставшейся в Англии. Описывая свои впечатления от государства Российского и людей, приближенных ко двору, она рисует картины русской жизни второй четверти XVIII в.: придворные развлечения, церемонии, обычаи, бытовые подробности, приводит интересные факты о характерах императрицы, Фирона, Минниха, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны.

В России письма Джейн Вигор впервые опубликованы в журнале «Сын Отечества» в 1822 г.

